

КН. В. В. БАРЯТИНСКИЙ.

ЦАРСТВЕННЫЙ МИСТИКЪ.

(ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ 1-й — ФЕОДОРЪ КОЗЬМИЧЪ).

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

КН-ВО «ПРОМЕТЕЙ»
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

Типографія Сиб. Т-ва Печ. и Издат. дѣла „Трудъ“. Кавалергардская

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

Скончался ли Императоръ Александръ I въ Таганрогѣ
то Ноября 1825 г., или же, предоставивъ хоронить чѣ-то
кое тѣло, таинственно удалился отъ міра и окончилъ жизнь
образъ старца Федора Кузьмича въ окрестностяхъ Томска
го Января 1864 г.?

Разрѣшеніе этого вопроса—хотя бы приблизительное раз-
шеніе—составляетъ цѣль этой книги.

Вотъ схема, которой я буду стараться придерживаться:

- 1) Имѣлъ-ли Императоръ Александръ I намѣреніе остан-
тися на тронѣ и удалиться отъ міра?
- 2) Если онъ имѣлъ это намѣреніе, то привель-ли онъ его
исполненіе въ бѣтность свою въ Таганрогѣ, или же скон-
чался, не выполнивъ своего намѣренія?
- 3) Если онъ скрылся изъ Таганрога, а не умеръ, то
жно-ли отождествлять съ его личностью личность сибирскаго
старца Федора Кузьмича?

I.

Во время поездки по России въ 1817 г., въ день отъѣзда своего изъ Киева, 8-го сентября, за обѣдомъ, когда разговоръ коснулся обязанностей людей различныхъ состояній «равно и монарховъ», Александръ I неожиданно произнесъ твердымъ голосомъ:

«Quand quelqu'un a l'honneur d'être à la tête d'une nation comme la nôtre, il doit au moment du danger être le premier à l'affronter. Il ne doit rester à sa place qu'aussi longtemps que ses forces physiques le lui permettent... Passé ce temps, il faut qu'il se retire».

(Когда кто-нибудь имѣть честь находиться во главѣ такого народа, какъ нашъ, онъ долженъ въ минуту опасности первый идти ей навстрѣчу. Онъ долженъ оставаться на своемъ посту только до тѣхъ поръ, пока его физическая силы ему это позволяютъ. По прошествіи этого срока онъ долженъ удалиться).

«При этихъ словахъ», пишетъ любимый флигель-адъютантъ императора, Михайловскій-Данилевскій, «на устахъ государя явилась улыбка выразительная», и онъ продолжалъ:

«Quant à moi, je me porte bien à présent, mais dans dix ou quinze ans, quand j'aurai 50 ans, alors...»

(Что касается меня,—я пока чувствую себя хорошо, но черезъ 10 или 15 лѣтъ, когда мнѣ будеть 50 лѣтъ...).

«Тутъ», продолжаетъ Михайловскій-Данилевскій, «нѣсколько присутствующихъ прервали императора, и, какъ не трудно догадаться, угѣрѣли, что и въ 50 лѣтъ онъ будетъ здоровъ и свѣжъ... Неужели, подумалъ я, Государь питаетъ въ душѣ своей мысль объ отречении отъ престола, приведенную

въ исполненіе Діоклетіаномъ и Карломъ Пятымъ? Какъ бы то было, но сіи слова Александра должны принадлежатъ исторіи».

Мѣсяцъ спустя Императоръ быть въ Москвѣ и присутствовалъ на закладкѣ храма на Воробьевыхъ горахъ, въ память отступленія наполеоновской арміи изъ Москвы. Наканунѣ этого дня, онъ имѣлъ бесѣду съ инициаторомъ проекта, академикомъ Карломъ Лаврентьевичемъ Витбергъ, и между прочимъ, сказалъ: «Конечно, я не могу надѣяться что-либо видѣть при себѣ».

Н. К. Шильдеръ, цитируя эти слова въ т. IV своего извѣстнаго труда «Императоръ Александръ I» (стр. 80), добавляетъ: «Этимъ словамъ суждено было, къ сожалѣнію, осуществиться. Мало того, посль кончины государя все это грандиозное предпріятіе рушилось, не оставивъ по себѣ и слѣдовъ, а творецъ его А. (К?) Л. Витбергъ, быть сосланъ въ Бятку».

Позволю себѣ и я сдѣлать краткое добавленіе: Императору Александру было въ то время 40 лѣтъ; онъ отличался превосходнымъ здоровьемъ, и—при всей медленности производства работы, особенно художественныхъ въ Россіи,—могъ бы надѣяться «видѣть что-либо при себѣ».

Воздерживалось отъ дальнѣйшихъ толкованій и продолжало. Лѣтомъ 1819 г. въ Красномъ Селѣ, посль смотра воинской части (2 бригады 1-ой Гвард. пѣхотной дивизіи), находившейся подъ командой Вел. Князя Николая Павловича, императоръ Александръ I обѣдалъ у своего брата.

По поводу этого обѣда мы находимъ слѣдующія строки въ запискахъ Великой Княгини (внѣсѣствѣннѣй императрицы) Александрѣ Феодоровны, супруги Николая Павловича.

«Ce fut à Krasnoïe, l'été 1819, qu'un jour l'Empereur Alexandre ayant diné chez nous, s'assit entre nous deux et causant familièrement, changea tout à coup de ton et devenant très sérieux il commença en termes suivants à peu près à nous dire qu'il avait été très satisfait ce matin de la mani re dont son fr re s'acquittait de son commandement militaire, qu'il se rejoissait doublement de voir Nicolas remplir bien ses devoirs, puisque sur lui reposeraient un jour un grand poids, qu'il le regardait comme son rempla ant et cela beaucoup plus tôt qu'on ne pouvait pr sumer, puisque cela arriverait de son vivant. Nous  tions assis compre-

deux statues, les yeux ouverts, la bouche muette. L'Empereur continua: vous semblez  tonn s, mais sachez que mon fr re Constantin qui ne s'est jamais souci  du trône est plus que jamais d cid  à y renoncer formellement en faisant passer ses droits sur son fr re Nicolas et ses descendants. Pour moi m me je suis d cid  à me d faire de mes fonctions et à me retirer du monde. L'Europe a plus que jamais besoin de souverains jeunes et dans toute l'energie de leur force; pour moi je ne suis plus ce que j'ai  t , et je crois de mon devoir de me retirer   temps... Nous voyant pr ts   sanglotter, il tâcha de nous consoler, de nous rassurer, nous disant que cela n'arriverait pas incessamment, que des ann es se passeraient avant qu'il mette son projet en execution».

(Ото было въ Красномъ Селѣ, лѣтомъ 1819 г., когда однажды императоръ Александръ, пообѣдавъ у насть, сѣлъ между нами двумъ и, бесѣду интимно, внезапно измѣнилъ тонъ, стала очень серьезнымъ и началъ приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ высказывать намъ, что онъ остался очень доволенъ, какъ утромъ его братъ спрavился съ порученнымъ ему командованиемъ: что онъ вдвойнѣ радъ тому, что Николай хорошо исполняетъ свои обязанности, такъ какъ на немъ когда-нибудь будетъ лежать большая ответственность, что онъ видѣть въ немъ своего преемника и что это случится гораздо раньше, чѣмъ можно предполагать, т. к. то случится еще при его жизни. Мы сидѣли какъ два изваянія, съ раскрытыми глазами и замкнутыми ustами. Императоръ продолжалъ: вы удивлены, но знайте-же, что мой брат Константинъ, который никогда не интересовался престоломъ, рѣшился тверже, чѣмъ когда-либо отказатьсь отъ него официально и передать свои права своему брату Николаю и его потомству... Чтокасаetъ меня я рѣшилъ сложить съ себя мои обязанности и удалиться отъ міра. Европа болѣе чѣмъ когда-либо нуждается въ монархахъ молодыхъ и въ расцвѣтѣ силъ и энергіи; я уже не тотъ, какимъ былъ и считаю своимъ долгомъ удалиться вовремя... Увидавъ, что мы готовы разрыдаться, онъ старался насъ утѣшить, ободрить, говоря, что все это случится не сейчасъ, что пройдутъ еще годы, прежде чѣмъ онъ приведеть свой замыселъ въ исполненіе).

Объ этомъ же знаменательномъ разговорѣ мы находимъ въ книжкѣ барона М. А. Корфа «Восшествіе на престоль Импера-

тора Николая Павловича», следующие строки, заимствованные из записок самого Императора Николая I.

«Минута переворота такъ вѣсль устрашившаго, сказалъ онъ (Александръ I), еще не наступила; до нея, быть можетъ, пройдетъ еще лѣтъ десять, а моя цѣль теперь была только та, чтобы Вы заблаговременно приучили себя къ мысли о непреложно и неизбѣжно ожидающей васъ будущности».

Въ томъ-же 1819 году, осенью, въ бѣтность свою въ Варшавѣ, Александръ I сказалъ своему брату, Великому Князю Константина Павловичу, намѣстнику Царства Польского:

— «Я долженъ сказать тебѣ, братъ, что я хочу абдиковать; я усталъ и не въ силахъ сносить тягость правительства: я предупреждаю тебя для того, чтобы ты подумалъ, что тебѣ надобно будетъ дѣлать въ семь случаѣвъ».

«Цесаревичъ (Константина Павловича) отвѣтилъ: «тогда я буду просить у васъ мѣсто второго камердинера вашего: я буду служить вамъ, и, ежели нужно, чистить вашъ сапоги. Когда бы я это теперь сдѣлалъ, то почли бы подлостью, но когда вы будете не на престолѣ, я докажу преданность мою къ Вамъ, какъ благодѣтелю моему».

«При сихъ словахъ» (говорить В. Кн. Константина Павловича) «Государь поцѣловалъ меня такъ крѣпко, какъ еще никогда въ 45 лѣтъ нашей жизни онъ меня не цѣловалъ».

— «Когда придетъ время абдиковать», сказалъ въ заключеніи Александръ, «то я тебѣ дамъ знать, и ты мысли свои напишши матушкѣ» (Императрица Марія Феодоровна).

Вышеизданный разговоръ Александра съ Цесаревичемъ взять изъ рукописнаго журнала Михайловскаго-Данилевскаго со словъ самого Вел. Князя Константина Павловича (1829 г.).

Въ январѣ 1824 г. Императоръ заболѣлъ рожистымъ воспаленіемъ на лѣвой ногѣ, и болѣзнь принялъ было серьезный оборотъ. Подробное описание этого происшествія мы находимъ въ «Воспоминаніяхъ» доктора Дм. Клим. Тарасова, который вмѣстѣ съ лейбъ-медикомъ баронетомъ Як. Вас. Вилліе пользовалъ больного. Не могу не остановиться на странномъ противорѣчіи, встрѣчающемся по этому поводу въ «Воспоминаніяхъ» д-ра Тарасова.

«Когда я доложилъ», пишетъ онъ: «все это баронету Вилліе. онъ крайне встревожился и сказалъ: «Боже сохрани, если это

перейдетъ въantonovъ». Опасеніе его было справедливо, ибо рожа сосредоточилась на серединѣ берца, въ томъ самомъ мѣстѣ, где нога въ послѣдній разъ была ушиблена конькомъ лошади на маневрахъ въ Брестѣ-Литовскомъ».

Между тѣмъ упоминаемый Тарасовымъ случай на маневрахъ разсказывается Н. К. Шильдеромъ такъ:

...19 сентября (1-го октября) на маневрахъ случилось прискорбное происшествіе. Во время проѣзда Императора Александра по фронту польской кавалеріи, одинъ полковникъ, по требованію Государа, подѣхалъ къ нему для получения приказанія; когда-же онъ повернулся свою лошадь, она лягнула и подковой задней ноги ударила императора въ правое бедро». (Шильдеръ, т. 4, стр. 283).

Иначе говоря, Тарасовъ ошибается: рожистое воспаленіе было на лѣвой ногѣ, а ушибъ лошадинымъ конькомъ—на правой. Я отмѣщаю этотъ фактъ, какъ не имѣющій отношенія къ разбираемому нами теперь вопросу, потому что намъ придется встрѣтиться съ нимъ позже.

«Какъ-то послѣ того», пишетъ Шильдеръ: «какъ государь оправился отъ своей болѣзни, онъ сказалъ Васильчикову, что дешево отѣдалъся отъ нея (qu'il l'avait echappé belle).

Васильчиковъ возразилъ ему, что весь городъ принимаетъ участіе въ его болѣзни.—«Тѣ, которые меня любятъ? (Ceux qui m'aiment)—возразилъ Императоръ.—«Всѣ», отвѣчалъ Васильчиковъ.—«По крайней мѣрѣ мнѣ приятно вѣрить этому»,—сказалъ Александръ: «но въ сущности я не былъ бы недоволенъ сбросить съ себя бремя короны, страшно тяготящей меня». (J'aime du moins à le croire, mais je n'aurais pas été fâché au fond de me débarasser de ce fardeau de la couronne qui me pèse terriblement».)

Приведемъ еще одну выдержку изъ сочиненія того-же историка:

«Весною 1825 года приѣхалъ въ Петербургъ принцъ Оранский, которому императоръ Александръ повѣрилъ свое намѣреніе сойти съ престола и удалиться въ частную жизнь. Принцъ ужаснулся и старался отклонить Государа отъ подобнаго намѣренія. Но Александръ остался при своемъ мнѣніи, и старанія принца не привели къ желаемой цѣли; ему не удалось поколебать намѣренія Государя» (Шильдеръ, т. 4, стр. 350).

Попутно Шильдеръ упоминаетъ о загадочномъ молчаніи, которое Александръ I хранилъ до конца относительно отречения отъ престола цесаревича Константина Павловича.

Отречение это формально состоялось 14-го января 1822 г., когда Константина Павловича въ бытность свою въ Петербургѣ прислали императору письмо:

«Не чувствую въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобы быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, къ которому по рожденію моему могу имѣть право, осмѣливаясь просить Вашего Императорскаго Величества передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ постѣ меня и тѣмъ самыемъ утвердить навсегда непоколебимое положеніе нашего государства».

Только около трехъ недѣль спустя (2-го февраля), Александръ отвѣтилъ короткимъ письмомъ:

«Любезнѣйший братъ. Съ должнымъ вниманіемъ читалъ я письмо ваше. Умѣвъ всегда цѣнить возвышенныя чувства вашей доброй души, сіе письмо меня не удивило. Оно мнѣ дало новое доказательство искренней любви вашей къ государству и попеченія о непоколебимомъ спокойствіи онаго. По нашему желанію предъявилъ я письмо сіе любезнѣйшей родительницѣ нашей. Она его читала съ тѣмъ-же, какъ и я, чувствомъ признательности къ почетнѣмъ побужденіямъ, въсѣ руководившимъ. Намъ обомъ остается, уваживъ причины вами изъявленныя, дать полную свободу въамъ слѣдоватъ непоколебимому рѣшѣнію вашему, проси всемогущаго Бога, дабы онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній».

«На этомъ»—пишетъ Шильдеръ—«пока дѣло остановилось». «Только въ 1823 году Императоръ Александръ, томимый предчувствіемъ близкой кончины, пожелалъ облечь силою закона семейное распоряженіе, условленное имъ съ цесаревичемъ».

Какъ-же «облекъ силою закона» это «распоряженіе» Александра?

Никакъ.

Лишь лѣтомъ 1823 г. Императоръ «томимый (какъ загадочно выражается Н. К. Шильдеръ) предчувствіемъ близкой кончины», поручаетъ митрополиту Филарету составить манифестъ о назначеніи Великаго Князя Николая Павловича

престолонастѣдникомъ и запечатываетъ этотъ манифестъ въ конвертъ, на которомъ собственноручно дѣлаетъ надпись: «хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархиальному архиерею и московскому генерал-губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго другого дѣйствія».

Затѣмъ Александръ отдаетъ этотъ важнѣйшій документъ митрополиту Филарету и приказываетъ положить его безъ всякой огласки въ ковчѣгъ государственныхъ актовъ въ Успенскомъ соборѣ.

Филаретъ весьма правильнѣ изумился подобной таинственности: какъ согласовать воспоминаніе на престолъ, вѣроятѣѣ всего могущее произойти въ Петербургѣ, съ манифестомъ, тайно хранящимся въ Москвѣ? По его совѣту, копіи манифеста были направлены въ Государственный Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ.

Нельзіи не согласиться съ Шильдеромъ, а за нимъ и съ другими изслѣдователями занимающимаго настѣ вопроса, что поведеніе Императора Александра въ этомъ дѣлѣ было очень загадочно.

Г. Василічъ, авторъ «Легенды о старцѣ Кузьмичѣ и Александрѣ II», весьма прозрачно намекаетъ по этому поводу на состояніе, близкое къ психическому разстройству и пригодить въ подтвержденіе своего взгляда слова современниковъ о томъ, что государь находился «какъ-бы въ какомъ-то душевномъ затмѣніи», которое Меттернихъ въ своихъ Запискахъ называлъ «утомлѣніемъ жизнью».

Мнѣ кажется, что психического разстройства въ томъ смыслѣ, въ какомъ предполагаетъ г. Василічъ, не было; объ этомъ свидѣтельствуетъ все дальнѣйшее поведеніе Александра вплоть до Таганрогской катастрофы; всѣ-же эти «душевныя затмѣнія», «утомлѣнія жизни», такъ-же какъ и бесѣды и сомнѣнія молчанія съ квакерами, увлеченье пресловутымъ архимандритомъ Фотіемъ (предшественникомъ современного намъ іеромонаха Илліодора)—вполнѣ гармонируютъ съ постепенно все болѣе укрѣплявшимся въ душѣ императора намѣреніемъ удалиться отъ міра подъ вліяніемъ все болѣе охватывающаго его мистицизма.

Обнародование манифеста о передаче права престолонаследия Николаю Павловичу являлось крупным шагомъ, въесьма решительнымъ, и немудрено, что императоръ Александръ, не отличавшися особой силой воли, призадумался, заколебался. Люди, подобные ему, часто совершили неожиданно совершаютъ изумительный по смѣлости поступокъ, то, что французы называютъ «coup de tête», бросаются, такъ сказать, «головой въ пропасть», но обнаруживаютъ робость, когда имъ нужно сдѣлать серьезный, но промежуточный шагъ по направлению къ этой пропасти. Какъ мы видѣли, онъ не скрывалъ своего намѣренія «удалиться отъ мѣра»; даже, наоборотъ, онъ упорно годъ за годомъ подтверждалъ свое рѣшеніе, словно съ цѣлью подбодрить самого себя на послѣдний шагъ, какъ это часто дѣлаютъ люди со слабой волей; но высказывать онъ это намѣреніе только родственникамъ и близкимъ друзьямъ. Опубликование же манифеста о престолонаследіи, вѣроятно, представлялось ему чѣмъ-то въ родѣ пролога къ своему собственному всенародному отречению.

Тутъ кстати будеть упомянуть о томъ, что въ концѣ манифеста митрополитъ Филаретъ написалъ: «чаемъ непреемственаго царствія на небесахъ». Александръ подчеркнулъ эту фразу въ представленіи ему черновикѣ, и князь А. Н. Голицынъ замѣнилъ ее словами «о принятіи души нашей, по неизреченному Его милосердію, въ Царствіе Его Вѣчное».

Это очень характерно.

Теперь, прежде чѣмъ закончить перечень указаний на желаніе императора Александра I отречься отъ престола, мнѣ кажется необходимымъ обратить особое вниманіе на слѣдующія строки изъ дневника императрицы Александры Феодоровны, супруги императора Николая I.

Эти строки писаны 15-го августа 1826 года во время коронаціи въ Москвѣ; ихъ приводить Вел. Князь Николай Михайловичъ на стр. 40 своего труда «Легенда о кончинѣ Имп. Александра I въ Сибири въ образѣ старца Федора Козьмича».

„Gewiss werde ich beim Anblick des Velkes denken wie der Selige Kaiser einst sagte, als er von seiner Abdankung sprach: „et comme je me rejourirai quand je vous verrai passer et que moi dans la foule je vous crierai hourrah, en remuant mon bonnet dans les airs.“ Ich wollte ihn immer prügeln wenn

er mir so etwas sage“ (Навѣрно при видѣ народа я буду думать о томъ, какъ покойный императоръ, говоря намъ однажды о своемъ отречении, сказалъ: «какъ я буду радоваться, когда я увижу васъ проѣзжающими мимо меня, и я, потерянный въ толпѣ, буду кричать вамъ «Ура!...»)

Нужно признаться, что Великий Князь Николай Михайловичъ, знатокъ Александровской эпохи и убѣжденный противникъ «Легенды о Козьмичѣ», выказать большое мужество и беспристрастіе, помѣстивъ въ свою труда вышеприведенные строки, которая даже Шильдеръ, его оппонентъ, по тѣмъ или иншимъ причинамъ, не упоминаетъ.

Итакъ—«имѣль-ли Императоръ Александръ I намѣреніе оставить тронъ и удалиться отъ мѣра»?

На этотъ вопросъ можно вполнѣ утвердительно, съ полнымъ беспристрастіемъ, отвѣтить—да, безусловно онъ имѣлъ намѣреніе отречься отъ престола и удалиться отъ мѣра.

Когда созрѣло въ его душѣ это рѣшеніе—какъ знать? Во всякомъ случаѣ онъ открыто объ этомъ высказался еще въ сентябрѣ 1817 г., и это не было минутнымъ увлечениемъ, красибою мечтою. Нѣтъ, онъ настойчиво повторяется упоминаніе объ этомъ намѣреніи: въ 1819 г. лѣтомъ—Вел. Князю Николаю Павловичу, осеню—Вел. Князю Константину Павловичу; въ 1822 г.—болѣе чѣмъ странно держать себя въ вопросѣ о престолонаследіи; въ 1824 говорить Васильчикову, что быль бы радъ избавиться отъ гнетущей его короны и, наконецъ, весной 1825 г. всего только за нѣсколько мѣсяцевъ до Таганрогской катастрофы подтверждаетъ принцу Оранскому свое рѣшеніе; рѣшеніе, которое никакіе доводы принципа не могутъ поколебать.

Обратимъ также вниманіе на эпизодъ съ манифестомъ о престолонаследіи; сопоставимъ даты и нѣкоторыя подробности.

1819 г. (осень). Александръ сообщаетъ цесаревичу Константину о своемъ намѣреніи «абдиковать» и прибавляетъ: «когда придетъ время я дамъ тебѣ знать и ты мысли свои напишь къ матушкѣ».

На это цесаревичъ не отвѣчаетъ желаніемъ «абдиковать» въ свою очередь отъ принадлежащихъ ему правъ на престолъ, а только въ лѣстивыхъ—искренно или неискренно, это не играетъ роли—словахъ указываетъ, что въ случаѣ отречения

Александра, онъ попросить дать ему «должность его второго камердинера». Эти слова, несомнѣнно, даютъ понять, что Константина Павловича быть настолько испуганъ перспективой вступить на престолъ при такихъ неслыханныхъ еще въ исторіи Россіи обстоятельствахъ, какъ самовольное отреченіе царствующаго государя, что онъ—Константина Павловича—при такихъ обстоятельствахъ отказался бы унастѣдоватъ престолъ.

Затѣмъ проходить годъ. Ни Александръ, ни Константина не возбуждаются разговоровъ устныхъ или письменныхъ на тему обѣ отреченій. Мало того,—Константина Павловича вступаетъ въ морганатический бракъ съ Иоанной Грудзинской; его молодая супруга получаетъ отъ императора титулъ княгини Ловичъ. Казалось бы вотъ моментъ, когда Константина Павловича могъ извѣстить своего державного брата о своемъ намѣреніи отречься отъ принадлежащихъ ему правъ на престолъ. Онъ этого не дѣлаетъ. Проходить еще два года. Цесаревичъ внезапно приѣзжаетъ въ Петербургъ и—

1822 г. (14 января) находится въ Петербургѣ (и слѣдовательно ежедневно видается, или—имѣя возможность видаться съ Императоромъ), пишетъ ему письмо о желаніи своемъ отречься отъ права престолонаслѣдія.

И Александръ только три недѣли спустя отвѣчаетъ ему короткимъ, спокойнымъ письмомъ, содержаніе которого въ переводѣ на современный языкъ можно было бы исчерпать фразой—«къ сѣдѣнью принялъ».

Въ этомъ же отвѣтѣ письмѣ Императоръ пишетъ: «по вашему желанію предъявилъ я письмо сіе любезнѣйшей родительницѣ нашей», чего нельзѧ не сопоставить съ вышеупомянутой фразой Александра, когда онъ впервые сообщилъ Цесаревичу о своемъ намѣреніи оставить тронъ—«когда придетъ времяabdиковать, то я тебѣ дамъ знать, и ты мыслы свои напиши къ матушкѣ».

Что-же случилось? Невольно приходить на умъ, что Александръ сообщилъ брату о томъ, что онъ намѣренъ въ ближайшемъ будущемъ «abdиковать». Это единственно возможное объясненіе, которое, вѣроятно, допускаль и Шильдеръ. облекъ его въ загадочную форму—«томный предчувствіемъ близкой кончины». Надо полагать, что Александръ, по тѣмъ

или инымъ, причинамъ, внезапно почувствовать извѣстный приливъ энергіи, силы привести въ исполненіе свою мечту—«удалиться отъ міра» и извѣстить брата. А Константина Павловича, перепуганный неожиданной перспективой вступить на престолъ при живомъ императорѣ, послѣдилъ въ свою очередь отречься, упустивъ изъ виду, страдая самъ болѣзнью воли, что Александръ могъ еще слова измѣнить свое рѣшеніе, или по крайней мѣрѣ отсрочить приведеніе его въ исполненіе.

Отмѣтимъ еще, что приведенный нами выше разговоръ въ Красномъ Селѣ (по Запискамъ Великой Княгини, вносившемъ Императрицы Александрѣ Феодоровнѣ) имѣлъ мѣсто въ юнѣ 1819 г., т. е. за нѣсколько мѣсяцевъ до бесѣды Императора съ Цесаревичемъ въ Варшавѣ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что Константина Павловича еще и раньше подумывалъ обѣ отреченіи, но не облекалъ свое намѣреніе въ официальную форму, почему императоръ, вѣроятно, и сказала ему, сообщая о своемъ собственномъ намѣреніи отречься, «предупреждаю тебѣ для того, чтобы ты подумать, что тебѣ надобно будетъ дѣлать въ семъ случаѣ».

Еще одно слово, прежде чѣмъ окончить эту главу.

Просу читателя обратить вниманіе на то обстоятельство, что какъ императоръ Александръ, такъ и Цесаревичъ Константина Павловича, какъ въ разговорахъ, такъ и въ письмахъ своихъ, касающихся отреченія отъ престола, настойчиво упоминаютъ о своей матери, императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, которая, казалось-бы, никакого отношенія къ дѣлу не могла имѣть, по крайней мѣрѣ, официально.

Подчеркиваю эту на видъ незначущую подробность, т. к. намъ придется въ дальнѣйшемъ вернуться къ ней, такъ же какъ и къ упомянутому противорѣчію въ дневникѣ доктора Тарасова касательно ушиба, полученнаго Александромъ I во время маневровъ въ Царствѣ Польскомъ.

вѣтрами, сильными заносами, стужами, мало соответствующими признакамъ итальянской или южно-французской зимы. Скорѣе всего, доктора, упоминавшие о южной Россіи, могли подразумѣвать южное побережье Крыма, или, если ужъ такъ необходимо было избрать какой-либо крупный городъ—Одессу. Я думаю, что не дамъ слишкомъ большого хода фантазіи, если допущу мысль, что Таганрогъ былъ избранъ самимъ Александромъ I, посѣтившимъ этотъ городъ еще въ маѣ 1818 г.

Какъ бы то ни было, но рѣшено было провести зиму въ Таганрогъ, и когда рѣшеніе это было окончательно принято, Императоръ обнаружилъ какую-то странную суетливость: отмѣнивъ смотръ войскамъ 2-й арміи въ Бѣлой Церкви, назначенный на осень, онъ поручаетъ кн. Волконскому, только что возвратившемуся изъ Парижа съ коронаціи Карла X, сопровождать императрицу, и 1-го сентября уѣзжаетъ изъ Петербурга всего только за два дня до отѣзда самой Императрицы. Въ теченіи всего пути онъ нигдѣ не останавливается, кроме какъ для отдыха, отмѣняетъ всѣ военные смотры, парады, маневры. Его сопровождаютъ только начальникъ главнаго штаба, ген.-ад.-баронъ Дибичъ, доктора—лейб-медики Вилліе и Тарасовъ, и вагенмейстеръ полк. Саломка, четыре оберъ-офицера и прислуга.

При какихъ-же обстоятельствахъ совершился его отѣзъдъ изъ столицы?

«При совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ», какъ справедливо замѣчаетъ г. Васильчикъ.

Незадолго передъ своимъ отѣзьдомъ (см. «Воспомѣнія на престолъ имп. Николая I» барона М. А. Корфа), на замѣчаніе кн. Голицына о неудобствѣ сохранять въ тайнѣ передъ продолжительнымъ путешествіемъ такие документы, какъ актъ о престолонаслѣдіи, Александръ отвѣтилъ: «Положимся на Бога: онъ устроитъ все лучше насть, слабыхъ смертныхъ».

Собственно говоря, трудно определить, что болѣе странно: слова-ли Императора, или замѣчаніе Голицына, вызвавшее эти слова. Императоръ поручилъ Голицыну привести въ порядокъ бумаги, хранившіяся въ его кабинетѣ; происходило это въ присутствіи Императора. Почему Голицынъ заговорилъ о «престолонаслѣдіи»? Александръ I постоянно отлучался изъ столицы и на краткіе и на продолжительные сроки. Почему

II.

Несомнѣнно, очень заманчиво придерживаться мысли, что русский императоръ привелъ въ исполненіе давно лелѣянную имъ мечту оставить тронъ, власть и потеряться среди ста миллионовъ своихъ собственныхъ подданныхъ, руководимый исключительно желаніемъ возынѣть такимъ подвигомъ свою душу, отвѣтить на ея сокровенные запросы, стать «живымъ трупомъ».

Но мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ исторической проблемой, которую стараемся по мѣрѣ возможности разрѣшить; тутъ нѣтъ мѣста краснѣямъ сказкамъ, легендамъ, преданіямъ; нужно суммировать не-мечты, а факты.

И я буду придерживаться, повторю, только фактовъ, документовъ.

Отѣзъдъ императора Александра I въ Таганрогъ былъ, какъ известно, вызванъ совѣтомъ врачей, которые написали необходимымъ для здоровья его супруги, императрицы Елизаветы Алексеевны, пребываніе на югѣ въ теченіи зимы. Нельзя по этому поводу не согласиться съ замѣчаніемъ кн. П. М. Волконскимъ, генерал-адъютантомъ и другомъ Александра I, въ письмѣ его къ А. А. Закревскому (14-го августа 1825 г.)—«не понимаю, какъ доктора могли избрать такое мѣсто, какъ бы въ Россіи другихъ мѣстъ лучше сего нѣть».

Въ самомъ дѣлѣ—почему Таганрогъ?

Шильдеръ пишетъ (т. 4, стр. 349), что доктора «указывали на Италию, южную Францію или южную Россію» причемъ надо полагать, они врядъ ли, говоря о южной Россіи, имѣли въ виду побережье Азовскаго моря, славящееся и понынѣ своими

именно этот отъезд вызвал замечание—весьма, впрочем, справедливое—министра духовныхъ дѣлъ.

Но это, впрочемъ, такъ сказать—прологъ къ отъезду. Переходу къ описанию самого отъезда, которое я цѣлкомъ замѣтную у Шильдера (т. IV, стр. 352—355):

«1-го сентября Императоръ Александръ покинулъ свою столицу уже навсегда;ическая тишина и мракъ царствовали надъ городомъ, когда онъ выѣхалъ одинъ безъ всякой свиты, изъ каменностровскаго дворца. Въ 4 часа съ четвертью полудни коляска, запряженная тройкой, остановилась у монастырскихъ воротъ Невской лавры. Здѣсь ожидали Государя, предупрежденные о его посѣщеніи, митрополитъ Серафимъ, архимандритъ въ полномъ облаченіи и вся братія. Александръ въ фуражкѣ, шинели и скортукѣ, безъ шапки, посѣбно вышелъ изъ коляски, приложился къ кресту, былъ окроенъ святою водою, принялъ благословеніе отъ митрополита и, приказавъ затворить за собою ворота, направился въ соборную церковь. Монашествующіе пѣли тропары: «Спаси, Господи, люди Твоя». Войдя въ соборъ, Государь остановился передъ ракою святаго Александра Невскаго, и началось молебствіе...

«Когда наступило время чтенія Св. Евангелія, императоръ, приближившись къ митрополиту, сказалъ: «Положите мнѣ Евангеліе на голову», и съ сими словами, сталь на колѣни подъ Евангеліе».

«По окончаніи молебна, Государь возложилъ три земныхъ поклона передъ мощами благовѣрнаго князя, приложился къ его образу и раскланился съ бывшими при молебствіи... Вышелъ изъ собора, митрополитъ Серафимъ сказалъ Государю:

— «Ваше Величество, не угодно ли пожаловать ко мнѣ въ келью?»

— «Очень хорошо,—отвѣчалъ императоръ.—только не надолго; я уже и такъ полчаса по маршруту промышкалъ».

«Тогда всѣ провожавшіе повернули отъ собора къ дому митрополита и вошли въ залу. Государь съ Серафимомъ удалились въ гостиную...»

Затѣмъ Шильдеръ разсказываетъ о томъ, что митрополитъ представилъ государю схимника «достопочтеннаго отца Алексія», который просилъ его удостоить и его келью своимъ посѣщеніемъ, и что императоръ принялъ это приглашеніе.

Когда дверь кельи отворилась, мрачная картина представилась глазамъ государя: поль и всѣ стѣны до половины были оббиты чернымъ сукномъ; съ лѣвой стороны у стѣнъ виднѣлось большое Распятіе съ предстоящими Богоматерью и евангелистомъ Иоанномъ; у другой стѣны кельи находилась черная, длинная деревянная скамейка; лампада, горѣвшая передъ иконами, тускло освѣщала печальное жилище схимника. При входѣ Императора, схимникъ палъ передъ Распятіемъ и въ то же время, обратясь къ своему высокому гостю, сказалъ: «Государь, молись». Александръ положилъ три земныхъ поклона, а схимникъ, взявши крестъ, прочелъ отпѣскъ и освѣтилъ государя. По окончаніи молитвы... продолжалъ разговаривать вполголоса съ митрополитомъ, государь спросилъ его: «все-ли здѣсь имущество схимника? Гдѣ онъ спитъ? Я не вижу постели».—«Спить онъ, отвѣчалъ митрополитъ,—на томъ же полу, передъ сими самыми распятіемъ, предъ которыми молится».

«Схимникъ, вслушиваясь въ слова эти, всталъ и сказалъ: «Нѣть, Государь, и у меня есть постель, пойдемъ я покажу тебѣ ее». Съ этими словами онъ повелъ императора за перегородку въ своей кельѣ, где представилось поразительное для государя зрѣлище: на столь стоялъ черный гробъ, въ которомъ лежала схима, свѣчи и все относящееся къ погребенію. «Смотри, сказалъ схимникъ: вотъ постель моя, и не моя только, а постель всѣхъ насть: въ ней всѣ мы, государь, лжемъ и будемъ спать долго».

«Молча, погруженный въ размышленіе, стоялъ монархъ нѣсколько времени. Когда государь отошелъ отъ гроба, то схимникъ обратился къ нему со слѣдующими словами: «Государь, я человѣкъ старый и многое видѣлъ на свѣтѣ; благоволи выслушать слова мои. До великой чумы въ Москвѣ нравы были чисты, народъ набожиѣ, но постѣ чумы нравы испортились; въ 1812 г. наступило время исправленія и набожности: но по окончаніи войны сей нравы еще болѣе испортились. Ты—государь нашъ и долженъ бѣть надъ нравами. Ты спиши православный нравъ и долженъ любить и охранять ее. Такъ хощеть Господь Богъ нашъ».

«Выслушавъ эти слова, Александръ обратился къ митрополиту и сказалъ ему: «Многія длинныя и краснорѣчивыя рѣчи

слышать я, но ни одна такъ мнѣ не поправилась, какъ краткія слова сего старца». — «Жалю», сказаъ онъ потомъ схимнику: «что я давно съ тобою не познакомился», и общалъ посыпать его. Затѣмъ, принять отъ него благословеніе, вышелъ изъ кельи съ митрополитомъ...»

«Садись въ колыску, онъ поднялъ къ небу глаза, наполненные слезами, и обратясь еще разъ къ митрополиту и брати, сказалъ: «Помолитесь обо мнѣ и женѣ моей». Лаврою до самыхъ воротъ онъ щѣхалъ съ открытою головою, часто оборачиваясь, кланялся и крестился, смотря на соборъ».

«Итакъ, мрачная келья, открытый гробъ со всѣми принадлежностями похоронъ были постѣдными впечатлѣніями, выраженными императоромъ Александромъ при разставаніи съ столицею. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга, Государь остановился у заставы, привсталъ въ колыскѣ и, обратившись назадъ, въ задумчивости нѣсколько минутъ глядѣть на городъ, какъ бы прощаясь съ нимъ. Было-ли то грустное предчувствіе, напѣянное встрѣчкою со схимникомъ, было-ли то твердая рѣшимость не возвращаться болѣе императоромъ—кто можетъ решить этотъ загадочный вопросъ?»

Такъ излагаетъ въ своей «Исторіи Александра I» Н. К. Шильдеръ по истинѣ драматическую сцену прощанія императора со своей столицеей, причемъ приводить (т. IV, стр. 482, прим. 390) и источники, на основаніи которыхъ онъ обрисовалъ эту сцену. Источники эти слѣдующіе:

- 1) «Послѣдніе дни жизни императора Александра I». Издано Заикиннымъ.—С.-Петербургъ, 1827.
- 2) «Taganrog ou les derniers jours d'Alexandre I». Traduit du russe par D. Priklonskoy. St. Petersburg. 1834.
- 3) «Таганрогъ или подробное описание болѣзни и кончины императора Александра I»—составленное Н. Данилевскимъ. Москва, 1828.
- 4) «Духъ вѣнценосныхъ супруговъ, въ Бозѣ почивающихъ императора Александра I и императрицы Елизаветы». Сочиненіе Николая Данилевскаго. Москва, 1829.
- 5) «Графъ Блудовъ и его время (Царствованіе императора Александра I). Евг. Ковалевскаго. С.-Петербургъ, 1866.

Тутъ-же считаю нужнымъ привести дословно и прим. 390:

Иностранные историки повѣствуютъ, что будто-бы императоръ Александръ служилъ передъ отѣзгомъ панихиду въ Невской Лаврѣ. Неудивительно, что, не зная порядковъ и смысла нашего богослуженія, они перепутали напутственный молебень съ панихидалой. Но нельзѧ не удивляться, что Богдановичъ въ своей исторіи Александра I... напечаталъ возможнѣйшій подобный подобную басню».

Это послѣднее примѣчаніе очень характерно для Н. К. Шильдера, маститаго историка, который въ своей «Исторіи Александра I» былъ вынужденъ лавировать между официальной «правдой» и той правдой, которую онъ, какъ ученый изслѣдователь эпохи, въ душѣ своей считалъ «настоящей» правдой. Шильдеръ, какъ прямой честный человѣкъ, не обладалъ искусствомъ лавировать и потому, когда онъ чувствовалъ, что наступаетъ моментъ лавировать, онъ дѣлалъ это очень неумѣло и «садился на мель». Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли выдержать мало-мальски серьезную критику его выше приведенное примѣчаніе 390-ое?

Кто присутствовалъ при таинственномъ богослуженіи въ Александро-Невской лаврѣ въ ночь 1-го сентября 1825 года? Митрополитъ, архимандриты и братія; никого изъ святыхъ, иного изъ свѣтскихъ людей, и тѣмъ болѣе—никого изъ «иностраницъ», которые могли бы «перепутать напутственный молебень съ панихидалой»; хотя, кстати сказать, какъ бы инонѣрецъ или иностранецъ ни былъ невѣжественъ въ православныхъ обрядахъ, врядъ-ли могло прийти ему въ голову, что при отѣзгѣ монарха въ путешествіе служить панихиду (*messe de morts*), а не молебень (*Te Deum*).

Съ чѣмъ-же словъ могли иностранные историки и нашъ русскій Богдановичъ напечатать въ своихъ сочиненіяхъ, что служилась именно панихida, а не молебень? Только со словъ присутствующихъ, конечно. Но вѣдь эти присутствовавшиѣ были духовныхъ православныхъ лицъ; не могли-же эти лица не различить панихиду отъ молебна! А Богдановичъ, русскій, православный, разѣбъ онъ не исправилъ бы ошибки своихъ иностранныхъ коллегъ, если-бы у него не было положительныхъ данныхъ, что служилась именно панихida, а не молебень. Наконецъ, самыи фактъ, что Александръ, часто уѣзжавшій изъ Петербурга на продолжительные сроки и по религиозности своей

всегда напутствовавший свои отъезды молебнами въ присутствии близкихъ людей и свиты,—на этот разъ приѣхалъ въ Лавру далеко за полночь совсѣмъ одинъ, и по приѣздѣ велѣлъ запереть за собой ворота,—разъ этотъ фактъ не указываетъ на то, что въ Лаврѣ въ эту ночь происходило что-то необычное? Развѣ не достойно вниманія также то обстоятельство, что онъ приѣхалъ безъ шапки, безъ этого символа братоубийства, и затѣмъ за все время своего путешествія въ Таганрогъ повсюду отмѣнилъ воинскіе смотры?

Все это очень странно, и нельзѧ не повторить еще разъ слова г. Василича, что отъездъ Александра изъ Петербурга происходилъ «при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ».

Поэтому, отнесемся съ исключительнымъ-же вниманіемъ къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ приѣздъ императора Александра въ Таганрогъ и его пребываніе на югѣ вплоть до рожковаго дня 19 ноября.

Онъ приѣхалъ въ Таганрогъ 13 сентября.

Лейбт-медикъ Вилліе пишетъ въ своеи дневникѣ за это число: «Nous arrivâmes à Taganrog où finit la première partie du voyage». И затѣмъ подъ чертой ставить слово «finis».

По этому поводу Шильдеръ пишетъ (т. IV, стр. 355):

«Въ то время онъ, конечно, не подозрѣвалъ того пророческаго значенія, которое заключало въ себѣ это слово. Первая часть была и послѣдней».

Не могу не признаться, что на меня вышеупомянутыи слова Вилліе производятъ нѣсколько иное впечатлѣніе.

Вилліе, по имѣющимся даннымъ знать болѣе или менѣе недурно французскій языкъ, хотя и владѣлъ имъ далеко не въ совершенствѣ. Въ оставленныхъ имъ Запискахъ попадаются подчасъ очень грубыя ошибки. Но, приглядѣвшись къ стилю Вилліе, меня въ цитированной выше фразѣ удивляетъ глагольная форма «arrivâmes». Она наводитъ на мысль, что дневникъ этотъ былъ писанъ post-factum, т. к., если бы Вилліе записывалъ свои впечатлѣнія день за днемъ, то онъ, конечно, употребилъ форму «nous sommes arrivés». Собственно и слово «finit» (... la première partie, и т. д.) тоже производитъ впечатлѣніе скорѣе формы *passé défini*, хотя по тексту Шильдера надѣвторымъ «i» стоять точка, а не «accent circonflexe» (I).

Если допустить, что Вилліе писалъ «заднимъ числомъ», тогда станетъ понятнымъ и показавшееся Шильдеру «пророческимъ» слово подъ чертой—«finis». Иначе, почему бы Вилліе его написать, какъ и всю фразу «...la première partie de notre voyage?» Вѣдь въ день приѣзда въ Таганрогъ не было никакихъ предположеній о дальнѣйшихъ путешествіяхъ, о постыдующихъ «parties de voyage». Напротивъ, Александръ занялся исключительно устройствомъ и убранствомъ дома, разставлялъ мебель, вбивалъ гвозди для картинъ, приводилъ въ порядокъ городской садъ; заботился о возможномъ комфорѣ для императрицы, въ ожиданіи ея приѣзда.

Приѣздъ этотъ состоялся 23 сентября, и по этому поводу Шильдеръ пишетъ: «Замѣчательно, что императрица, которой слабое здоровье и изнуреніе силъ едва позволяли въ Петербургѣ сдѣлать самое ничтожное движеніе, по прибытии въ Таганрогъ довольно бодро сама, безъ помощи, вышла изъ экипажа и вступила въ церковь подъ руку со императоромъ».

Вообще здоровье императрицы Елизаветы Алексѣевны съ приѣздомъ ея въ Таганрогъ начало быстро поправляться: «черезъ нѣсколько дней она окрѣпла и физически и морально». Объясненіе этого быстраго поправленія—неожиданного послѣ долгаго и утомительного переѣзда—нѣкоторые историки видятъ въ томъ, что «государь окружилъ ее самую нѣжную заботливостью, предупреждалъ ея малѣйшія желанія и старался доставлять ей возможныя развлечения, стремясь къ одной цѣли, чтобы пребываніе ея въ этомъ городѣ сдѣлать по мѣрѣ силъ пріятнѣйшимъ». Таганрогское уединеніе возобновило между ними прежнія узы, ослабленныя на первыхъ порахъ разсѣяніемъ молодости, а потомъ заботами государственными» (Шильдеръ, т. 4, стр. 356).

Это объясненіе очень трогательно, но не очень удовлетворительно. Оно было бы таковымъ, если бы императрица страдала неврастенией, а не тяжелымъ физическимъ недугомъ, да и то «нѣсколько дней» врядъ ли могли бы и въ такомъ случаѣ оказать значительное влияніе на ея здоровье. Это—странныость, на которую нельзѧ не обратить вниманія, такъ-же, какъ и на вышеупомянутыи слова Шильдера о томъ, что императрица, которая едва могла двигаться въ бытность свою въ Петербургѣ, оказалась довольно сильной и здоровой при приѣзѣ въ Таган-

рогъ, несмотря на 20-ти дневный переѣздъ. Отмѣтимъ попутно, что здоровье ея не ухудшилось и впослѣдствіи, вплоть до отѣзда ея изъ Таганрога въ апрѣль 1826 г., т. е. пять мѣсяцевъ спустя посѣть рокового 19 ноября.

Я не дѣлаю никакихъ комментарій, а подчеркиваю только нѣкоторые факты, какими бы ничтожными они ни оказались, т. к. самый предметъ разбираемаго нами вопроса настолько затуманенъ, что изслѣдователю приходится бродить почти впопыхахъ и потому внимательно и осторожно напищувать каждый встрѣчающійся на его пути камешекъ.

Итакъ—стъ пріѣздомъ императрицы въ скромномъ таганрогскомъ дворцѣ началась тихая, спокойная жизнь. Составъ Двора пополнился стѣдующими лицами: ген.-адъютантъ князь П. М. Волконскій, статъ-секретарь Лонгиновъ, камерфрейлинамъ—Княжна В. М. Волконская и Е. П. Валуева, лейбъ-медикъ Стоффреденъ, доктора Доббертъ и Рейнольдъ, придворный аптекарь Проттъ и дѣвъ камеръ-юнгферы.

«Государь ежедневно гулялъ пѣшкомъ по городу; въ обращеніи онъ былъ необыкновенно доступенъ. Повидимому, Александръ казался покойнѣ духомъ и весель, несмотря на это его мучили подозрѣнія...» (Шильдеръ, т. IV, стр. 358). Какія подозрѣнія? Найдя въ сухарѣ камешекъ, онъ велѣлъ разслѣдовать, что это такое и какъ это могло случиться. Это обстоятельство совершенно незначительное и я привѣтъ его только потому, что не хотѣлъ оборвать цитату на словахъ «покоенъ и весель», дабы не быть заподозрѣннымъ въ тенденціозномъ подбоѣ читать. Императоръ Александръ вообще страдалъ подозрительностью, развившейся въ немъ параллельно съ глухотой.

Таганрогская идилия продолжалась недолго. Александръ скоро опять овладѣлъ свойственная ему «охота къ перемѣнѣ мѣсты» и онъ уѣхалъ синѣра въ Землю Войска Донскаго на пять дней (съ 11 по 15 октября), а затѣмъ въ Крымъ по просбѣ новороссійскаго генералъ-губернатора графа (впослѣдствіи свѣти. князя) М. С. Воронцова.

Наканунѣ отѣзда въ Крымъ произошелъ стѣдующій случай, о которомъ я упоминаю только потому, что о немъ такъ сказать «принято» упоминать, описывая поѣздку императора Александра по Крыму.

Цитирую по книгѣ Вел. Князя Николая Михайловича («Легенда о кончинѣ Императора Александра I», стр. 13):

«Это было пополудни въ 4-мъ часу, въ сie время нашла туча и сдѣлалось очень темно. Государь приказалъ камердинеру подать свѣчки; между тѣмъ, какъ небо прояснилось, сдѣлалось по-прежнему свѣтло и солнце, камердинеръ осмѣялся подойти и доложить: «не прикажете ли, ваше величество, свѣчи принять? Государь спросилъ: «Для чего?—«Для того, Государь, что по-русски со свѣчами днемъ писать не хоромъ».—«Развѣ въ этомъ что заключается? Скажи правду, вѣрою ты думаешь сказать, что, видѣвъ съ улицы свѣчи, подумаютъ, что здесь покойникъ?—«Такъ, Государь, по замѣчанію русскихъ».—«Ну, когда такъ, сказаль государь, то возьми свѣчи».

Великий князь Николай Михайловичъ приводитъ здѣсь точныя слова изъ «Выписки изъ письма, полученнаго въ С.-Петербургѣ отъ управляющаго Демидовскою конторою въ Таганрогѣ о свѣдѣніяхъ, имъ полученныхъ отъ камердинера Федорова и кучера Ильи».

Шильдеръ разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ нѣсколько иначе.

«Государь занимался за своимъ письменнымъ столомъ, какъ вдругъ надъ городомъ пронеслась туча и водворилась такая темнота, что Александръ позвонилъ и приказалъ камердинеру Анисимову подать свѣчи. Вскорѣ затѣмъ прояснилось и показалось солнце. Тогда Анисимовъ снова вошелъ и хотѣлъ вынести свѣчи. На вопросъ Государа, зачѣмъ? онъ отвѣтилъ, что на Руси считается худой примѣтой—сидѣть при свѣчахъ днемъ: могутъ подумать, что лежитъ покойникъ. Государь отвѣтилъ: «Ты правъ, и я такъ думаю—unesи свѣчи» (т. 4, стр. 368).

Разница между обѣими версіями та, что по первой изъ нихъ Александръ самъ заговорилъ о покойнике, а по второй Анисимовъ указалъ ему на существующую примѣту.

20-го октября, въ сопровождѣніи ген.-ад. барона Дибича, лейбъ-медика баронета Билліе, доктора Тарасова и вагенмейстера полковника Саломки, императоръ выѣхалъ изъ Таганрога въ Крымъ.

«Въ первые дни», какъ пишетъ Шильдеръ, «все обошлось благолуично и государь былъ очень веселъ и разговорчивъ».

Посѣтили Мариуполь, менонитскій колоніи на рѣкѣ Молочной, Симферополь, Гурзуфъ, Никитскій садъ и Оранду, пріобрѣтенную Государемъ у графа Кушелева-Безбородко.

«Тамъ, повидимому, Александръ нашелъ тотъ уголокъ въ Европѣ, о которомъ нѣкогда мечтали и гдѣ желалъ бы навсегда поселиться. Вообще, со временемъ перѣѣзда въ Таганрогъ казалось, что Государь снова возвратился къ прежнимъ своимъ мечтамъ и помышлялъ объ удаленіи въ частную жизнь.—«Я скоро переселюсь въ Крымъ», сказали Александръ: «я буду жить частнымъ человѣкомъ. Я отслужилъ 25 лѣтъ, и солдату въ этотъ срокъ даютъ отставку». Князю Волконскому онъ говоривалъ: «И ты выйдиши въ отставку и будешь у меня библиотекаремъ». (Шильдеръ, т. IV, стр. 376).

Побывть у Воронцова въ Алупкѣ, Александръ верхомъ поѣхалъ въ Байдары, гдѣ его ожидалъ экипажъ и обѣдъ (онъ и въ Алупку приѣхалъ верхомъ изъ Симферополя).

Обѣдъ онъ отослалъ въ Севастополь, а самъ въ коляскѣ съ Дубичемъ поѣхалъ въ Балаклаву, гдѣ и завтракалъ у командинга греческаго батальона (Равальота).

«Изъ Балаклавы императоръ Александръ прослѣдовалъ въ коляскѣ до мѣста, откуда идеть дорога въ Георгіевский монастырь. Тамъ онъ опять сѣлъ на лошадь, въ мундирѣ, безъ пинкелей, отпустилъ слугу въ Севастополь и, взявъ съ собою фельдшера Годефроа, направился въ монастырь въ сопровожденіи только одного татарина. Это было 27-го октября (8-го ноября), въ 6 часовъ пополудни. День былъ теплый и прекрасный, но къ вечеру подулъ сѣверовосточный вѣтеръ и насталъ чувствительный холода. Не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ Александръ простудился во время этой неосторожной и несвоевременной поѣздки въ Георгіевский монастырь, и такимъ образомъ утомительные перѣѣзды 27-го октября послужили исходной точкой поразившаго его вскорѣ смертельного недуга». (Шильдеръ, т. IV, стр. 370).

И съ описаніемъ этой поѣздки Александра въ Георгіевскій монастырь, Шильдеръ, колеблясь между официальнымъ изложеніемъ исторіи и своимъ собственнымъ убѣжденіемъ, начи-

наетъ, что называется—чутаться, или опять-таки «лавировать между Сциллой и Харибдой».

Это настроеніе покойнаго историка вполнѣ ясно высказывается имъ въ слѣдующихъ словахъ: «Вообще слѣдуетъ замѣтить, что трудно согласовать между собою разсказы о послѣднихъ трехъ мѣсяцахъ жизни императора Александра; на каждомъ шагу встречаются противорѣчія, недомолвки, очевидныя неточности и даже несообразности». (т. IV, стр. 483, прим. 410).

И, дѣйствительно, даже самый пріѣздъ императора изъ Георгіевского монастыря въ Севастополь описывается совершенно различно. Достойно вниманія то обстоятельство, что именно начиная съ этого дня, считающагося днемъ роковой для Александра простуды, противорѣчія принимаютъ исключительно рѣзкий характеръ.

Привожу для примѣра три описанія этого дня.

«Наступила темнота, и холодный вѣтеръ усиливался, становился порывистымъ, а Государь все не возвращался. Всѣ ожидали его мѣстные начальники и свита начали беспокоиться, не зная, чему приписать такое замедленіе въ пріѣздѣ императора. Адмиралъ Грейтъ приказалъ полицмейстеру поспѣшить съ факелами навстрѣчу къ императору, чтобы освѣщать ему дорогу. Наконецъ, ровно въ 8 часовъ прибылъ государь. Принялъ адмирала Грейта и коменданта въ залѣ, Александру отправился прямо въ кабинетъ, приказалъ поскорѣ подать себѣ чаю, отъ обѣда-же отказался...» («Воспоминанія моей жизни» почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова).

«Вечеромъ, въ 10-мъ часу, при свѣтѣ факеловъ, прибыль (Александра) въ Севастополь, поспѣхъ храмъ Божій и, при свѣтѣ же факеловъ, дѣлать смотръ морскимъ полкамъ. Потомъ спросить обѣдать, но ничего не кушать, а заняться приказаниемъ на слѣдующій день». («Послѣдніе дни жизни Александра I.—С.-Петербургъ, 1827 г.»).

«Arrivé à Sevastopol pour y coucher...» (Histoire de la maladie et des derniers moments de l'empereur Alexandre fondée sur les informations les plus authentiques). Госуд. арх. (Раздѣлъ 3, № 163).

Нужно признаться, что болѣе разительного противорѣчія,

тѣмъ то, которое представляютъ эти три источника, трудно подобрать.

А между тѣмъ—первый источникъ—воспоминанія очевидца (д-ра Тарасова), второй—офиціозный, если не официальный разсказъ, т. к. трудно предположить, чтобы въ 1827 г. была разрѣшена къ печатанію и продажѣ книга не оффіциозная о таганрогской трагедіи; а третій—документъ,—одно изъ главъ котораго свидѣтельствуетъ о его, скажемъ, достовѣрности.

Между прочимъ, этотъ послѣдній документъ весьма загадоченъ; кто и когда его составилъ? Но объ этомъ послѣд.

Будемъ слѣдить съ особо напряженнымъ вниманіемъ за всѣмъ тѣмъ, что происходило въ послѣдующіе дни.

«День 28-го октября государь посвятилъ осмотру укрѣпленій, флота, морскаго госпиталя и казармъ; затѣмъ быть большой обѣдь у императора, и въ наружности Императора не было замѣтно никакой неблагоприятной перемѣны».

«На другой день, 29-го октября, Александръ переправился на сѣверную сторону, осмотрѣть тамъ укрѣпленія и затѣмъ проѣхалъ въ коляскѣ въ Бахчисарай, гдѣ остановился въ ханскомъ дворцѣ, подобно тому какъ во время путешествій въ 1818 году».

«Здѣсь императоръ, призвавъ Тарасова въ кабинетъ, приказалъ ему приготовить изъ рису то самое питье, которое онъ пилъ въ 1824 г., въ январѣ, во время горячки съ рожею на ногѣ. Тарасовъ немедленно выполнилъ полученное повелѣніе и въ то же время счѣть нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Вилліе, присовокупивъ, что у Государа разстроены желудокъ. «Впрочемъ, добавляетъ Тарасовъ въ своихъ запискахъ, «онъ ни мнѣ, ни Вилліе не жаловался на какое-либо разстройство въ своемъ здоровье, однако-жъ, кашаль въ этотъ день одинъ первовъ супъ и котлету». Несмотря на начавшееся нездоровье, государь не далъ себѣ покоя и, между прочимъ, совершилъ побѣду верхомъ въ Гурауфъ-Кале и на обратномъ пути посѣтилъ Успенскій монастырь; онъ казался совсѣмъ здоровымъ, быть весьма весель и со всѣми обращался съ обычной своей благосклонностью. 1-го ноября Александръ выѣхалъ на почтѣ въ Евпаторію и посѣтилъ тамъ церкви, мечети, синагоги, казармы и карантинъ. 2-го ноября онъ ночевалъ въ

Перекопѣ, гдѣ осматривалъ госпиталь. На слѣдующій день рано поутру государь продолжалъ путь, согласно маршруту, и въ селеніи Знаменскомъ осматривалъ квартировавшую тамъ артиллерійскую бригаду, а потомъ лазаретъ, при поѣзденіи которого остался особенно доволенъ пищею и преимущественно овсяннымъ супомъ, котораго довольно покупалъ... Въ этотъ день объѣденный столъ быть въ большомъ селеніи и между Знаменской и Орѣховыми».

«Императоръ», пишетъ Тарасовъ, «съ самого Бахчисарада, гдѣ онъ приказалъ приготовить для себя питье, казался совершенно здоровымъ, и ни мнѣ, ни баронету Вилліе, немало не жаловался на свое здоровье»...

Все вышеизложенное описание путешествія императора, съ 28-го октября по 4-ое ноября, заимствовано мною дословно изъ книги Шильдера, который въ свою очередь заимствовалъ его изъ воспоминаній Д. К. Тарасова.

Анонимный авторъ документа, хранящагося въ Государственныхъ архивахъ («Histoire de la Maladie et des derniers moments de l'Empereur Alexandre») передаетъ это такъ:

«Il employa la matinée du 28 à voir la ville, les hôpitaux, les casernes etc. Au nombre de ces dernières plusieurs étaient étouffantes de chaleur, d'autres au contraire à peine achevées n'avaient point de croisées et il y régnait un vent coulis pernicieux. Droit d'une caserne très chaude l'empereur s'est mis en bâteau, en uniforme, refusant le manteau et a monté un vaisseau de guerre. Descendu à terre, il a déjeuné avec l'amiral Greigh sous une tente. Daus l'apr s - dîner il a parcouru une autre partie de la ville et le 29 les arsenaux, le port etc. Comme il n'a rien voulu prendre pour son rhume, le mal est all  empirant les jours suivants, d'autant plus qu'il ne s'est point m n g  surtout   Baktchisaray, ou il a parcouru les environs   cheval. Le 1-er Novembre   Kozlow, le 2   P r kopol il se sentait indispos ; le 3   Orehkow il l' tait encore plus et le temps  tait assez mauvais».

Сопоставляя эти два рассказа, нельзя не обратить вниманія на заключающіяся въ нихъ противорѣчія, какъ въ подробностяхъ, такъ и въ общемъ тонѣ. Такъ, напр., 28-го числа по одной версіи у императора быть большой обѣдь, а по другой—онъ обѣдалъ въ палатѣ съ адмираломъ Грейтомъ, (т. к. во французскомъ текстѣ слово «d je ne» очевидно обозна-

чаетъ обѣдь, о чмъ свидѣтельствуетъ слѣдующая затѣмъ фраза «dans l'aprѣs-dîner».

Въ описаніи другихъ дней Тарасовъ говоритьъ, «онъ ни мнѣ, ни Виллѣ не жаловался на какое-либо разстройство въ своемъ здоровіи... «Казался совершенно здоровымъ, былъ весыма весель» и т. п.

Во французскомъ документѣ: «le mal est allé empirant les jours suivants». (Болѣзнь ухудшилась въ теченіе послѣдующихъ дней).

Затѣмъ подъ датою 1-го ноября въ этомъ документѣ значится, что государь былъ въ «Козловъ» (Kozlow), тогда какъ онъ былъ въ Евпаторії; трудно даже понять, какое мѣсто слѣдуетъ подразумѣвать подъ именемъ «Козловъ», т. к. очевидно, что рѣчь не можетъ идти объ уѣздномъ городѣ Тамбовской губерніи.

Общий же тонъ этой «Histoire de la Maladie» и т. д. производитъ впечатлѣніе, что авторъ ся нарочито старается доказать, что государь простудился въ Севастопольѣ, даже вопреки показаніямъ врачей.

Документъ этотъ составленъ неизвѣстно кѣмъ и когда, но во всякомъ случаѣ, конечно, послѣ 19-го ноября. Можно только сказать одно съ увѣренностю, что авторъ его былъ въ свитѣ государя въ Таганрогѣ, но не изъ близкихъ приближенныхъ, т. к. нигдѣ не упоминается о личномъ разговорѣ между имѣмъ и Александромъ, но зато встрѣчаются фразы вродѣ: «je l'ai vu à 10 heures sortant des appartements de l'Imperatrice», (я его видѣлъ въ 10 часовъ выходящимъ изъ апартаментовъ Императрицы) «Sa Majesté m'a dit que l'Empereur allait mieux...» (Ея Величество мнѣ сказала, что государю лучше)—что даетъ возможность предполагать, что это лицо было, вѣроятно, въ свитѣ императрицы. Кромѣ того, въ документѣ есть указаніе, что лицо это жило не во дворцѣ.

Очень характерна также одна фраза въ концѣ документа: «je n'écris pas pour le public, mais pour moi et mes amis» (я пишу не для общества, а для себя и своихъ друзей); это утвержденіе, которое авторъ очевидно старается подчеркнуть, какъ-то не вложиться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что документъ оказался въ Государственномъ Архивѣ. «Histoire de la maladie» и т. д. производитъ скорѣе впечатлѣніе меморандума, соста-

вленного по особому, такъ сказать, заказу на основаніи «самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній» (fondée sur les informations les plus authentiques), какъ о томъ упоминается въ самомъ заголовкѣ, а вовсе не записи «для себя и друзей». Впрочемъ, докumentъ этой особенной важности за собой не имѣть, промѣрѣвъ указанного мной общаго тона, которымъ онъ написанъ; намъ придется разбираться въ гораздо болѣе серьезныхъ документахъ, какъ-то: журналы врачей, кн. Волконского, письма императрицы Елизаветы Алексѣевны и т. п.

Вернемся къ нашему разсказу о возвращеніи Александра изъ Крыма въ Таганрогъ.

3-го ноября, послѣ обѣда, на послѣдней станціи, не доѣзжалъ Орѣхова, государь встрѣтилъ фельдъегера Маскова съ бумагами изъ Петербурга и Таганрога. Принять бумаги, онъ приказалъ фельдъегеру сопровождать его въ Таганрогъ. По дорогѣ, ямщики, везшіи Маскова, погналъ лошадей и на поворотѣ, изѣхавъ на глинистую почку, вывалилъ сѣдока, причемъ такъ несчастливо, что Масковъ, ударившись головой, остался на мосту безъ движения. Государь увидѣлъ это и приказалъ доктору Тарасову оказать помоѣць пострадавшему, а по приѣздѣ въ Орѣховъ лично доложить ему о положеніи больного.

Тарасовъ приѣхалъ въ Орѣховъ около полуночи; ген.-ад. баронъ Дибичъ поджидалъ его и приказалъ тотчасъ же явиться къ императору, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ известій о Масковѣ.

Д. К. Тарасовъ разсказываетъ такъ:

«По докладѣ камердинера, я вошелъ въ опочивальню государя. Его величество сидѣлъ противъ камина въ шинели въ рукава и читалъ бумаги. Я замѣтилъ, что онъ имѣетъ беспокойный видъ и старается согрѣться у горящаго каминна. Онъ тотчасъ, при переступленіи моемъ черезъ порогъ, спросилъ меня отрывисто: «Въ какомъ положеніи Масковъ?»— «Онъ при паденіи получилъ смертельный ударъ въ голову, съ сильнымъ сотрясеніемъ мозга и большой трещиной въ самомъ основаніи черепа; я напѣль его на мѣстѣ уже безъ дыханія въ всякое врачебное пособіе оказалось тщетнымъ». Выслушавъ мое донесеніе, государь всталъ съ мѣста и въ слезахъ сказалъ: «Какое несчастье, очень жаль этого человѣка!» Потомъ, обра-

тась, къ столу, позвонить въ колокольчикъ, а я вышелъ. При этомъ я не могъ не замѣтить въ государь необыкновен-наго выраженія въ чертахъ его лица, хорошо изученнаго мноз въ продолженіи многихъ лѣтъ; оно представляло что-то тре-вожное и вмѣстѣ болѣзньшное, выражавшее чувство лихора-дочного озноба».

На слѣдующій день, 4-го ноября, государь принималъ въ Орѣховъ вызванныхъ имъ туда скатеринославскаго граждан-скаго губернатора и архиепископа Феофила, между которыми до того «произошла ссора, дошедшая до личной расправы». Сдѣлать обомъ соотвѣтствующее вищеніе, онъ выѣхалъ въ Мариуполь, куда и прибыль въ 7 часовъ вечера. Въ 10-мъ часу онъ потребовалъ къ себѣ лѣбѣ-медику Вилліе, который напечъ его «въ полномъ развитіи лихорадочнаго сильнаго пароксизма».

Тарасовъ пишетъ: «Вилліе быть крайне встревожень положеніемъ государя, казался потерявшимъ свое практическое присутствіе духа и наконецъ рѣшился дать государю стаканъ крѣпкаго пунша съ ромомъ, уложилъ его въ постель и покрылъ сколько можно теплѣе. Это усилило только безпокойство императора, и онъ немножко заснуль лишь къ утру. Вилліе предлагалъ остаться въ Мариуполѣ, но государь не согласился на это, ибо отъ Мариуполя до Таганрога только 90 verstъ, и его величество спѣшилъ для свиданія съ императрицей, ожидавшею его прибытія въ назначенное время, т. е. 5-го ноября. Такъ было назначено по маршруту. 5 ноября, послѣ сильнаго пароксизма, по утру государь чувствовалъ утомленіе и слабость. Часу въ десятомъ утра въ закрытой коляскѣ съ медібжью полостью въ теплой шинели, отправился изъ Мариуполя».

III.

Приѣздъ въ Таганрогъ состоялся въ 7-мъ часу вечера 5-го ноября. Съ этого-же числа начинаютъ вести свои записки Волконскій и баронетъ Вилліе.

Какъ я уже упоминалъ, самыми важными документами, относящимися къ таганрогской катастрофѣ и дающими возможность признать фактъ кончины императора Александра въ Таганрогѣ, являются именно записки этихъ двухъ лицъ, а также д-ра Тарасова и императрицы Елизаветы Алексѣевны. Въ виду этого я буду излагать дальнѣйшія события день за днемъ, основываясь на журнальѣ кн. П. М. Волконскаго и отмѣтая случаи, когда другие документы или пополняютъ заявляемыя имъ срѣднія, или противорѣчать имъ.

5-го ноября.

«Государь императоръ изволилъ возвратиться изъ Крыма въ 6 часовъ вечера. Вошли въ свою уборную, на вопросъ мой о здоровїи его, изволилъ отвѣтить по-французски: «Я чувствую маленькую лихорадку, которую схватилъ въ Крыму, несмотря на прекрасный климатъ, который намъ такъ восхваляли. Я болѣе чѣмъ когда-либо думалъ, что мы прекрасно сдѣвали, избравъ Таганрогъ мѣстопребываніемъ моей жены». Когда я спросилъ Его Величество, съ какихъ поръ онъ испытываетъ лихорадку, императоръ отвѣтилъ мнѣ, что съ Бахчисарай, где «приѣхъ вечеромъ и почувствовалъ жажду, я спросилъ пить, и мой камердинеръ Федоровъ подалъ мнѣ барбарисоваго сиропа. Такъ какъ во время путешествія въ

Крыму погода была очень жаркая, я подумалъ, что спиртъ могъ испортиться, но мой камердинеръ сказалъ мнѣ, что спиртъ не пострадалъ. Я проглотилъ цѣлый стаканъ и легъ спать. Ночью я почувствовалъ странные припадки (transes) но, благодаря моему организму и прекрасному желудку, меня сильно прослабило и все обошлось этимъ. По приѣздѣ въ Перекопъ я посѣтилъ госпиталь, гдѣ почувствовалъ снова небольшую лихорадку». По этому поводу я осмѣлился замѣтить его величеству, что было неблагоразумно съ его стороны отправиться въ госпиталь, гдѣ онъ могъ лишь усилить свою лихорадку, вслѣдствіе нахожденія въ немъ большаго числа лицъ, пораженныхъ этой болѣзнью, и что императоръ постоянно забываетъ, что, приближаясь къ пятому десятку, не пользующійся уже тѣми силами, какъ въ 20 лѣтъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «О, дорогой другъ, я слишкомъ чувствую это и уѣблю васъ, что я очень часто вспоминаю обѣ этомъ и надѣюсь, что все обойдется благополучно». Спросивъ меня затѣмъ о здоровьѣ императрицы, онъ отправился къ неѣ, гдѣ ихъ величества и провели вмѣстѣ остальную часть вечера».

Въ запискахъ императрицы Елизаветы Алексеевны разсказывается такъ обѣ этомъ ихъ первомъ посѣтѣ Крымской поѣздки свиданій:

«Когда онъ вошелъ, монимъ первымъ вопросомъ былъ: «Здорово ли Вы?» Онъ сказалъ, что не здорово, что у него уже второй день лихорадка и онъ думаетъ, что онъ схватилъ Крымскую лихорадку. Я его усадила: у него было жаръ, онъ велѣлъ принести чай съ лимономъ, и когда доложили въ Вилліе, онъ пригласилъ его войти, чтобы сказать ему, что онъ чувствуетъ себя довольно хорошо и что его не внобить, но что у него жаръ. Я безъ труда уговорила его идти спать, хотя онъ еще болѣе получаса рассказывала о своемъ путешѣствии...»

Относительно ночи съ 5-го на 6-ое Вилліе въ своемъ дневнике пишетъ: «Ночь прошла дурно. Отказъ принять лѣкарство. Онъ приводить меня въ отчаяніе. Страшусь, что такое упорство не имѣло бы когда-нибудь дурныхъ постѣдствій».

Между тѣмъ въ запискахъ императрицы встрѣчается фраза: «Въ пятницу утромъ онъ прислалъ мнѣ сказать, чѣ

провѣль ночь хорошо». Такое-же противорѣчіе со словами Вилліе мы находимъ и въ дневникѣ кн. Волконского.

6-го ноября.

«По утру въ 8 часовъ позванъ я быть, какъ по обыкновенію, къ его императорскому величеству во время умыванія: спросилъ о его здоровьѣ, его величество изволилъ отозваться, что ночь провѣль изрядно и лихорадки не чувствовалъ. Взглядъ у государя былъ слабый, и глаза мнѣ показались мутны. Сверхъ того глухота была примѣтна, и до того, что, долголѣтая по нѣкоторымъ бумагамъ, его величество изволилъ сказать мнѣ, чтобы я остановился чтеніемъ до совершеннаго окончанія его туалета. Одѣвшись, его величество, вышедши въ кабинетъ, сталь у каминъ грѣться, приказалъ мнѣ продолжать докладъ, по окончаніи коего, отпустивъ меня, занялся чтеніемъ бумагъ. Изволилъ кушать съ императрицей.

Въ 3-мъ часу въ исходѣ, во время нашего обѣда, камердинеръ его величества, Федоровъ прислалъ записку къ лейбъ-медику Вилліе, въ которой писать, что государь въ весьма большомъ необыкновенномъ поту. Г-нъ Вилліе вошелъ тотчасъ къ его величеству, куда я вслѣдъ за нимъ отправился. Принесденіи къ государю, нашли его величество въ кабинетѣ, сидящаго на канапѣ въ скруткѣ и обернутымъ сверху байковымъ одѣяломъ, дабы поддерживать потъ. Г-нъ Вилліе популзъ и, посмотрѣвъ языкъ, нашелъ лихорадку, предложилъ принять тотчасъ слабительные пилоли, коихъ его величество изволилъ принять восемь. Послѣ того хотѣлъ было заниматься продолженіемъ чтенія бумагъ, полученныхъ изъ С.-Петербурга во время отсутствія его величества, но я и г-нъ Вилліе отъ сего отклонили, дабы не увеличивать лихорадки занятіемъ бумагами. Того-же вечера въ 7 часовъ лѣкарство произвело свое дѣйствіе и государь почувствовалъ облегченіе, быть весьма весель, доволенъ лѣкарствомъ, благодарилъ Вилліе за пилоли, а меня за все о немъ попеченіе. Потомъ изволилъ позвать императрицу, которая изволила оставаться одна у его величества до 10-ти часовъ вечера».

Въ описаніи этого дня журналъ кнзя Волконского расходится съ записками императрицы и баронета Вилліе, который въ свою очередь расходится между собой. Не буду перечислять

мелочей, но указку лишь на следующее обстоятельство. Князь Волконский утверждает, что онъ, вставъ изъ-за стола вмѣстъ съ Вилліе, оставался съ Вилліе у государя. Императрица пишетъ, что Вилліе былъ одинъ, а потомъ пришла она и уговорила государя принять пилули; Волконский-же пришелъ гораздо позже. Бар. Вилліе-же не упоминаетъ о присутствии императрицы, ни Волконского.

Вилліе по краткости своихъ замѣтокъ (онъ записывалъ только по нѣскольку строкъ въ день) могъ, конечно, не упоминать о Волконскомъ и даже объ императрицѣ. Но чтобы Волконский въ своемъ официальномъ журнальѣ, въ которомъ онъ отмѣчалъ всѣ свиданія Александра съ супругой, не упомянулъ бы о ней, это немного странно; такъ же какъ и утвержденіе императрицы, что она оставалась у императора вдвоеъ съ Вилліе, а что Волконский пришелъ гораздо позже.

Описаніе князя Волконского расходится еще въ одномъ пункте съ записками императрицы.

Князь Волконский пишетъ, какъ мы видѣли, что лѣкарство произвело дѣйствіе въ семь часовъ вечера, послѣ чего государь почувствовалъ себя лучше, былъ очень веселъ и послалъ за императрицей, которая оставалась у него до 10-ти часовъ; между тѣмъ императрица пишетъ такъ:

«Мы оставались одни до 7 часовъ вечера съ 4-хъ часовъ, когда онъ мнѣ сказалъ, чтобы я его оставила, т. к. приближается дѣйствіе лѣкарства. Я ему сказала: «я васъ увижу?» «Да, сегодня вечеромъ». Но т. к. онъ не присыпалъ за мнѣ и позже 9 часовъ вечера, я вѣдѣла позвать Вилліе, который мнѣ сказалъ, что лѣкарство хорошо подействовало и что онъ послѣ заснула и еще спитъ. Вилліе началъ весело болтать; наконецъ, я ему поручила сказать, если онъ увидитъ его по пробужденіи, что поздно и что ложусь спать. Потомъ я простилась съ Вилліе».

7-го ноября.

«Ночь проводилъ государь спокойно и почивалъ хорошо. Но утромъ въ 8 часовъ государь изволилъ дѣлать свой туалетъ по обыкновенію, принималъ слабительную мѣкстуру въ 11 часовъ утра, отъ коей чувствовалъ себя легче; но ввечеру стѣ-

дался небольшой жаръ оттого, что за всѣми убѣжденіями не хотѣть продолжать мѣкстуру».

Нельзя не отмѣтить, что кн. Волконский въ журналѣ своемъ за это число поскушился на описание подробностей.

Императрица описываетъ этотъ день такъ (я опускаю не-нужные подробности):

«Въ субботу 7-го онъ пришелъ ко мнѣ между 11 и 12 часами и сказалъ мнѣ, что онъ себя чувствуетъ лучше... Онъ попрежнему былъ жалѣть, но болѣе весель. Мы занялись раковинами, которыхъ я собрала; затѣмъ онъ сказалъ, чтобы я шла гулять, а онъ будетъ заниматься. Я уговаривала его менѣше работать, потому что вчера ему изъ-за этого стало плохо. Онъ отвѣчалъ: «работа настолько сдѣлалась моей привычкой, что я не могу безъ нея обойтись, и если я ничего не дѣлаю, то чувствую пустоту въ головѣ. Еслибы я покинулъ свое мѣсто, я долженъ былъ бы поглощать цѣлые библіотеки—иначе я бы сопрѣхъ съ ума». Когда я вернулась съ прогулки, онъ мнѣ прислалъ записку—послѣднюю—предлагая мнѣ присутствовать при его обѣде. Я прибѣжала. Онъ кушалъ супъ съ крупой и сухую кашу съ бульономъ, т. к. онъ принялъ еще слабительного. Послѣ своего скромнаго обѣда, онъ ходилъ по комнатѣ, остановился у одного изъ комодовъ, привѣтъ въ порядокъ пакеты готовые къ отправкѣ, но черезъ нѣкоторое время онъ мнѣ сказалъ: «Вамъ придется скоро меня оставить, потому что мое лѣкарство дѣйствуетъ, мой желудокъ не можетъ больше ничего держать». Онъ послалъ меня обѣдать. Между 3 и 4-ми часами онъ пришелъ ко мнѣ и нашелъ меня лежащей на томъ диванѣ, который онъ устраивалъ для меня и изъ которого я сдѣлала себѣ кровать. Я ему сказала, что скорѣѣ ему слѣдуетъ лежать, нежели мнѣ, и уговаривала его лѣчь. Послѣ секунднаго колебанія, онъ сказалъ, что скоро пойдетъ спать къ себѣ. Мы поговорили немнога. Онъ всталъ и сказалъ: «я пришелъ узнать, почему вы не пошли гулять послѣ обѣда». Я ему сказала, что дышала воздухомъ у окна и что у меня было два удовольствія: слушать шумъ моря и звонъ прекраснаго колокола изъ греческой церкви Константина и Елены. Я описывала ему съ такимъ жаромъ красоту звуковъ этого колокола, что онъ мнѣ сказалъ улыбаясь: «Вы увидите, вамъ тутъ такъ понравится, что вамъ трудно будетъ уѣхать».

Около 7 часовъ онъ присыпалъ за мной. Я нашла его раздѣтъмъ, въ халатѣ, лежащимъ на диванѣ. «Что это?» спросила я. Онъ мнѣ сказалъ, что лѣкарство на него подействовало до боли въ желудкѣ, что онъ надѣлъ фланелевый поясъ и что Вилліе далъ ему чаю и теперь онъ чувствуетъ себя хорошо. Онъ былъ веселъ. (Затѣмъ императрица пишетъ, что она показала ему рисунки ихъ дома, потомъ модные журналы и т. д.). Онъ былъ въ духѣ, еще веселѣ, чѣмъ наканунѣ и много говорилъ... Онъ смылся. Въ 9 часовъ вошли Вилліе и князь Волконскій. Вилліе спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ. Онъ сказалъ «хорошо». Между тѣмъ Вилліе нашелъ у него жаръ и сказалъ, что навѣрно онъ слишкомъ много работалъ послѣ обѣда. «Это необходимость и это меня успокаиваетъ», сказалъ онъ. Князь Волконскій сказалъ, что назначенный на завтра въ клубѣ балъ отмѣненъ изъ-за траура при Дворѣ (умеръ король Максимилианъ Баварскій, зять императрицы). Онъ возражалъ. Вошелъ генералъ Дибичъ... Когда эти господа ушли, мы остались одни, онъ вскорѣ пожелалъ мнѣ спокойной ночи и еще приподнялся, чтобы я могла поцѣловать его въ затылокъ.

Это описание императрицы, свидѣтельствующее о томъ, что Александръ чувствовалъ себя хорошо, много бесѣдовалъ съ ней, смылся, былъ веселъ и—if сопоставить указываемые ею часы—почти не видалъ Вилліе, рѣзко расходится съ послѣдними строками самого Вилліе за это же число: «Les exacerbations (ожесточеніе болѣзни) слишкомъ часто повторяются, чтобы я позволилъ себѣ утверждать, что это Hemitritacus Semiteriana, хотя эта чрезвычайная слабость, эта анатія, эти обмороки имѣютъ большое отношеніе съ ней» (курсивъ мой).

Такъ-же слова императрицы «лекарство подействовало», «онъ принялъ еще слабительное», совсѣмъ не совпадаютъ съ увѣреніемъ князя Волконскаго: «за всѣми убѣжденіями не хотѣлъ продолжать микстуру».

8-го ноября.

«Ночь проводилъ неспокойно и имѣлъ лихорадку. По-утру въ 8 часовъ изволилъ дѣлать свой туалетъ по обыкновенію,

принять отъ меня поздравленіе съ праздникомъ, сожалѣть, что не можетъ идти къ обѣдѣ, дабы не возобновить лихорадки. Отпустивъ меня къ обѣду, самъ изволилъ въ кабинетѣ, сѣвъ на канапѣ, заняться чтеніемъ Библии. Послѣ обѣда, пришедши къ его величеству, нашелъ его сидящимъ на канапѣ въ маленькомъ жару. Государь изволилъ спрашивать, по обыкновенію, хорошо-ли отправлялась служба, какъ пѣли пѣвчіе, и хорошо-ли служиль вновь вывезенный его величествомъ изъ Новочеркасска діаконъ? Давъ на все утвердительный ему стѣбѣтъ, я спросилъ о его здоровье; его величество изволилъ отвѣтчать,—что ему лучше, присемъ изволилъ мнѣ сказать, что не знаетъ, что будетъ ему сдѣлать съ бумагами, кончи много накопляется; на сіе я отвѣчалъ, что теперь не до бумагъ, ибо здоровье его величества теперь всего нужнѣе, а какъ, Богъ дастъ, будетъ ему лучше, тогда успѣхъ обѣдѣть все, какъ сдѣдуетъ, но и притомъ нужно будетъ ему не вдругъ заниматься безпрестанно бумагами, а понемногу, дабы лихорадка вновь не открылась. Послѣ сего приказалъ позвать къ себѣ императрицу, которая изволила побывать у его величества до самаго своего обѣда. Государь ничего не изволилъ купать, кроме хлѣбной отварной воды, и жаръ немнogo уменьшился. Государь изволилъ писать въ С.-Петербургъ къ ея императорскому величеству государинѣ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, приказалъ сдѣлать отправление 6-мъ числомъ, запретивъ писать о его болѣзни, изволилъ мнѣ сказать: «Боюсь я акстра-почты, чтобы не навлекли хлопотъ извѣстіемъ о моей болѣзни и не встревожили бы тѣмъ матушку». На сіе я сказалъ, что напишутъ то, что ему угодно, но вмѣстѣ съ симъ полагалъ я, что лучше писать правду, потому что нельзя совершенно отвѣтчать, чтобы кто-нибудь изъ жителей не написалъ чего и болѣе, чѣмъ скорѣе можетъ вѣхъ встревожить. Вечеромъ сдѣлался потъ, который продолжался всю ночь».

Въ этомъ описаніи князя Волконскаго обращаютъ на себя вниманіе два обстоятельства. Почему авторъ журнала пишетъ, что государь «по обыкновенію» спрашивалъ его о томъ, какъ прошла служба въ церкви, какъ пѣли пѣвчіе и т. п.? Изъ этой фразы можно было бы заключить, что государь вообще за послѣднее время не посѣщалъ праздничныхъ службъ, а

ограничивался лишь потомъ разспросомъ. Конечно, можетъ быть, также, что князь Волконскій, который, повидимому писалъ такъ-же плохо по-русски, какъ и по-французски, употребилъ выраженіе «по обыкновенію» въ томъ смыслѣ, что государь былъ «какъ всегда», т.-е. здоровъ.

Другую странность можно усмотрѣть въ эпизодѣ отправки государемъ письма къ вдовствующей императрицѣ. Написавъ письмо 8-го, онъ велѣлъ помѣтить отправку 6-мъ и добавилъ, что «боится экстра почты». Изъ этого слѣдуетъ заключить, что были обычныя почты и необычныя, т.-е. экстра-почты. Но, вѣдь, если государь не желалъ, чтобы письмо его шло экстра-почтой, то почему-же онъ послалъ его таковое, хотя бы и помѣтить его заднимъ числомъ? Содержаніе этого письма неизвѣстно. Даѣте, почему князь Волконскій 8-го числа около полудня (послѣ обѣдни) выразжалъ уже опасеніе, чтобы «кто-нибудь изъ жителей не написалъ чего и болѣе, чѣмъ скорѣе можетъ всяхъ встревожить». Вѣдь государь прѣѣхалъ въ Таганрогъ всего только 5-го вечеромъ, болѣзньное состояніе его было очень незначительно: онъ вставалъ, какъ всегда, въ 8 часовъ утра, одѣвался, ходилъ по дворцу, принималъ доклады и т. п. Словомъ, не было никакихъ основаній предполагать, чтобы какіе-либо тревожные слухи могли распространяться по городу и вызвать съ чѣй-либо стороны болѣе чѣмъ тревожную переписку съ Петербургомъ.

Въ запискахъ императрицы за это число встрѣчается слѣдующая курьезная подробность:

«Обѣдъ состоялся изъ стакана яблочной воды съ сокомъ изъ черной смородины. ... Вилліѣ сказалъ, что онъ случайно нашелъ запасъ этого питья у князя Волконского, получившаго его отъ своей сестры...»

Это, конечно, подробность неважная сама по себѣ—плѣли государь «хлѣбную отварную воду», какъ пишетъ Волконскій, или «яблочную воду съ сокомъ изъ черной смородины», какъ пишетъ императрица; но странно то, что по указанію Волконскаго, который, казалось-бы, могъ запомнить рецептъ посланного имъ питья и не называть его «хлѣбной отварной водой».

Дальше императрица разсказываетъ: «между 5 и 6 часами

онъ прислалъ за мной и сказалъ, что посыаетъ въ Петербургъ курьера, и даль мнѣ для этого распоряженія. У него былъ очень больной видъ, быть жаръ въ головѣ. Я пошла исполнить распоряженія и сообщила о сдѣланномъ. Онъ сказалъ: «Хорошо, отошлите ваши пакеты генералу Дибичу, и, когда вы кончите, возвращайтесь». Я вернулась около семи часовъ, ему было лучше. Наканунѣ я ему принесла газеты, прибывшія въ его отсутствіе, которая его позабавили (во французскомъ оригиналѣ «amusé»); онъ сказалъ мнѣ пріести продолженіе. Я ему сказала: «У васъ былъ такой болѣзньный видъ, что мнѣ было больно на васъ смотрѣть. Вамъ теперь, повидимому, лучше». — «Да, я чувствую себя лучше», отвѣтилъ онъ мнѣ; черезъ нѣкоторое время онъ опять началъ читать газеты, а я тоже занялась чтеніемъ. Потомъ онъ приготовился спать и легъ съ видомъ такого хорошаго ощущенія (*bien être*), что приятно было на него смотрѣть—онъ улыбался и заснулъ.

Онъ спать такимъ образомъ около двухъ часовъ, причемъ дыханіе было вполнѣ спокойное и тихое (*la respiration était la plus calme, la plus douce*); онъ проснулся только одинъ разъ, посмотрѣлъ вокругъ съ такимъ видомъ, что я сочла его веселымъ—съ тѣмъ самымъ видомъ, который я наблюдала позже, въ ужаснѣйшіе минуты, и потомъ опять уснула, улыбаясь; (*une certaine mine que je croyais de la gaieté et que j'ai retrouvé plus tard dans des moments affreux*); вошелъ камердинеръ, чтобы доложить о приходѣ Вилліѣ, но онъ спалъ такъ крѣпко, что его не разбудили. Наконецъ, въ 9 часовъ онъ проснулся. Вошелъ Вилліѣ.—«Какъ Вы себя чувствуете?»— «Очень хорошо, спокойно и сѣѣль».— Вилліѣ сказалъ: «Вы увидите, что будетъ погода»: поговоривъ нѣкоторое время, ему предложили лечь.—«Мнѣ хорошо такъ здѣсь»,— сказалъ онъ; тѣмъ не менѣе я ушла, чтобы дать ему возможность лечь, причемъ онъ сказалъ мнѣ: «возьмите газеты, завтра принесете мнѣ остальные». Въ десять часовъ (въ книжѣ вел. кн. Николая Михайловича сказано въ «шесть часовъ», что очевидно не соответствуетъ истинѣ; вѣроятно, неопытный переписчикъ прочелъ слово «dix», какъ «six») я послала за Вилліѣ; я спросила, легъ ли онъ (императоръ) спать; Вилліѣ сказалъ, что *« ему* не удалось уговорить его лечь; что онъ (императоръ)

продолжалъ улыбаться, повторяя: «я чувствую себя здѣсь такъ хорошо», но что теперь, однако, онъ сказаѣтъ, чтобы ему притоили кровать (*il avait demandé son lit*). И дѣйствительно,—въ теченіи ночи у него было обильный и хорошій потъ».

Суди по вышеприведеннымъ запискамъ императрицы, можно заключить, что, если у императора былъ жаръ, то, начиная съ 7-ми часовъ вечера, онъ чувствовалъ себя хорошо, спокойно спалъ, былъ веселъ и настаивалъ на томъ, что ему «здѣсь такъ хорошо».

Тутъ опять мы наталкиваемся на противорѣчія.

Анонимный авторъ *«(Histoire de la Maladie)»* пишетъ, что государь 8-го числа чувствовалъ себя настолько дурно, что съ утра призвалъ къ себѣ Стоффрегена (*le 8 Stoffregen a été appellé dès le matin*).

Стоффрегенъ былъ лейбъ-медикъ, состоявшій при императрицѣ, и государь его къ себѣ не приглашалъ, такъ какъ имѣлъ своего собственнаго, которому онъ довѣрялъ и котораго очень любилъ—баронета Я. В. Вилліе. Поэтому нельзя не удивляться вышеприведенной фразѣ автора *«Histoire de la Maladie»*; если бы дѣйствительно государь «съ утра пригласилъ» къ себѣ Стоффрегена, то, конечно, кн. Волконскій, а тѣмъ болѣе императрица упомянули бы объ этомъ въ своихъ запискахъ.

Упоминаніе о Стоффрегенѣ мы находимъ только у самого Вилліе, но совершенно разное съ тѣмъ, которое дѣлается въ *«Histoire de la Maladie»*. Вилліе пишетъ подъ той же датой.

8-го ноября.

«Эта лихорадка, очевидно, febris gastrial biliosa, эта гнилая отрыжка, это воспаленіе въ сторонѣ печени, des press-cordes, рвота sine vomite nec dolore pititer comprimendo требуетъ, чтобы premières voies были хорошо очищены. Надо traire печень. Я сказалъ Стоффрегену».

9-го ноября.

«Ночь была изрядная. По утру, хотя потъ и продолжался, но государь чувствовалъ себя лучше, что продолжалось во весь день. Такъ какъ въ тотъ день должна была отправиться

экстра-почта въ С.-Петербургъ, то и просилъ я у него величества, чтобы изволилъ писать ея величеству о болѣзни. Государь императоръ приказалъ государыни писать къ ея императорскому величеству гос. имп. Маріи Феодоровнѣ, равнѣмѣрно приказалъ генералъ-адъютанту барону Дубичу писать въ Варшаву къ цесаревичу, что, возвратясь изъ Крыму съ лихорадкою, принужденъ не выходить изъ дома, дабы не увеличивать лихорадки».

Въ дневникѣ императрицы за этотъ день сказано такъ:

«Стоффрегенъ мнѣ сказалъ, что болѣзнь можно считать преѣченной, что, если лихорадка вернется, то она приметъ перемежающуюся форму и съ неї скоро покончатъ, и что—поэтому—я могу писать въ С.-Петербургъ, что болѣзнь уже прошла (*que la maladie n'était plus que du passé*). Я видѣла его (императора) передъ тѣмъ, чтобы выйти на прогулку, а позже, онъ прислалъ за мною передъ его обѣдомъ. Ему подали овсяный супъ,—онъ сказалъ, что ему, дѣйствительно, хочется ёсть и что это случается съ нимъ впервые послѣ 3-го числа. Онъ нашелъ, однако, что супъ слишкомъ густо сваренъ, и разбавилъ его водой; онъ сѣѣль его съ аппетитомъ, а потомъ сѣѣль и сливы—онъ даже хотѣлъ еще побѣсть, но сказалъ: «надо быть благороднымъ». Немного спустя, онъ сказалъ мнѣ, чтобы я шла обѣдѣть, «а я, какъ порядочный человѣкъ, пойду прилагу послѣ обѣда». Между 6 и 7 час. онъ прислалъ за мною, чтобы я принесла ему газеты.—«Вы мнѣ приносите игрушку, какъ ребенку», сказаѣтъ онъ. Онъ прочель, что оставалось прочесть, но ему неадоровилось, у него былъ жаръ. Пока онъ читалъ, я читала *«Les Memoires de M-me de Genlis»* и онъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ по этому поводу... Въ теченіи вечера онъ меня внезапно спросилъ: «почему вы не носите траура (по король Баварскому?)?» «Я отвѣтила, что сняла трауръ къ его приѣзу и что мнѣ не хочется его болѣе надѣвать; но что если ему угодно, я завтра опять надѣну».

Зауменіе въ здоровью, произшедшее за этотъ день, отмѣчаетъ и Вилліе въ своемъ дневникѣ.

Не лиши, можетъ быть, будеть обратить вниманіе на обстоятельство, что государь приказалъ сообщить о своей болѣзни цесаревичу Константину; это обстоятельство интересно

само по себѣ, а кромѣ того, оно обращаеть на себя вниманіе потому, что въ подлинникѣ журнала князя Волконскаго въ послѣдней строкѣ позже приписано рукой самаго Волконскаго: «сие приказаніе г. Дибичу дано было 11-го ноября, а не 9-го. Эта помѣтка весьма странна, и мы къ ней еще вернемся при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи обстоятельствъ, предшествовавшихъ событию 19-го ноября».

10-го ноября.

«Государь проводилъ ночь изрядно, но къ утру сдѣлялось хуже. Въ 8 часовъ принялъ шесть слабительныхъ пилюль, въ 11 часовъ утра, вставая съ постели за нуждою, получилъ обморокъ и весьма ослабѣлъ. Во весь день продолжался жаръ, къ вечеру сдѣлялся сильный потъ и забывчивость, отъ чего мало уже и почти совсѣмъ не говорить, какъ только чего просилъ».

Эти послѣднія строки журнала кн. Волконскаго за 10 ноября рѣзко расходятся съ записками императрицы, въ которыхъ она подтверждаетъ, что императору днемъ было не хорошо, но къ вечеру, т. е. именно тогда, когда по словамъ Волконскаго государь впалъ въ «забывчивость» и «почти совсѣмъ не говорить, какъ только чего просилъ», по ее словамъ:

«Перемѣнившись бѣлье, онъ послалъ за мною; онъ лежалъ на диванѣ (сапарѣ) изъ своего кабинета и выглядѣть поразительно хорошо сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ выглядѣть днемъ (въ оригиналѣ «l'aprѣs dîner» иначе говорятъ—послѣ обѣда, т. е. послѣ 3-хъ часовъ пополудни, т. к. Александръ и императрица обѣдали въ 3—4 часа).—Со мной была моя книга и я дѣлала видъ, что читаю, но наблюдала за нимъ: онъ нашелъ, что у меня усталое лицо. Я сказала, что у меня болитъ голова, что не во время закрыли печь, находящуюся около моей кровати; это была правда, но лицо мое было утомлено, потому что я плакала». Послѣ разговора о печѣ и о томъ, кто въ этомъ виноватъ, они говорили о приемѣ депутаций отъ калмыковъ.

— «Кстати,—сказалъ онъ,—они хотятъ съ вами проститься; я не могу ихъ принять, такъ примите вы ихъ!—Когда?»—спросила я».—«Завтра: скажите объ этомъ Вол-

конскому». Желая ему спокойной ночи, я поцѣловала его и перекрестила его дорогой лобъ. Онъ улыбнулся».

Изъ вышеупомянутаго видно, насколько утвержденія князя Волконскаго въ его официальномъ журнальѣ не соответствуютъ истинѣ. Что касается баронета Вилліе, то подъ этой-же датой отъ 10 ноября онъ пишетъ слѣдующія весьма знаменательныя строки:

«Начиная съ 8-го числа, я замѣчаю, что что-то такое другое его занимаетъ больше, чѣмъ его выздоровленіе и безпокойство его мысли. Post hoc ergo propter hoc. Ему сегодня хуже, и Миллеръ по его словамъ тому причина. Князю Волконскому вслѣдствіе сего препоручено побранить бѣднаго Миллера».

«Въ «Histoire de la Maladie» на это же число (10 ноября) даются указанія, идущія вразрѣзъ не только со словами Волконскаго, но тоже и самой императрицы; зато они подтверждаютъ до извѣстной степени мнѣніе Вилліе о томъ, что государь былъ чѣмъ-то озабоченъ: La nuit a été mauvaise, mais il y avait une amélioration dans la matinée du 10. Il est échappé a l'empereur de dire medecins, — il faut considerer l'état de mes nerfs, qui ne sont que trop détiraqués, et les médecines ne feront que les déranger encore plus. (Ночь была нехорошая, но утромъ 10-го послѣдовало улучшеніе. У императора въ обращеніи къ докторамъ вырвались такія слова: надо считаться съ моими нервами, которые слишкомъ разстроены и безъ того, лѣкарства разстроять ихъ еще больше).

11-го ноября.

«Государь проводилъ ночь спокойно и по утру чувствовалъ себя лучше; приказалъ позвать императрицу, которая оставалась у его величества до самаго обѣда. Къ вечеру въ шести часовъ онъ сдѣлялся жаръ, и, когда его величество вставалъ за нуждою, съ нимъ былъ обморокъ, но не столь сильный, какъ первый. Къ ночи жаръ убавился; потомъ продолжался всю ночь, отъ чего его величество худо почивалъ».

Записки императрицы за это число подтверждаютъ улучшеніе въ здоровыѣ государя, и заканчиваются такъ: «Около пяти часовъ я послала за Вилліе и спросила его, какъ обстоитъ дѣло.—Вилліе быть весель, онъ сказалъ мнѣ,

что у него (императора) жаръ, но что я должна войти, что онъ не въ такомъ состояніи, какъ наканунъ».

Самъ-же Вилліе пишетъ 11-го ноября:

«Большъ продолжается; внутренности еще довольно не чисты; *gustus, inflatio*. Когда я ему говорю о кровопусканиѣ и слабительномъ, онъ приходитъ въ бѣшенство и не удостаиваетъ говорить со мною».

Что касается «*Histoire de la Maladie*», то мы находимъ въ ней слѣдующія строки:

Le 11 j'ai de nouveau appris que l'empereur était embus le matin mais que la nuit il a eu redoublement de fièvre. Sa Majesté croyait toujours, que c'était une fièvre de Crimée tandis que c'était toute autre chose. (11-го я опять узналъ (узала), что императору было лучше утромъ, но что ночью лихорадка усилилась. Его (или ея) величество продолжалъ (или продолжала?) думать, что это крымская лихорадка, тогда какъ это было нѣтъ совсѣмъ иное).

Я прошу читателя запомнить это число—11-го ноября, на которомъ «записка императрицы обрывается», какъ отмѣчаетъ великий князь Николай Михайловичъ въ своей книжѣ «Легенда о кончинѣ имп. Александра I».

12-го ноября.

«По утру жаръ продолжался; приказывалъ мнѣ сдѣлать ему питье изъ апельсиновъ, которое я имѣть съ г. Вилліе ему сдѣлать чѣмъ его величество былъ очень доволенъ и меня благодарили. Позвать изволилъ къ себѣ императрицу, которая изволила остаться цѣлый день. Къ вечеру сдѣлалось легче».

Вилліе за этотъ день пишетъ слѣдующія строки, начинаящіяся довольно странной фразой:

«Какъ я припоминаю (курсивъ мой), сегодня ночью я выписалъ лѣкарства для завтрашняго утра, если мы сможемъ посредствомъ хитрости убѣдить его принимать ихъ. Это же стокъ. Нѣть человѣческой власти, которая могла бы сдѣлать этого человѣчка благоразумнымъ. Я—несчастный».

Оставляя въ сторонѣ не совсѣмъ понятное и лирическое восклицаніе Вилліе, нельзя не сопоставить заключительныхъ словъ журнала князя Волконского «къ вечеру сдѣлалось легче» со слѣдующими словами автора «*Histoire de la Maladie*»

Le soir le redoublement de fièvre était trop violent pour ne pas présenter le danger. (Къ вечеру лихорадка настолько усилилась, что нельзя было не предвидѣть опасности).

13-го ноября.

«Государь ночь провелъ изрядно и по утру принималъ слабительное; жаръ уменьшился до полудня, потомъ опять начался и продолжался во всю ночь. Вечеромъ принималъ два клистира, которые много облегчили. Во весь день мало изволилъ говорить, кроме что просилъ иногда пить; апельсиновый лимонадъ ему опротивился, просилъ сдѣлать другой, почему и сдѣлали изъ вишневаго сирона».

Бар. Вилліе отмѣчаетъ этотъ день такими строками (принято подлинный текстъ):

Tout ira mal, parce qu'il ne permet, n'écoute de faire ce qui est absolument nécessaire. Cette tendance à dormir est de bien mauvaise augure. (Будетъ плохо, такъ какъ онъ и слышать не хочетъ, чтобы сдѣлать то, что необходимо. Эта сонливость плохой знакъ).

«*Histoire de la Maladie*» описываетъ этотъ день въ очень мрачныхъ краскахъ, совсѣмъ не совпадающихъ съ указаніемъ кн. Волконскаго на то, что вечеромъ послѣдовало облегченіе:

Un assoupiissement léthargique avec une respiration difficile et entrecoupée et des crispations violentes prouvaient qu'il fallait des remèdes plus efficaces, que le malade repoussait pourtant avec opiniâtreté. La nuit a été affreuse et les craintes sur cet état redoublaient à mesure que chaque redoublement de fièvre devait de plus en plus violent.

(Легаргическая сонливость, дыханіе затрудненное и прерываемое сильными спазмами, доказывали, что нужны были болѣе действительныя мѣры, отъ которыхъ, впрочемъ, больной упорно отказывался. Ночь была ужасная, и опасенія за его здоровье усиливались съ каждымъ усиленіемъ лихорадки).

14-го ноября.

«По утру жаръ у государя былъ поменѣе, и его величество сдѣлалъ весь свой туалетъ и брился, какъ обыкновенно. Около обѣда сдѣлался опять сильный жаръ, и за ушами шея къ головѣ замѣтно покраснѣла, почему г. Вилліе и Стоффргенъ

предложили его величеству поставить за уши пяски; но государь и спрашивать о семье не хотѣлъ, всячески быть уговариваемъ и упрекиваемъ докторами, императрицею и мною, но всѣмъ отказать, отсыпалъ даже съ гибвомъ, чтобы оставилъ его въ покой, ибо нервы и безъ того разстроены, которые бы должно стараться успокаивать и не умножать раздраженіе ихъ пустыни лѣкарствами. Въ 8 часовъ вечера, при императрицѣ, всталъ и спустилъ ноги съ постели, отъ чего сдѣлался ему сильный обморокъ; видя его упразднство, я при ея величествѣ сказалъ докторамъ, что почитаю однімъ средствомъ склонить государя на принятие лѣкарства и приставленіе пялокъ—предложить его величеству причащеніе св. тайнъ, выѣсто всѣхъ лѣкарствъ, наставя вмѣсть съ тѣмъ духовника, чтобы на духу и послѣ причащенія старался его увѣщевать и согласить на приставленіе пялокъ, говоря, что въ Таганрогѣ сіе средство отъ лихорадки почитается самимъ лучшимъ. Доктора приняли мой совѣтъ и просили императрицу взять на себя сдѣлать таковыя предложения. Государинъ, видя, что жаръ не уменьшается, изволила рѣшиться предложить его величеству пріобщиться, говоря:

«J'ai une grâce à vous demander, comme vous avez refusé tous les remèdes que les medecins vous ont proposés, j'espère que vous accepterez celui que je vous proposerai — Qu'est ce?» dit l'empereur. «C'est la communion», repondit l'imperatrice. «Suis je donc en danger? demanda Sa Majesté — «Non», dit l'imperatrice, «mais c'est comme un remède que tout chretien emploie dans les maladies». L'empereur repondit, qu'il l'accepte avec bien de plaisir et ordonna de faire chercher le prêtre».

Въ самое сіе время сдѣлался его величеству пресильнейший потъ, почему доктора положили повременить причастіемъ, пока потъ будетъ продолжаться, я между тѣмъ занялся назначеніемъ священника соборной здѣшней церкви, отца Алексія Федотова. Въ 11 часовъ вечера государь просилъ императрицу идти къ себѣ почивать. Ея величеству ушедши, приказала себѣ дать знать, когда спросить духовника».

Вилліе за этотъ день дѣлаетъ краткую, но очень интересную запись такого содержанія (привожу полностью):

«Все очень не хорошо, хотя бреда у него пѣть. Я хотѣлъ дать ему acide muriatique въ питьѣ, но по обыкновенію по-

лучилъ отказъ.—«Уходите» (Allez vous en).—Я заплакалъ, и онъ, увидавъ это, сказалъ: «Подойдите (venez), мой дорогой другъ. Я надѣюсь, что вы не сердитесь на меня за это. У меня—мои причины».

Въ этотъ же день, 14-го ноября, въ 9 часовъ вечера государь впервые потребовалъ къ себѣ доктора Д. К. Тарасова, который по этому поводу пишетъ:

«Надобно замѣтить, что я во время болѣзни императора во дворцѣ до того не бывалъ, а о положеніи его величества всѣ подробности знать частью отъ баронета Вилліе, не желавшаго, какъ казалось, допустить меня въ почиально императора, а частью отъ лейбъ-медика Стоффрекена». (Курсы мои).

Любопытно то обстоятельство, что съ этого же первого дня, когда записки Тарасова приобрѣтаютъ для насть интерес, онъ становится въ противорѣчіе съ журналомъ кн. Волконского. Такъ, напримѣръ, Волконский пишетъ, что обморокъ случился въ 8 часовъ вечера; Тарасовъ же утверждаетъ, что это было утромъ въ 7-мъ часу, когда императоръ собирался бриться. Волконскій пишетъ, что, когда императрица предложила государю причаститься, онъ спросилъ, «разгѣ я въ опасности?» на что она возразила «нѣть». Тарасовъ же описываетъ эту сцену такъ: на предложеніе причаститься, Александръ спросилъ:

«Кто вами сказалъ, что я въ такомъ положеніи, что уже необходимо для меня это лѣкарство?—«Вашъ лейбъ-медикъ Вилліе», отвѣтила императрица.—Тотчасъ Вилліе былъ позванъ. Императоръ повелительно спросилъ его: «Вы думаете, что болѣзнь моя ужъ такъ запала далеко?» Вилліе, до крайности смущенный такимъ вопросомъ, рѣшилъ положительно объясняться императору, что онъ не можетъ скрывать того, что онъ находится въ опасномъ положеніи. Государь, съ совершенно спокойнымъ духомъ, сказалъ императрицѣ: «благодарю васъ, другъ мой, прикажите—я готовъ».

Помимо вышеупомянутыхъ разногласій между журналомъ Волконского и записками Тарасова, попадаются также и другие, менѣе значительные: такъ, напримѣръ, Волконскій пишетъ, что «въ самое сіе время (когда императрица говорила о причащенії) сдѣлался его величеству пресильнейший

путь», Тарасовъ же утверждаетъ, что императоръ, по выходѣ императрицы, вскорѣ забылся и заснула. Волконскій пишеть, что послѣ этого разговора «въ 11 часовъ вечера государь просилъ императрицу идти къ себѣ почивать»; изъ записокъ же Тарасова видно, что императрица пришла къ государю только въ 12-мъ часу. Это, конечно, мелочи, но я все таки считаю нужнымъ ихъ отмѣтить.

15-го ноября.

«Жарь продолжался до 4-хъ часовъ утра. Въ 6 часовъ сѣдалось его величеству хуже, о чмъ я немедленно доложилъ ея величеству, которая, пришедшіи къ государю, тотчасъ напомнила о духовникѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ г-нъ Вилліе объявиль государю, что онъ въ опасности. Его величество приказалъ позвать духовника и, прослушавъ молитвы къ исповѣдіи, обратился къ императрицѣ, сказать: «Il faut me laisser seul». Когда всѣ вышли, то государь изволилъ исповѣдываться, а по окончаніи приказалъ духовнику призвать императрицу, съ коей вошелъ опять и я съ ген.-ад. Дибичемъ и съ докторами Вилліе, Стоффрекеномъ, Тарасовымъ и камердинерами; государь изволилъ пріобщиться С. Тайнъ, постъ чего духовникъ, поздравляя его величество, просилъ его не отказывать помошь медиковъ и совѣтывать по обычая здѣшнему приставить піявки. Умоляя государя не терять времени, стала съ крестомъ въ рукахъ на колѣнѣ. Государь сказалъ «встаньте», и, поцѣловавъ крестъ и духовника, сказалъ, что никогда не отшутила большаго удовольствія, какъ въ сей разъ; обратился къ императрицѣ, взялъ ея руку и, поцѣловавъ ону, сказалъ: «Jamais je n'ai érouvé un plus grand plaisir et vous gérez le beaucoeur». Какъ жарь не убавлялся, напротивъ тогъ усиливался, то доктора предложили опять піявки; его величество, не отказывая съ тѣхъ поръ ничего, употреблялъ всѣ лѣкарства, какія ему были подносимы; начали съ піявокъ, конкѣ поставили за уши 35 по обѣимъ сторонамъ, что продолжалось довольно долго и крови довольно было вытѣнuto; жарь хотя и уменьшился, но не надолго, и къ ночи было уже хуже. Принадѣвали синаптизмы къ рукамъ и бедрамъ».

Записки Тарасова опять во многомъ противорѣчать журналу князя Волконскаго (отмѣчаю ниже курсивомъ эти противорѣчія).

«Я всю ночь просидѣть подлѣ больного, и, наблюдая за положеніемъ его, замѣтилъ, что императоръ, просыпаясь по временамъ, читалъ молитвы и псалмы, не открывая глазъ. Въ пять съ половиной часовъ утра 15-го ноября императоръ, открывъ глаза и увидѣвъ меня, спросилъ: «Здѣсь священникъ? — Я тотчасъ сказала о семъ барону Дибичу, князю Волконскому и баронету Вилліе, проводившимъ всю ночь въ прѣмномъ залѣ подлѣ кабинета. Князь Волконскій доложилъ о семъ императрицѣ, которая поспѣшила прийти къ государю. Всѣ вошли въ кабинетъ и стали при входѣ у дверей. Немедленно былъ введенъ протоіерей Федотовъ. Императоръ, приподнявшись на лѣвый локоть, привѣтствовалъ пастыря и просилъ его благословить; получить благословеніе, поцѣловали руку священника. Потомъ твердымъ голосомъ сказать: «Я хочу исповѣдаться и пріобщиться Св. Тайнъ; прошу исповѣдать меня не какъ императора, но какъ простого мірянина; извольте начать, я готовъ приступить къ святому таинству».

Затѣмъ слѣдуетъ описание сцены причащенія и просьбы духовника о принятіи лѣкарствъ.

«Къ вечеру положеніе императора казалось нѣсколько лучше».

Бар. Вилліе ограничивается за этотъ день нѣсколькими строками:

«Что за печальная моя миссія объявить ему о его близкомъ разрушеніи (dissolution) въ присутствіи ея величества императрицы, которая пошла предложить ему вѣрное средство: *ascentum*».

На слѣдующій день (16) Вилліе подтверждаетъ фактъ причащенія и увѣщеваній Федотова, а также принятія императоромъ нѣкоторыхъ лѣкарствъ.

Я соединилъ записи Вилліе за два дня въ одно, т. к. онъ представляютъ одно цѣлое и въ сущности обѣ относятся къ событиямъ, имѣвшимъ мѣсто 15-го. ¶

Тутъ-же не могу не упомянуть обѣ одномъ странномъ обстоятельствѣ, опровергающемъ всѣ вышеупомянутые показанія въ томъ числѣ и самого Вилліе.

Въ декабрѣ 1840 года въ Петербургъ пріѣхалъ англійскій дипломатъ, лордъ Лофтусъ. Въ своихъ запискахъ Лофтусъ упоминаетъ о встрѣчѣ съ Вилліе, а также и о томъ, что

Вилліе рассказывалъ одному общему ихъ другу слѣдующее: когда императору Александру съ его согласія поставили піявки, онъ спросилъ императрицу и Вилліе, доволыны ли они теперь? Они только что высказали свое удовольствіе, какъ вдругъ государь сорвалъ съ себя піявки, которыя единственны могли спасти его жизнь. Вилліе сказалъ при этомъ Лофтусу, что повидимому Александръ искалъ смерти и отказывался отъ всѣхъ средствъ, которыхъ могли отвратить ее. Вѣроятно, Вилліе сказалъ еще что-нибудь своему соотечественнику, т. к. лордъ Лофтусъ пришелъ къ заключенію, что смерть Александра всегда останется необъяснимой тайной, и дала поводъ ко многимъ неправдоподобнымъ рассказамъ о томъ, что его будто бы отравили, что онъ кончилъ самоубийствомъ или же, наконецъ, что его будто бы умертвили.

Это указаніе англійскаго дипломата очень интересно: паречисля неправдоподобные слухи, порожденные событиемъ 19-го ноября, онъ не упоминаетъ въ числѣ ихъ исчезновенія императора и похоронъ другого лица взамѣнъ его, хотя этотъ слухъ распространился по Россіи сейчасъ-же послѣ таганрогской катастрофы.

16-го ноября.

«Ночь проводила худо и все почти въ забытіи; въ 2 часа ночи попросилъ лимонного мороженаго, котораго откупашъ одну ложечку, потомъ во весь день ему было худо; къ вечеру положили еще къ ляжкамъ синапизмы, но жаръ не уменьшался. Государь былъ все хуже, въ забытіи и ничего не говорилъ».

Этому немногосклонному показанію кн. Волконскаго разительно противорѣчать слѣдующія строки, приводимыя Шильдеромъ (т. 4-й, стр. 383) по дневнику Тарасова:

«Ночь государь провелъ нѣсколько спокойнѣе. Жаръ былъ можетъ сильный; поставленная на затылокъ шанская мушка хорошо подействовала».

Кстати сказать, г. Василичъ, авторъ «Легенды о Старѣ Кузьмичѣ и императорѣ Александрѣ I-мъ», цитируя записки Тарасова и Волконскаго, совершенно опускаетъ вышеупомянутыя строки.

Что-же касается анонимнаго автора «Histoire de la Maladie»

который все свое повѣствованіе вообще ведеть въ необычайно мрачныхъ, трагическихъ краскахъ, (такъ что поневолѣ удивляешься иногда, по какимъ такимъ «informations les plus authentiques» онъ ихъ составлялъ)—заявляетъ, что «усиленіе лихорадки между 3 и 4 часами утра 16-го ноября, сопровождалось всѣми признаками смерти (le redoublement de fièvre survenu entre 3 et 4 heures du matin le 16 etait accompagné de tous les indices de la mort).

Невольно обращаетъ на себя вниманіе еще и то обстоятельство, что всѣ имѣющіеся документы часто, какъ мы видѣли, противорѣчашіе одинъ другому, послѣ 15 ноября (день причащенія) становятся удивительно, если можно такъ выразиться, «малословными», даютъ очень мало матеріяла и впадаютъ въ еще болѣйшія противорѣчія: мы видѣли примѣръ этого послѣ датой 16-го ноября. Переходимъ къ слѣдующему дню:

17-го ноября.

«Ночью было государю худо, по утру въ шесть съ полночной часовъ положили на спину шанскую муху. Въ 10 часовъ утра стала всѣхъ узнавать и немножко говорить, то-есть только просить пить. Къ вечеру сдѣлалось хуже, однако позвалъ меня и сказалъ «сдѣлай мнѣ», и остановился; я спросилъ у его величества, что прикажете сдѣлать? Посмотрѣвъ на меня, отвѣчалъ: «полоскай»; отошель отъ него, замѣтилъ, что уже нельзѧ ему полоскать рта, потому что силъ не имѣть, чтобы подняться а между тѣмъ забылся опять и былъ всю ночь изъ опасности».

Тарасовъ пишетъ, что «болѣзнь достигла высшей степени своего развитія».

Императрица же въ этотъ день написала вдовствующей государынѣ Маріи Феодоровнѣ письмо такого содержанія:

Я не была въ состояніи написать Вамъ со вчерашней почтой. Сегодня... наступило очень рѣшительное улучшеніе (du mieux très décidѣ) въ состояніи здоровья императора... Вы получаете бюллетени. Слѣдовательно вы могли видѣть, что съ вами было вчера (a quoi nous avons été reduits hier)—и даже еще этой ночью. Но сегодня самъ Вилліе говорить, что состояніе здоровья нашего дорогого больного удовлетворительно».

У самого же Вилліе находимъ слѣдующія строки:

«Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Смотрите исторію болѣзни. Князь (Волконскій) въ первый разъ завладѣлъ моей постелью, чтобы быть ближе къ императору. Баронъ Дибичъ находится внизу».

Нельзя не обратить вниманія на это «завладѣніе» Волконскимъ постели Вилліе именно тогда, когда казалось близость доктора, а не генераль-адъютанта была всегда нужнѣе.

18-го ноября.

«По утру государь стала немнога посилыть, что и продолжалось до вечера, но къ ночи сдѣлался опять сильный жаръ, отъ коего пришелъ въ совершиенную опасность, ничего уже не говорилъ, но узнавалъ, ибо каждый разъ какъ вскрывалъ глаза и видѣлъ императрицу, то, взявшись руки, цѣловалъ и прикладывалъ къ сердцу. Когда я къ нему подошелъ, то изволилъ, взглянувъ милостиво, улыбнуться, и когда я поцѣловалъ руку его величеству, то изволилъ сдѣлать знакъ мицѣ глазами, заѣмъ я сіѣ дѣлаю, ибо я зналъ, что онъ не жаловалъ давать свою руку цѣловать. Въ 11 часовъ и 40 минутъ вечера опасность начала прибавляться, и съ тѣхъ поры все уже было въ забытіи».

Воспоминанія Тарасова расходятся съ показаніями кн. Волконского въ первой ихъ части, т. е. объ улучшениіи въ теченіи утра и дна; но въ дальнѣйшемъ разногласій не встрѣчается.

«*Histoire de la Maladie*» расходится съ предыдущими источниками въ указаніяхъ времени, кромѣ того описывается утро 18-го съ полнымъ противорѣчіемъ Волконскому («le 18 au grand matin le redoublement de fièvre eut lieu avec les plus alarmes») а также упоминается о присутствіи духовника, о коемъ не упоминаетъ ни Волконскій, ни Тарасовъ, ни Вилліе.

Вилліе пишетъ: «Ни малѣйшей надежды спасти моего обожаемаго повелителя. Я предупредилъ императрицу и кн. Волконскаго и Дибича, которые находились—первый у себѣ а послѣдній—у камердинеровъ».

Кстати слѣдуетъ отмѣтить, что Вилліе не упоминаетъ Тарасовъ; Тарасовъ же не упоминаетъ о Вилліе и пишетъ, что онъ—Тарасовъ—предупредилъ императрицу и что отъ

дежурить ночью при государѣ; авторъ-же «*Histoire de la Maladie*» утверждаетъ, что дежурнымъ былъ докторъ Доббертъ, причемъ даже императоръ выразилъ изумленіе, т.-к. не приналъ его видѣть:

«Ses yeux rencontrent un individu qu'il n'était pas habitué de voir — c'était le medecin Dobbert qui était de service pour le veiller. Son regard était plein de curiosité et de surprise».

19-го ноября.

Государь оставался въ забытіи во все время до конца, въ 10 часовъ и 50 минутъ испустилъ послѣдній духъ. Императрица закрыла ему глаза и, поддержавъ челюсть, подвѣзала платкомъ, потомъ изволила пойти къ себѣ».

Привожу полностью описанія этого утра по другимъ источникамъ.

«Воспоминанія Тарасова»:

«Наступило 19-е ноября. Утро было пасмурное и мрачное; площадь передъ дворцомъ вся была покрыта народомъ, который изъ церквей, послѣ моленія объ исцѣленіи государя, приходилъ толпами ко дворцу, чтобы получить вѣсти о положеніи императора. Государь постоянно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и прямо устремлялъ ихъ на императрицу и съветъ распятіе. Послѣдніе взоры его были настоль умильны и выражали столь спокойное и небесное унованіе, что все мы, присутствовавшіе, при безгубномъ риданіи, проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его не замѣтно было ничего земнаго, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе становилось все рѣже и тише».

«*Histoire de la Maladie*».

«Въ четвергъ 19-го ноября, день навсегда прискорбный, пакости закончились продолжительной агоніей, къ дыханію присоединились стоны, которые доказывали страданія больного, а также предсмертная икота. Дыханіе становилось все короче; пять разъ оно совершенно останавливалось и столько же разъ возобновлялось. Въ три четверти одиннадцатаго императоръ испустилъ послѣдній вдохъ въ присутствіи императрицы, которая оставалась одна въ молитвахъ около своего

умирающего супруга. Она осталась около получаса при бездыханномъ тѣлѣ; это была она, которая закрыла глаза и ротъ покойнику»...

Дневникъ Вилли:

«Ея величество императрица, которая провела много часовъ вмѣстѣ со мною, одна у кровати императора всѣ эти дни, оставалась до тѣхъ поръ, пока наступила кончина въ 11 часовъ безъ 10 минутъ сегодняшняго утра. Князь, баронъ, доктора, дежурные *de vita eterna gauderi spergo*.

Прибавимъ еще два показанія: первое—д-ра Добберта (*Aus dem Leben Dobberts*), того самаго, котораго императоръ такъ удивился видѣть у себя въ комнатѣ; второе—камердинера Федорова.

Доббертъ пишетъ: «*Er hatte einen qualvollen Tod, beinahe elf Stunden dauerte der Todeskampf.*»

(Онъ умеръ мучительной смертью. Борьба со смертью — агонія—продолжалась почти одиннадцать часовъ).

По свѣдѣніямъ камердинера Федорова:

«Она (императрица) полторы сутки находилась при императорѣ; за часъ до кончины, государь, открывъ глаза и видя около себя предстоящихъ любезнѣйшую парицу, барона Дибича, князя Волконскаго и прочихъ особъ, не могъ говорить, но память еще имѣть; сдѣлалъ движеніе рукою, зевъ государину, которая къ нему подошла... Наконецъ, на исходѣ души великаго своего супруга, сама изволила закрыть дражайшему своему царю глаза и, подвязавъ ему платкомъ подбородокъ, залившись слезами, получила сильный обморокъ. Немедленно вынесли ее въ другую комнату».

IV.

Въ предыдущей главѣ я привелъ всѣ документы, относящіяся къ болѣзни императора Александра I вплоть до момента его кончины. Документы эти считаются безспорными, и на нихъ основываются изслѣдователи интересующаго насъ вопроса, отстраивая какую-либо возможность отождествленія Александра съ таинственнымъ старцемъ Федоромъ Кузьмичемъ.

— «Вотъ вамъ записки императрицы, вотъ вамъ воспоминанія врачей, вотъ вамъ офиціальные журналы князя Волконскаго и *«Histoire de la Maladie»*—разгѣ можно возражать противъ такихъ аргументовъ? разгѣ можетъ оставаться еще хоть тѣль сомнѣнія въ подлинности кончины государя именно въ Таганрогѣ 19-го ноября 1825 года?»

Такъ говорятъ эти изслѣдователи, и на первый бѣглый взглядъ кажется, что они правы. Какія въ самомъ дѣлѣ могутъ быть тутъ возраженія противъ показаній очевидцевъ? И какихъ очевидцевъ! Едовы покойного, его врачей, его близайшаго друга Волконскаго и его камердинера...

Признаюсь, что когда года три тому назадъ я началъ изучать этотъ вопросъ, то, прочитавъ эти документы, а затѣмъ и сочиненія, въ основу которыхъ были положены эти документы, я готовъ былъ вполнѣ присоединиться къ высказанному ими мнѣнію и принесли разсказъ о Федорѣ Кузьмичѣ къ категоріи тѣхъ красавицъ историческихъ легендъ, которые дѣлаются изъ Григорія Отрепьева—паревича Дмитрія Ioannovicha и изъ княжны Таракановой—законную dochь императрицы Елизаветы Петровны отъ ея брака съ графомъ А. К. Разумовскимъ.

Но поставить, такъ сказать, крестъ на эту исторію меня

удержало одно соображение: почему покойный Н. К. Шильдеръ, этот несомнѣнно лучшій знатокъ жизни императора Александра I, почему онъ допускаль возможность исчезновенія своего героя изъ Таганрога и «перевоплощеніе» его въ сибирскаго отшельника? Вѣдь не могъ же маститый историкъ увлечься романтической сказкой; долженъ же онъ быть имѣть какъ-нибудь серьезныя данины для этого? А что Шильдеръ допускаль эту возможность—это я зналъ навѣрно.

Въ колоссальномъ труде своемъ «Императоръ Александръ I» онъ не могъ, конечно, въ качествѣ—если не офиціального, то офиціознаго—историка открыто высказать свое мнѣніе; но во многихъ мѣстахъ онъ дѣлаетъ на это намеки. И самые прозрачные намеки, по моему мнѣнію, заключаются даже не въ самомъ текстѣ, а въ примѣчаніяхъ и приложеніяхъ къ послѣднему тому. Кромѣ того, всегда безпристрастный великий князь Николай Михайловичъ въ своей «Легенда о кончинѣ Александра I» открыто констатируетъ фактъ, что Шильдеръ высказывалъ эту возможность.

Чѣмъ же могъ руководствоваться Шильдеръ?

Къ сожалѣнію, Н. К. уже не было въ живыхъ, и мнѣ самому пришлося доискиваться этихъ причинъ. Единственный путь былъ тщательное, кропотливое изученіе документовъ, тѣхъ самыхъ, которые, повидимому, опровергаютъ всякую возможность отнестись серьезно къ «исторіи о Федорѣ Кузьмичѣ».

И вотъ, результатъ этого изученія я теперь вкратце предлагаю вниманію читателя, причемъ спѣшу прибавить, что въ слѣдующей главѣ я принеду опять всѣ имѣющіеся документы, охватывающіе періодъ съ 19 ноября до дня похоронъ въ Петровскаго крѣпости.

Великий Князь Николай Михайловичъ (на стр. 16 своей книги), приводя уже известные намъ документы, пишетъ:

«Почти всѣ эти документы сходятся даже въ подробностяхъ о ходѣ болѣзни и о самой кончинѣ государя»...

Августѣній историкъ былъ правъ, когда написалъ въ началѣ этой фразы осторожное «почти». Документы эти очень рѣдко сходятся, а иногда даже очень разительно расходятся. Въ предыдущей главѣ я днемъ отмѣтилъ эти разногласія, почему и не стану возвращаться къ нимъ. Но не могу не указать еще на одно разногласіе, наиболѣе поразившее меня.

Перечитайте документы, относящіеся къ роковому утру 19-го ноября, и вы не сможете отвѣтить даже на слѣдующіе три (казалось бы важные) вопросы:

1. При какихъ обстоятельствахъ скончался Александръ—спокойно или въ мученіяхъ? въ сознаніи или безъ сознанія?

2. Кто присутствовалъ при кончинѣ? одна-ли императрица или еще кто-нибудь? и если кто-нибудь, помимо ея, присутствовалъ, то кто именно?

3. Какъ держала себя императрица послѣ кончины ея супруга? Спокойно или нѣтъ? Плакала или нѣтъ? Ушла ли она изъ комнаты сама или съ ней сдѣлалась обморокъ и ее вынесли?

Къ этимъ тремъ вопросамъ можно, пожалуй, прибавить еще одинъ: когда точно скончался государь въ 10 ч. 45 мин. или въ 10 ч. 50 м.? И этотъ вопросъ даже не былъ бы особенно придиркой, т. к. мы имѣемъ дѣло съ кончиной исключительно выдающихся лица, а такие моменты, какъ известно, отмѣчаются съ такъ сказать, хронометрическою точностью. Напримеръ, смерть геніального противника Александра I, императора Наполеона, известна съ точностью почти до секунды.

Но опуская этотъ послѣдній вопросъ, могутъ показаться придиркой—какие отвѣты можно безпристрастно дать на первые три, основываясь на «безспорныхъ документахъ»? Не знаю, не знаю и не знаю.

Вѣдь нельзя-же въ самомъ дѣлѣ ссылаться, напримѣръ, въ вопросѣ о количествѣ присутствовавшихъ при кончинѣ на «современные рисунки».

Г. Василичъ въ своей книжѣ приводить гравюру (изъ собраний Шибанова), изображающую «Смерть Александра I въ Таганрогѣ», причемъ на этой гравюре, кромѣ самихъ императора и императрицы, изображены еще двѣнадцать (!) человѣкъ; а черезъ страницу тотъ же авторъ приводить другую гравюру, изображающую «Императора Александра I въ Алчевской Лаврѣ», на которой императоръ изображенъ въ полнѣ одиночествѣ.

Впрочемъ, г. Василичъ—замѣчу мимоходомъ—вообще очень неудачно иллюстрируетъ свою книгу. Такъ, напримѣръ, онъ на отдельномъ листѣ сопоставляетъ маску, снятую съ поясного въ Таганрогѣ съ портретомъ Федора Кузьмича. Какой смыслъ въ такомъ сопоставленіи? Если Александръ умеръ

въ Таганрогъ и маска снята съ него, то, очевидно, Кузьмичъ не былъ Александромъ, потому сопоставлениѣ не имѣть никакого значенія, такъ же какъ и въ обратномъ случаѣ—если Кузьмичъ былъ Александръ, а маска была снята съ кого-то другого, похороненного вмѣсто императора.

Но это, такъ сказать, только маленький упрекъ по адресу г. Василіча, за который, надѣюсь, онъ на меня не посѣтуетъ.

Возвращаюсь къ интересующимъ настъ документамъ.

Я уже обращалъ вниманіе читателя на замѣтки авторовъ этихъ документовъ отъ 11-го ноября. Объяснюсь.

Мнѣ лично кажется, что именно 11-го ноября случилось что-то особенное, чего мы не знаемъ, но что невольно заставляетъ призадуматься.

За этотъ день императрица пишетъ (противорѣча кн. Волконскому въ подробностяхъ):

«Около 5-ти часовъ я послала за Вилліе и спросила его, какъ обстоитъ дѣло. Вилліе былъ весель, онъ сказалъ мнѣ, что у императора жаръ, но что я должна войти, что онъ не въ такомъ состояніи, какъ вчера».

На этомъ записки императрицы обрываются...

Но въ этотъ же самый день 11-го ноября, когда здоровью императора не грозила никакая опасность, когда «Вилліе былъ весель» и когда она вечеромъ имѣла бесѣду со своимъ супругомъ, императрица пишетъ письмо своей матери, маркграфинѣ Баденской:

— «Гдѣ убѣжище въ этой жизни? Когда вы думаете, что все устроили къ лучшему и можете вкусить этого лучшаго, является неожиданное испытаніе, которое отнимаетъ отъ васъ возможность наслаждаться окружающими»... (Où est le refuge dans cette vie? Lorsqu'on croit avoir tout arrangé pour le mieux et pouvoir le gouter, il survient une épreuve inattendu, qui ôte la faculté de jouir du bien dont on est entouré).

Далѣе, почему записки императрицы на этомъ днѣ обрываются? Неужели она вдругъ прекратила писать? А если она продолжала ихъ писать,—куда дѣвалось продолженіе? Записки эти хранились и хранятся по сю пору въ собственности Его Величества библіотекѣ. Или быть можетъ императоръ Николай I, «любившій», по выражению одного лица въ частномъ

писъмѣ ко мнѣ, лица, которое я не считаю себя въ правѣ называть—«уничижать многое, касающееся брата и между прочимъ весь дневникъ императрицы Маріи Феодоровны», уничтожилъ также и продолженіе этихъ записокъ вдовы своего брата?

И почему императоръ Николай Павловичъ истреблялъ нѣкоторые документы, относящіеся къ жизни Александра I? Какъ известно, онъ очень любилъ его, высоко почиталъ; ихъ связывала самая сердечная дружба. Слѣдовательно, нельзя допустить мысли, что имъ руководило желаніе загасить воспоминаніе о его братѣ въ будущихъ поколѣніяхъ. Разница въ политическихъ воззрѣніяхъ? Желаніе не обнаруживать передъ исторіей этой разницы? Нѣтъ, и этого нельзя допустить, т. к. именно тѣ документы, которые относятся къ первой половинѣ царствованія Александра, т. е. къ той эпохѣ, которая наиболѣе по своимъ политическимъ идеямъ разнится отъ эпохи императора Николая I,—эти документы не уничтожены.

Да это и не соотвѣтствовало бы характеру самого Николая I. Можно считать его царствованіе царствованіемъ реакціи, можно не соглашаться съ принципами, положеніями имѣть въ основу его общественной и политической дѣятельности, но нельзя отрицать того, что онъ былъ глыбная фигура, сильный и даже самомнѣтный человѣкъ, гордый и немелочный, который не сталъ бы скрывать убѣжденія своего предшественника на престолѣ и уподобляться страусу, прячашему голову подъ крыло и думающему, что его никто не видитъ, потому что онъ самъ никого не видитъ.

Нѣтъ, императоръ Николай уничтожалъ—насколько намъ известно—документы, относящіеся именно къ послѣднимъ годамъ царствованія Александра и преимущественно тѣ, которые носили не официальный характеръ, а частный, интимный, семейный.

Повторяю, я считаю невозможнымъ, чтобы императрица Елизавета Алексеевна внезапно прекратила свои записки на 11-мъ ноября. Должно было быть продолженіе; и вотъ это-то продолженіе—не существуетъ, не дошло до настъ.

Если оно существовало—оно, очевидно, было уничтожено, т. к. заключало въ себѣ что-то, что не должно было стать достояніемъ потомства.

Если же я ошибаюсь, и императрица дѣйствительно пре-

кратила на этомъ днѣ свои записки, то передъ нами опять вѣстаетъ тѣжъ-же вопросъ—почему она прекратила ихъ писать? Это заколдованный кругъ, изъ котораго нельзя выбраться. Единственный логическій выходъ, размыкающій этотъ кругъ, это предположеніе, или даже увѣренность, что 11-го ноября 1825 года, разговоръ императора Александра съ его супругой былъ не простой бесѣдой, а заключалъ въ себѣ что-то настолько серьезное, что побудило или императрицу прекратить свои записки, или императора Николая уничтожить продолженіе ихъ.

Но это еще не все, что заставляетъ насъ серьезно призадуматься надъ этимъ таинственнымъ числомъ 11-го ноября. Мы видѣли, что П. М. Волконскій въ своемъ офиціальномъ журнальѣ отмѣтилъ подъ датой 9-го ноября, что императоръ Александръ приказалъ начальнику штаба, генералу-адъютанту барону Дибичу извѣстить о своей болѣзни цесаревича Константина Павловича. И тѣжъ-же кн. Волконскій прописалъ потомъ: «сие распоряженіе г. Дибичу дано было 11 ноября, а не 9-го».

Какъ понять эту прописку? Не надо забывать, что мы имѣемъ дѣло съ офиціальнымъ документомъ. Не могъ-же кн. Волконскій ошибиться на два дня, приводя такое важное указаніе, какъ офиціальное извѣщеніе цесаревича императоромъ о его болѣзни. Я говорю офиціальное извѣщеніе, т. е. иначе его трудно назвать. Императоръ Александръ быть въ не менѣе, если даже не болѣе, дружескихъ отношеніяхъ со своимъ братомъ Константиномъ, чѣмъ онъ былъ съ Николаемъ.

9-го ноября онъ лично пишетъ пространное письмо своей матери, вдовствующей императрицѣ Маріи Федоровнѣ, но— Константину Павловичу письма не посылаеть, а поручаетъ это сдѣлать своему начальнику штаба.

Невольно вспоминаются слова императора, сказанныя имъ еще въ бытность его въ Варшавѣ цесаревичу Константину: «когда придетъ времяabdиковать, то я дамъ тебѣ знать, въ ты мысли свои напиши къ матушкѣ».

Почему «къ матушкѣ», а не «ко мнѣ»?

По тѣжъ-же, надо полагать, причинѣ, почему самъ Александръ, «давая знать» о своей болѣзни цесаревичу, написалъ лично письмо «къ матушкѣ».

Очевидно, императрица Марія Федоровна являлась передъ точной инстанціей, связующимъ звеномъ между Александромъ

и Константиномъ въ таинственной ихъ перепискѣ о возможныхъ отреченіяхъ отъ престола и престолонаслѣдія. И тутъ снова приходитъ на память фактъ сожженія императоромъ Николаемъ дневника императрицы Маріи Федоровны, «матушки» Александра, Константина и его самого—Николая.

Но, однако,—какъ можно объяснить прописку кн. Волконскаго о томъ, что цесаревичъ быть извѣщенъ бар. Дибичемъ не 9-го, а 11-го ноября?

Конечно, не невольной ошибкой въ датахъ. Такое предположеніе недопустимо. Ошибиться Волконскій не могъ. Слѣдовательно, онъ сдѣлялъ это намѣренно. Ему, очевидно, по нѣ-которымъ соображеніямъ, внезапно показалось неудобнымъ отнести къ одному и тому же дню письмо Александра къ императрицѣ Маріи Федоровнѣ и офиціальное распоряженіе,данное государемъ Дибичу. Но почему онъ избралъ для своей «нopravki» именно 11-е ноября? Или—потому что это число почему-либо особенно запечатлѣлось въ его памяти, или потому что ему понадобилось «пригнать» день, когда государь далъ распоряженіе Дибичу, къ числу особенно значительному, которое когда-нибудь, въ будущемъ могло бы быть выяснено и поставлено въ связь съ другими датами и документами, документами... до настъ недопущенными, по крайней мѣрѣ въ значительной ихъ части.

Чо мнѣ еще придется говорить о князѣ Волконскомъ, какъ обѣ одноть изъ главнѣйшихъ актеровъ таганрогской драмы. Пока я ограничусь, помимо вышеизведенныхъ строкъ, еще однимъ замѣчаніемъ по поводу его «Журнала».

Журналъ этотъ, несомнѣнно, написанъ быть post factum, и по особому приказанію.

Оть помѣщень 7-мъ декабря и посланъ въ Петербургъ старѣ-секретарю Г. И. Вилламову съ препроводительнымъ письмомъ, начинающимъ такими словами:

«Милостивый Государь Григорій Ивановичъ. Получивъ отношение Вашего Превосходительства изъ С.-Петербурга отъ 27-го ноября и во исполненіе высочайшейволи государыни императрицы Маріи Федоровны, мнѣ объявляемо, спѣшу при семъ доставить собранный собственно для себя Журналъ о болѣзни въ Богъ почивающаго покойнаго государя императора Александра Павловича, который пола-

таль хранить драгоценнымъ памятникомъ нахожденія моего при послѣднемъ концѣ жизни обожаемаго мною монарха, при лицѣ котораго имѣть счастье быть ровно 29 лѣтъ.—Изъ сего журнала ея императорское величество изволитъ усмотрѣть, что 14-го числа покойный государь императоръ, казалось, не полагалъ себя въ опасности и мало вообще изволилъ говорить, съ тогоже числа память его начала совершенно упадать, и съ трудомъ выговаривать слова, когда просилъ пить или чегото другого»...

Продолженіе этого письма Волконскаго къ Вилламову касается обстоятельствъ, послѣдовавшихъ событию 19-го ноября, и я позже приведу его полностью съ тѣхъ самыхъ словъ, на которыхъ прерывалъ его теперь.

Нельзя не удивиться этому началу письма. Во-первыхъ, коль я уже упомянулъ, оно свидѣтельствуетъ, что императрица Марія Феодоровна (опять она, добавлю между скобокъ) потребовала отъ Волконскаго, чтобы онъ присыпалъ «Журналъ болѣзни».

Письмо Вилламова, сопровождавшее это «требованіе», было послано изъ Петербурга 27-го ноября, и получено было не раньше 6-го декабря, т. е. наканунѣ дня, когда князь Волконскій послалъ свой отвѣтъ. Говорю—не ранѣе, т. к. даже экстра- почта не могла прослѣдовать изъ Петербурга до Таганрога сколько, чѣмъ въ девять—десять дней; даже извѣстіе о событии 19-го ноября дошло до Петербурга только на девятый день, а именно 27-го ноября. 27-го ноября, т. е. въ тотъ самый день, когда Вилламовъ по приказанію императрицы Маріи Феодоровны послалъ князю Волконскому свое письмо.

Изъ сопоставленія этихъ чиселъ явствуетъ, что немедленно, всего черезъ нѣсколько часовъ по полученію извѣстія о событии въ Таганрогѣ, императрица Марія послала черезъ Вилламова официальный запросъ Волконскому, который въ свою очередь немедленно же послалъ Вилламову вскорѣ составленный «Журналъ о болѣзни» и приведенное выше письмо.

Князь Волконскій, бывъ очевидно, застигнутъ врасплохъ требованіемъ императрицы Маріи, т. к. письмо его противорѣчить даже приложенному къ нему журналу.

Изъ письма явствуетъ, что до 14-го ноября «государь мало

вообще говорилъ, съ того-же числа память его начала совер- шенно упадать, и съ трудомъ выговаривать слова»...

Волконскій забылъ, что даже въ его журналѣ—не говоря ужѣ о другихъ журналахъ—до 14-го государь вовсе не чувствовалъ себя такъ ужъ плохо, что въ самое утро 14-го «онъ дѣлалъ весь свой туалетъ и брался какъ обыкновенно», что къ вечеру «онъ отсыпалъ всѣхъ съ гнѣвомъ, чтобы оставили его въ покой, ибо первы и безъ того разстроены»; что 15-го утромъ приходилъ духовникъ, съ которымъ государь говорилъ большие часа и т. д., и т. д.

Все это поневолѣ заставляетъ подумывать о такой возможной сценѣ. Въ Петербургѣ получается извѣстіе о кончинѣ императора. Императрица Марія Феодоровна—женщина, какъ известно, большого ума и такта—немедленно, не успѣвъ, такъ сказать, даже и погоревать и одного часа, думаетъ о томъ, что необходимы официальные подробности о болѣзни и смерти, и приказываетъ статъ-секретарю Вилламову немедленно же затребовать таковия—отъ кого?... не отъ барона Дибича, не отъ лейбъ-медика Вилліе, которые по положенію своему являются лицами, къ кому официальный запросъ могъ бы быть обращенъ, а къ князю П. М. Волконскому, личному другу императора.

Волконскій получаетъ письмо Вилламова, теряется, понимаетъ смыслъ запроса императрицы Маріи, накрою набрасываетъ краткій дневникъ—не безъ наивности начиная его съ 5-го ноября (т. е. со дня приѣзда въ Таганрогъ)—перепутываетъ подробности, за неимѣніемъ времени согласовать свои показанія съ показаніями другихъ лицъ, и отсылаетъ его съ приложеніемъ письма, которое онъ опять-таки не имѣть времени согласовать даже съ собственнымъ своимъ скоропостижнымъ жур- наломъ.

Мѣй скажутъ—это изъ области фантазіи. Я спрошу—а какое вы можете дать другое объясненіе, которое хотя бы малозначающе объясняло всѣ указанныя противорѣчія? Эту изумительную послѣдность, съ которой императрица Марія запросила князя Волконскаго и кн. Волконскій отвѣтилъ на запросъ? Желаніемъ ея узнать немедленно подробности о болѣзни сына?—Нѣтъ. Она получала бюллетеши о состояніи его здоровья. Журналъ кн. Волконскаго былъ несомнѣнно соста-

вленъ заднимъ числомъ, наскоро и въ силу особыхъ обстоятельствъ.

Теперь перейдемъ къ другимъ документамъ.

Изъ нихъ первое мѣсто, конечно, занимаютъ записки императрицы; но именно этотъ драгоценный документъ обращается на загадочномъ 11-го ноября...

Затѣмъ слѣдуютъ записки лейбъ-медика баронета Я. В. Бикліе. Отрывистыя, порою загадочные фразы, наскоро набросанныя, и значеніе которыхъ сводится на нѣть, хотя бы ужъ однимъ вышеупомянутымъ разговоромъ ихъ автора съ другомъ лорда Лофутса. Кромѣ того, эти записки тоже писаны заднимъ числомъ, хотя и съ явнымъ намѣреніемъ придать имъ видъ писанныхъ день за днемъ. Въ этомъ отношеніи характерна фраза «какъ я припоминаю» (отъ 12-го ноября).

Воспоминанія доктора Д. К. Тарасова. Они написаны много лѣтъ спустя и, какъ говорить Шильдеръ, въ нихъ «всѣ числа перепутаны и требуютъ поправокъ». Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что Тарасовъ, по его-же признанію, былъ впервые приглашенъ къ государю только 14-го ноября вечеромъ. Многія его указанія идутъ въ разрѣзъ съ другими источниками; это, конечно, можетъ быть объяснено именно тѣмъ фактъмъ, что они написаны много лѣтъ спустя; но что подрываетъ къ нимъ довѣріе, это—невѣрная передача, даже искаженіе фактовъ, имѣвшихъ мѣсто 10-го ноября утромъ.

Тарасовъ могъ перепутать «за давностью лѣтъ», когда съ императоромъ «приключился обморокъ», кто и въ какой часъ приходилъ навѣщать государя, но онъ не могъ забыть обстоятельства, сопровождавшихъ постѣднія минуты. А между тѣмъ въ описаніи этихъ послѣдніхъ минутъ онъ становится въ разрѣзъ противорѣчие даже съ такимъ «высоко-офиціальныймъ источникомъ», какъ «Histoire de la Maladie».

Но перейдемъ къ описанію того, что происходило послѣ ро-
кового утра 19-го ноября.

V.

Тѣло оставалось во дворцѣ съ 18-го ноября до 11-го декабря; затѣмъ было перенесено въ соборъ Александровскаго Монастыря и «поставлено на устроенному тамъ катафалкѣ, подъ балдахиномъ, увѣнчаннымъ императорскою короною. Въ соборъ ежедневно совершалось архіерейское служеніе, а поутру и ввечеру панихиды. Тамъ тѣло оставалось до 29-го декабря 1825 г. Въ этотъ днѣ печальная процессія двинулась изъ Таганрога на дальний сѣверъ. (Шильдеръ, т. IV, стр. 433). Перевозъ тѣла продолжался ровно два мѣсяца; процессія прибыла въ Царское Село 28-го февраля 1826 года.

Разберемся сперва въ документахъ, относящихся къ пе-
риоду отъ 19-го ноября до 29 декабря, т. е. къ промежутку
времени, заключающемуся между днемъ смерти и днемъ,
когда тѣло покинуло Таганрогъ.

Александру скончался 19-го ноября около 11 часовъ утра.
Вскрытие тѣла было сдѣлано 20-го числа въ 7 часовъ вечера,
т. е. тридцать два часа спустя послѣ смерти, промежутокъ
весьма значительный, особенно принявъ важность обстоя-
тельствъ, необходимость немедленного бальзамирования, при-
сутствіе большого количества врачей и т. п.

Что происходило въ таганрогскомъ дворцѣ за эти два дня?
Какіе имѣются документы?
Князь П. М. Волконскій обрываетъ свой журналъ на мо-
ментъ смерти. Въ письмѣ къ статс-секретарю Т. И. Вилла-
мову онъ не даѣтъ никакихъ подробностей—да и не только

подробностей, а и вообще никаких съѣдѣній—о томъ, что про-
исходило послѣ 10 часовъ 50 мин. утра 19-го ноября.

Я привѣтъ въ предыдущей главѣ начало этого письма; при-
вожу вторую его часть:

...Касательно печальной церемоніи, то я имѣть честь увѣдо-
мить Ваше превосходительство, что мною адѣсь исполнено по
сіе время; а вчера свинцовы гробъ съ тѣломъ поставленъ въ
деревянный, обитый золотымъ глязетомъ съ золотымъ газомъ
и усыпанный шитыми императорскими гербами на томъ же ка-
тафалкѣ подъ трономъ, въ траурномъ затѣ. Сегодня (т. е. 7-го
декабря) надѣта порфирия и золотая императорская корона.
Когда оконченье будетъ катафалкѣ въ церкви греческаго мо-
настыря, тогда тѣло перевезется туда, гдѣ останется впередъ до
высочайшаго разрѣшенія, ожидаемаго изъ С.-Петербургага, на
основаніи объявленнаго мнѣ о томъ изъ Варшавы отъ 27-го
ноября повелѣнія отъ его императорскаго величества государя
императора Константина Павловича. Мнѣ необходимо нужно
знать, совсѣмъ ли отгѣвать тѣло при отправлѣніи отсюда, или
отгѣваніе будетъ въ С.-Петербургѣ, которое, ежели осмѣни-
ваюсь сказать свое мнѣніе, приличнѣе полагаю сдѣлать бы
адѣсь, ибо хотя тѣло и бальзамировано, но отъ зѣлья си-
рого воздуха лицо все почернѣло, и даже черты лица покойного
совсѣмъ измѣнились, черезъ нѣсколько же времени и еще по-
терпѣть; почему и думаю, что въ С.-Петербургѣ вскрывать
гробъ не нужно, и въ такомъ случаѣ должно будетъ совсѣмъ
отѣть, о чѣмъ прошу Васъ испросить высочайшее повелѣніе
и меня увѣдомить чрезъ нарочного.—Здоровье ея император-
скаго величества вдовствующей государыни императрицы Ели-
заветы Алексеевны весьма посредственно. Вотъ уже нѣсколько
ночей кряду изволять худо оная проводить и чувствуетъ съ-
дории въ груди, принимаетъ однакожъ прописываемыя г-мъ
Стоффрегеномъ лекарства. Ежедневно два раза присутство-
вать изволять у панихидъ. Фрейлинѣ Валуевой и г-ну Стоф-
фрегену объявлено, чтобы какъ можно подробнѣе доносили о
здоровьѣ ея императорскаго величества.—Покорнѣйше прошу
васъ, милостивый государь, повергнуть меня къ стопамъ Е. И.
В. Гос. Имп-цы Маріи Феодоровны за всемилостивый отзывъ ее
величества обо мнѣ, который остается единственнымъ мнѣ утѣ-
шениемъ послѣ сдѣланной ужаснѣйшей потери. Да подѣр-

пить Всевышній силы ея императорскаго величества въ столь
чрезмѣрной ея печали и продлить дни ея, для всѣхъ наслѣ-
стъ драгоценныя. Вашего Превосходительства покорнѣйшия
слуга К. Петръ Волконскій».

Ничто въ этой второй части письма не говорить намъ —
какъ я уже указывалъ выше—о томъ, что происходило въ Таганрогскомъ дворцѣ послѣ момента смерти: единственное, что
мы можемъ изъ него почерпнуть, это что императрица присут-
ствовала ежедневно на панихидахъ. А между тѣмъ не слѣ-
дуетъ забывать, что письмо это было послано 7-го декабря и
казалось бы могло содержать въ себѣ какія-либо подробности
о томъ, что происходило между 19-го ноября и 7-го декабря.

Это—первое, что поражаетъ въ письмѣ кн. Волконскаго.
Второе, это настойчивость, съ которой князь совѣтуетъ отѣсть
тѣло въ Таганрогѣ и, въ связи съ этимъ совсѣмъ, его фраза
«лицо все почернѣло и даже черты лица покойного совсѣмъ из-
мѣнились, чрезъ нѣсколько же времени и еще потерпѣть».

Что черты лица измѣнились—это мы знаемъ также и изъ
другихъ документовъ, но что «лицо все почернѣло» и что
«чрезъ нѣсколько времени (т. е. при привозѣ тѣла въ Петер-
бургъ) черты лица и еще потерпѣть», эти указанія не находятъ
себѣ подтвержденія въ другихъ документахъ и даже противо-
рѣчатъ имъ. Я послѣ приведу эти документы; пока же пропу-
щателя обратить вниманіе на эти слова Волконскаго, которымъ
безспорно наводятъ на мысль, что вѣрный другъ императора
Александра усиленно настаивалъ на томъ, чтобы гробъ быть
запалитъ въ Таганрогѣ и не открывался болѣе.

Затѣмъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство,
что Волконскій пишетъ слова «тѣло» «покойнаго» ни разу не
приводя къ нимъ какого-либо эпитета, въ родѣ «въ Бозѣ
погившаго государя» или «Его императорскаго величества» и
т. п.; что совершенно не вяжется съ обычнымъ стилемъ Вол-
конскаго и тѣмъ болѣе въ официальномъ письмѣ.

Переходку къ другимъ документамъ.
Баронетъ Вилліе пишетъ подъ датой 20-го ноября:
«Какъ скоро его величество скончался, даже до того, нѣ-
которыя лица удостовѣрились въ вещахъ и въ короткое время

бумаги были запечатаны; обмѣнивались замѣчаніями зависти, горечи обѣтъ отсутствующемъ».

Это—все. И мало, и... много.

«Нѣкоторыя лица» даже до того, что государь скончался, «удостовѣрились въ вещахъ» и опечатали бумаги.

Эта картина постѣдніхъ минутъ императора не особенно походить на ту, которую даетъ Тарасовъ: «всѣ свитскіе и придворные стояли въ спальняхъ во всю ночь и ожидали конца этой сцены, который приближался ежеминутно».

Эти «нѣкоторыя лица», «удостовѣрюющіяся въ вещахъ», заставляютъ скорѣе думать, что въ моментъ кончины, въ спальнѣ дѣйствительно никого не было, кроме императрицы, какъ о томъ свидѣтельствуетъ «Histoire de la maladie» и о чёмъ можно заключить также и изъ записокъ самого Вилліе (отъ 19-го ноября) и изъ журнала кн. Волконского, который, какъ мы видѣли, умалчиваетъ о лицахъ, присутствовавшихъ въ роковую минуту и говорить только обѣ императоринѣ, закрывшей глаза покойному.

Помимо этого, странно еще также, что Вилліе, знавшій всѣхъ придворныхъ, употребляетъ такое энigmатическое выраженіе, какъ «нѣкоторыя лица». Почему онъ не называетъ ихъ по именамъ? Да и кто могли быть эти лица? Мы знаемъ поименно весь штатъ императора въ Таганрогѣ. Этими «лицами»—по занимаемому ими положенію—могли быть только кн. И. М. Волконский и баронъ Дибичъ. И, дѣйствительно, въ письмѣ Дибича на имя «Императора» Константина Павловича отъ 19-го ноября, мы находимъ прямое указаніе на это: «nous avons cacheté avec le prince Volkonsky les papiers qui se trouvaient dans le cabinet de S. M. l'Empereur».

Почему Вилліе предпочелъ не назвать ихъ?

Но перейдемъ къ другимъ документамъ. Во-1-хъ, что стало съ императрицей?

20-го ноября она уѣхала изъ дворца въ частный домъ г. Шихматовыхъ, где и оставалась до 29-го числа, а затѣмъ сняла возвратилась во дворецъ. Въ связи съ ея пребываніемъ у Шихматовыхъ находятся два малоизвѣстныхъ документа, цитируемые полностью великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ въ «Легендахъ о кончинѣ имп. Александра I».

Эти документы—два письма отъ неизвѣстного лица изъ семьи Шихматовыхъ къ матери и брату.

Въ нихъ разсказывается съ чужихъ словъ о болѣзни и смерти императора болѣе или менѣе согласно съ приведенными мною въ главѣ III источниками. Новыми въ нихъ являются только слѣдующія сообщенія:

«...Сего дня 18-го по утру прислалъ князь Волконскій къ моему зятю просить, чтобы онъ приготовилъ свой домъ на случай всеобщаго несчастья для императрицы, которую они располагали перевезти къ намъ... Сию минуту пришла моя женщина изъ дворца сказать намъ, что, слава Всевышнему, нашему государю императору сдѣлялось лучше, и сейчасъ взяли здѣшніго штаб-лѣкаря Александровича, о которомъ предложилъ мой зять, ибо онъ въ моемъ домѣ пользуется двадцать лѣтъ, и особенно горячки чудеснымъ образомъ лѣчить... Сейчасъ пришли сказать, что въ полночь, въ 12 часовъ, сдѣлялось оять очень худо, и онъ страдаетъ...—19-го числа въ 11 часовъ. Нѣть у насъ больше нашего отца, и мы несчастные должны Вамъ нашу сердечную горесть сообщить...»

«...Императрицу до сихъ порь милосердый Богъ укрѣшилъ, которую просили перевѣзти къ намъ на дому, на что она не хотѣла согласиться и сказала князю Волконскому: «я уверена, что Вы раздѣляете со мной мое несчастье, но неужели Вы думаете, что меня привозила одна корона къ моему мужу? Я прошу Васъ не разлучать меня съ нимъ до тѣхъ порь, покуда есть возможность»,—послѣ чего никто ее не смѣлъ просить, и она оставалась цѣлый день одна въ своихъ комнатахъ, и ходила безпрестанно къ тѣлу безъ свидѣтелей... На другой день опять просилъ ее князь перевѣзти къ намъ въ дому, хотя на нѣсколько дней, на что она согласилась, и уже 4-ый день у настѣ; но она изволить ъздѣть всякий день къ тѣлу, и совершенно неутѣшила».

Въ приведенныхъ выше письмахъ—оставляя въ сторонѣ сообщеніе о д-рѣ Александровичѣ, о которомъ ни въ одномъ официальномъ документѣ не упоминается, а также и двусмысличной фразѣ императрицы, обращенной къ Волконскому— нельзя не обратить вниманія на то весьма странное указаніе, что еще 18-го утромъ, когда по журналу Волконского «государы стали немножко посыпать», что и продолжалось до вечера».

тотъ же самый Волконскій просить Шихматовыхъ приготовить ихъ домъ для императрицы. Припомнимъ кстати, что именно въ ночь съ 17-го на 18-е, Волконскій «въ первый разъ заявлялся постелью Вильдіе, «чтобы быть ближе къ императору».

Есть еще одно обстоятельство, касающееся этихъ писемъ, которое нельзя обойти молчаниемъ.

Кони эти находились въ футлярѣ, въ которомъ хранится гипсовая маска императора. Мaska и бумаги были найдены въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ въ собственныхъ комнатахъ императора Александра II; нынѣ эти бумаги находятся въ рукописномъ отдѣлении собственныхъ Его Величества библиотекѣ (Вел. Кн. Николай Михайловичъ, «Легенда о конѣ Имп. Ал. I»).

Не странно ли, что кому-то понадобилось снять копіи съ частныхъ семейныхъ писемъ и что копіи эти постигла такая совершенно удивительная судьба: быть найденными въ собственныхъ комнатахъ Александра II, хранящимися въ футляре, вмѣстѣ съ такой реликвией, какъ маска, снятая съ покойного?

Такую участь, пожалуй, могли бы еще имѣть «Актъ о кончинѣ», «Протоколъ вскрытия тѣла», но какія-то письма, настолько, казалось бы, малоизначущія, что даже имя писавшаго ихъ неизвѣстно?...

Но переходу къ другимъ документамъ, которымъ изслѣдователями занимающаю нась вопроса приписывается—и вполнѣ справедливо—особо важное значеніе.

Первое мѣсто занимаютъ письма императрицы Елизаветы Алексеевны къ ея матери Маркграфинѣ Баденской и ея свекрови вдовствующей императрицѣ Маріи Федоровнѣ.

Привожу эти письма полностью:

1. Къ Маркграфинѣ Баденской, 19-го ноября.

«Ah! maman! Je suis la plus malheureuse cr閘ature sur la terre. J'ai voulu vous dire seulement que j'existe apr閟 la perte, de cet Ange martyrisé par la maladie et qui n  anmoins avait toujours pour moi un sourire ou un regard de bienveillance, quand m  me il ne reconnaissait personne. Oh! maman, maman! que je suis malheureuse, comme vous souffrirez avec moi! Grand Dieu, quelle destin  e! je suis abim  e par la douleur. Je ne

me comprends pas, je ne comprends pas ma destin  e, enfin je suis bien malheureuse. Le souvenir de sa profonde resigneation en toute chose me soutiendra. Ma bonne maman! comme vous souffrirez avec moi».

I. Къ маркграфинѣ Баденской, 19 ноября.

«Я самое несчастное созданіе на землѣ. Я хотѣла сказать вмѣсть только, что я еще существую послѣ потери этого ангела, который, несмотря на измучившую его болѣзнь, всегда находилъ для меня благосклонную улыбку или взглядъ, даже когда онъ никого не узнавалъ. О, матушка! матушка! Какъ я несчастна, какъ вы будете страдать вмѣстѣ со мною! Боже, какая судьба! Я подавлена горемъ, я не понимаю самое себя, я не понимаю своей судьбы, словомъ—я очень несчастна. Воспоминаніе о его глубокой покорности во всемъ—поддержитъ меня. Моя добрая матушка! какъ вы будете страдать со мною!».

2. Къ императрицѣ Маріи Федоровнѣ, 19-го ноября.

«Ch『re Maman! Notre ange est au ciel et moi sur la terre; de tous ceux qui le pleurent la cr『ature la plus malheureuse, puiss『-le le joindre bientot! Oh, mon Dieu c'est presque au del  des forces humaines, mais puisque je l'a envoy  sans doute il faut pouvoir le supporter. Je ne me comprends pas, je ne sais si je r  ve, je ne puis pas combiner, ni comprendre mon existence. Voici de ses cheveux, ch『re maman! H  las! Pourquoi a-t-il du souffrir autant! Mais sa figure maintenant ne porte plus que l'expression de la satisfaction et de la bienveillance qui lui sont naturelles. Il semble approuver ce qui se passe autour de lui. Ah! ch『re maman, que nous sommes tous malheureux! Tant qu'il sera ici, je reste ici, quand il partira si on le trouve possible, je partirai aussi. J'irai avec lui tant que je pourrai. Je ne sais encore ce que je deviendrai; ch『re maman, conservez moi vos bont es».

II. Къ императрицѣ Маріи Федоровнѣ, 19-го ноября.

«Дорогая матушка! Нашъ ангель на небѣ, а я—на землѣ; я, если бы я, несчастѣйшее существо изъ всѣхъ тѣхъ, кто это оплакиваетъ, могла скоро соединиться съ нимъ! Боже мой! Это почти свыше силъ человѣческихъ, по разъ. Онь это по-

сдаль, нужно имѣть силы перенести. Я не понимаю самое себя. Я не знаю не силы ли я; я ничего не могу сообразить, ни понять моего существованія. Вотъ его волосы, дорогая матушка! Увы! Зачѣмъ ему пришлось такъ страдать! Но теперь его лицо хранитъ только выраженіе удовлетворенности и благосклонности ему свойственной. Кажется, что онъ одобряетъ все то, что происходит вокругъ его. Ахъ, дорогая матушка! какъ мы всѣ несчастны! Пока онъ останется здѣсь—и я останусь, а когда онъ уѣдетъ, уѣду и я, если это найдутъ возможнымъ. Я послѣду за нимъ, пока буду въ состояніи слѣдоватъ. Я еще не знаю, что будеть со мною дальше; дорогая матушка, сохраните ваше доброе отношеніе ко мнѣ».

По поводу этого письма Шильдеръ пишетъ.

«Замѣтимъ здѣсь, что до сихъ поръ этотъ историческій документъ передавался въ различныхъ сочиненіяхъ, въ совершенно искаженномъ видѣ».

3. Къ Маркграфинѣ Баденской, 21-го ноября.

Je vous écris, chère et bonne maman, sans savoir que vous dire. Je suis incapable de rendre ce que j'eprouve. C'est une douleur continue, un sentiment de désolation, auquel je crains parfois que ma religion ne succombe. Oh! mon Dieu! c'est presque au dela de mes forces. Si encore je n'avais pas reçu de lui tant de caresses, tant de témoignages de tendresse presque jusqu'au dernier moment et il fallut voir expirer cet être angelique, qui conservait la faculté d'aimer, ayant perdu celle de comprendre. Que faire de ma volonté qui lui etait soumise, de ma vie que j'aimais a lui consacrer. Oh! maman, maman, que faire, que devenir? Je ne vois plus rien devant moi. Je reste ici tant qu'il sera, quand il partira, je partirai aussi, je ne sais quand ou j'irai. Je ne puis vous en dire d'avantage, ma bonne maman, je me porte bien, je souffre pas trop pour moi, mais si j'osais, je desirerais bien suivre celui qui etait le but de ma vie».

III. Къ маркгр. Баденской, 21-го ноября.

«Я пишу вамъ, дорогая и добрая матушка, сама не зная, что вамъ сказать. Я не въ силахъ передать то, что я испытываю. Это—непрестанная боль, чувство отчаянія, съ которымъ я временами борюсь—бессильна бороться моя вѣра. Боже мой!

это почти свыше моихъ силъ. Если бъ еще я не видѣла съ его стороны столько ласки, столько нѣжности почти до послѣдней минуты и если-бы мнѣ не пришлось присутствовать при кончинѣ этого ангельского существа, которое не утеряло способности любить, утеривъ способность понимать. Что мнѣ дѣлать съ моей волей, которая была ему подчинена и съ моей жизнью, которую я любила посвящать ему! О, матушка! что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать съ собой? я больше ничего не вижу предъ собой. Я останусь здѣсь, пока онъ здѣсь останется; когда онъ уѣдетъ, уѣду и я. Я не знаю, когда и куда я пойду. Больше я ничего не могу вамъ сказать, моя дорогая матушка; я чувствую себя хорошо, не терзайтесь слишкомъ много за меня, но если-бы я смыла, я бы охотно послѣдовала за тѣмъ, кто явилъ сї цѣлью моей жизни».

Эти письма выражаютъ приличную слuchaю скорбь, и ничего другого императрица, конечно, не могла написать. Какъ отдельные документы—нихъ комментировать нельзя; съ ними надо считаться въ общей картинѣ таганрогской драмы. Изъ отдельныхъ фразъ можно обратить вниманіе на ту, въ которой императрица говорить, что останется въ Таганрогѣ до тѣхъ поръ, пока «онъ» останется, и уѣдетъ, когда «онъ» уѣдетъ (quand il partira je partirai aussi). Эта фраза дословно повторяется въ письмѣ отъ 19-го ноября къ императрицѣ Маріи и въ письмѣ отъ 21-го къ Маркграфинѣ Баденской, причемъ въ первомъ добавлены слова «si on le trouve possible» (если это найдутъ возможнымъ). Эта приписка въ письмѣ, обращенному къ императрицѣ Маріи, довольно характерна, такъ же, какъ и употребленное Елизаветой Алексѣевной безличное мѣстоимѣніе «он». Брядъ-ли подъ этимъ «он» можно подразумѣвать врачей, т. к. если бы Елизавета Алексѣевна видѣла возможное препятствіе къ своему отѣзду изъ Таганрога одновременно съ тѣломъ покойного въ сопѣтѣ врачей въ связи съ ея нездоровьемъ, она, вѣроятно, въ такомъ случаѣ написала бы «les medecins» или еще вѣрѣ «l'état de ma santé». Принимая во вниманіе, что она, цѣлкомъ повторяя фразу о своемъ отѣзде, въ письмѣ къ своей матери выпускаетъ эти добавочные слова, слѣдуетъ допустить, что она считала нужнымъ адресовать ихъ только въ Петербургъ, и потому подъ мѣстоимѣніемъ

«он» правильнѣе подразумѣвать не врачей, а кого-либо другого; одно или нѣсколько лицъ, отъ распоряженія котораго или которыхъ зависѣтъ дальнѣйшій распорядокъ дѣлъ, въ связи съ событіемъ 19-го ноября.

Всльдь за вышеуведенными письмами императрицы Елизаветы Алексѣевны, привожу полностью другіе документы, относящіеся къ первымъ днамъ послѣдовавшимъ за смертью.

I. Всеподданнѣйший рапортъ ген.-ад. барона Дубича къ императору Константину Павловичу, отъ 19-го ноября 1825 г.

«Съ сердечнымъ прискорбiemъ имѣю долгъ долести Вашему императорскому величеству, что Всеянинему угодно было прекратить дни всеаугустѣйшаго нашего государя императора Александра Павловича сего ноября, 19-го дня, въ 10 часовъ и 50 минутъ пополуночи эдѣсь въ городѣ Таганрогѣ. Имѣю счастіе представить при семъ актъ за подписаниемъ находящихся при семъ бѣдственномъ случаѣ генераль-адъютантовъ и лейбъ-медиковъ».

II. Актъ о кончинѣ императора Александра.

«Нижеподписавшися, находясь въ Екатеринославской губерніи, въ городѣ Таганрогѣ, при высочайшей особѣ, съ глубочайшей вѣрноподданическою скорбю свидѣтельствуемъ, что чайшай самодержецъ всероссийскій и пр., и пр., и пр., на возвратномъ пути изъ Крыма 3-го и въ особенности 4-го числа ноября почувствовалъ первоначальные лихорадочные припадки, вскорѣ по прибытии его величества въ Таганрогъ 5-го числа оказались послабляющею желчною лихорадкою, изъ коей образовалась впослѣдствіи воспалительная жестокая горячка съ притлемъ крови въ голову. Сія болѣзнь увеличивалась съ быстротою и продолжалась съ такимъ упорствомъ, что всѣ не престанно употребляемыя къ прекращенію ея врачебныя средства оставались тщетными. 15-го числа государь императоръ изволилъ пріобщиться св. таинѣ. 17-го по утру въ положеніи его величества примѣчена была нѣкоторая перемѣна, подобудившая слабый лучъ надежды къ облегченію страждущаго вѣнценосца; но въ продолженіи того и послѣдующихъ дней при со-

вершенномъ истощеніи послѣднихъ силъ его величества, горячка усиливалась съ сугубой жестокостью, 19-го же числа, по полуночи въ 10 часовъ и 50 минутъ государь императоръ отошелъ изъ сей жизни въ вѣчную. Все сіе къ неописанной горести вѣрныхъ сыновъ Россіи, совершилось въ присутствіи Е. И. В. Гос. Имп.-цы Елизаветы Алексѣевны, которая за всю болѣзнь августѣйшаго ея супруга изволила быть при немъ неотлучно, при чемъ и мы, нижеподписавшися, непрерывно находились. Настоящее свидѣтельство утверждаемъ подписаниемъ нашимъ въ двухъ экземплярахъ. Писано и подписано Екатеринославской губерніи въ городѣ Таганрогѣ ноября въ 19 день 1825 года.

Членъ Госуд. Совѣта, ген.-отъ-инф. ген.-ад.
князь Петръ Волконскій.

Членъ Госуд. Совѣта, начальникъ главнаго штаба,
генерал-адъютантъ баронъ Дубичъ.

Баронетъ Яковъ Вилліе, тайный совѣтн. и лейбъ-мед.
Конрадъ Стоффрентъ, д. ст. сов. и лейбъ-медикъ.

Съ этого документа быть сдѣланъ переводъ на французский языкъ, при чемъ во французскомъ подлинникѣ фигурируеть, кромѣ четырехъ вышеуведенныхъ подписей, еще и подпись ген.-ад. Чернышева (*Alexandre de Chernicheff, Lieutenant general et Aide de Camp General*). Почему эта разница въ количествѣ подписей между русскимъ и французскимъ актами— объяснить трудно. Впрочемъ спешу добавить, что я привелъ эти документы не по подлинникамъ, а по «Приложениемъ къ т. VI соч. Шильдера. Возможно, что произошла простая типографская ошибка, недосмотръ корректора при печатаніи книги Шильдера, и что въ оригиналѣ русского подлинника имѣется и подпись Чернышева.

Если-же типографской ошибки не произошло, и подпись Чернышева действительно отсутствуетъ въ русскомъ текстѣ, то такое явленіе, конечно, странно и производить впечатлѣніе будто для «заграницы» требовалось увеличить количество подписей, для большей, такъ сказать, убѣдительности.

Впрочемъ, это, во всякомъ случаѣ, обстоятельство второстепенное.

Къ «рапорту» и «акту о кончинѣ», посланнымъ въ Варшаву Константина Павловичу, бар. Дибичъ присоединилъ еще два частныхъ письма, а также копію съ письма, посланного имп. императрицѣ Маріи Федоровнѣ.

Въ этихъ письмахъ, которымъ Шильдеръ приводитъ цѣлостно въ приложенихъ къ своей «Исторіи Александра I», ничего особенно интереснаго не заключается, кроме развѣ того факта, что онъ написалъ два письма, а не одно, т. к. оба письма написаны и посланы въ одинъ и тотъ-же день. Первое письмо краткое; оно подтверждаетъ фактъ кончины и присутствіе при оной императрицы Елизаветы Алексѣевны, однако, безъ указанія, что кто-либо кромѣ императрицы присутствовалъ; это является до нѣкоторой степени официальнымъ подтвержденіемъ, что въ моментъ кончины никого, кромѣ государыни, въ комнатѣ не было.

Во второмъ письмѣ Дибичъ пишетъ, что, «не имѣвъ никакихъ инструкцій на случай несчастья», онъ по поводу всего соѣщался съ Волконскимъ (сюда-же относится и выпечеривенная фраза: «nous avons cacheté avec le prince Volkonsky les papiers...»); что онъ (Дибичъ) вставилъ во французскомъ перевѣдѣ акта о кончинѣ титулъ «Roi de Pologne»; что онъ написалъ письмо императрицѣ Маріи съ генераломъ Потаповимъ; что копію съ него письма онъ «при семъ препровождалъ»; что, когда болѣзнь Александра принялъ опасный оборотъ, онъ (Дибичъ) написалъ князю Лопухину, предѣдателю Государственнаго Совѣта, петербургскому и московскому генерал-губернаторамъ, а также «секретныя письма» генераламъ гр. Багратиону и Сакену; что онъ надѣется (но сомнѣвается), что Константина Павловича пріѣдетъ въ Таганрогъ.

Въ общемъ—эти письма носятъ официальный характеръ и содержать въ себѣ, особенно второе письмо, перечисленіе тѣмъ, которымъ начальникъ главнаго штаба счѣть себѣ обязаннѣмъ принять въ связи со вступлениемъ на престоль новаго монарха.

3. Протоколъ вскрытия тѣла (20-го ноября 1825 года,
веч.) (опускаю вступительную фразу).

...» и нашли слѣдующее:

1. На поверхности тѣла.

Видъ тѣла вообще не показывалъ истощенія и мало отсту-
пать отъ натуральнаго своего состоянія какъ во всемъ тѣлѣ
вообще, такъ и въ особенности въ брюхѣ и ни въ одной изъ
наружныхъ частей не примѣтно ни малѣйшей прищухlosti.

На передней поверхности тѣла, именно на бедрахъ, нахо-
дятся пятна темноватаго, а нѣкоторыя темнокраснаго цвѣта.
отъ прикладыванія къ сѣмъ мѣстамъ горчишниковъ происшѣ-
дшія; на обѣихъ ногахъ ниже икръ, до самыхъ мышелковъ при-
мѣтна темно-коричневый и различные рубцы (cicatrices) осо-
бенно на правой ногѣ, оставшіеся по заживленію ранъ, кото-
рыми государь императоръ одержимъ былъ прежде. На задней
поверхности тѣла, на спинѣ между крыльцами, до самой шеи
простирающееся довольно обширное примѣтно пятно темно-
краснаго цвѣта отъ приложенія къ сему мѣstu пластиры
шпанскихъ муихъ происшѣдшее. Задняя часть плечъ, вся спина,
задница и всѣ мягкия части, гдѣ наиболѣе находится жирной
клѣтчатой плевы, имѣютъ темно-оливковый цвѣтъ, происшѣ-
дшія отъ изліянія подъ кожу венозной крови. При поворотѣ
тѣла спиной вверхъ изъ ноздрей и рта истекло немнога кров-
истотой влаги.

2. Въ полости черепа.

При разрѣзѣ общихъ покрововъ головы, начиная отъ одно-
го уха до другого, кожа найдена очень толстою и изобилующею
жиромъ. По осторожнѣмъ и аккуратнѣйшемъ отдѣленіи пиломъ
верхней части черепа, изъ затылочной стороны вытекло два
руды венозной крови. Черепъ имѣть натуральную толстоту.
По снятіи твердой оболочки мозга, которая въ нѣкоторыхъ мѣ-
стахъ, особенно подъ затылочной костью, весьма твердо была
пригнана къ черепу, кровеносные сосуды на всей поверхности
мозга чрезмѣрно были наполнены и растянуты темною, а мѣ-
стами красноватою кровью отъ предшествовавшаго сильнаго
прилитія оной къ саму органу. На переднихъ доляхъ мозга
подъ лобными возвышеніями (protuberantia frontales) при-
чины два небольшихъ пятна темно-оливковаго цвѣта отъ той-
же причины. При извлеченіи мозга изъ своей полости, на основ-
наніи черепа, равно, какъ и въ желудочкахъ самого мозга,
найдено прозрачной сукровицы (serositas) до двухъ унцівъ.

Хоровидное сплетение левого мозгового желудочка найдено твердо приросшимъ ко дну онаго.

3. Въ грудной полости.

По сдѣланіи одного прямого разрѣза, начиная отъ горлани чрезъ средину грудной кости до самого соединенія лобковыхъ костей и двухъ косвенныхъ, отъ пупка до верхняго края подвздошныхъ костей, клѣтчатая плева найдена была повсюду наполненной болышинымъ количествомъ жира. При соединеніи реберъ съ грудиною, хрищи оныхъ найдены совершино окостенѣвшими. Оба легкія имѣли темноватый цветъ и нигдѣ не имѣли сращенія съ подреберной плевой. Грудная полость ни мало не содержала въ себѣ водяністой влаги. Сердце имѣло надлежащую величину и во всѣхъ своихъ частяхъ, такъ и существомъ своимъ не мало ни отступало отъ натуральнаго состоянія, равно и всѣ главные сосуды отъ онаго происходиціе. Въ околосердечной сумкѣ (pericordium) найдено сукровицы около одного унца.

4. Въ полости брюшиной.

Желудокъ, въ которомъ содержалось немного слизистой смѣси, найденъ въ совершенно здоровомъ положеніи; печень имѣла большую величину и цвѣта темнѣе натуральнаго; желчный пузырь растянутъ былъ болышинымъ количествомъ испорченной желчи темнаго цвѣта; ободонная книшка была очень растянута содержащимися въ ней вѣтрами. Всѣ же прочія внутренности, какъ то поджелудочная железа, селезенка, почки и мочевой пузырь ни мало не отступали отъ натуральнаго своего состоянія.

Сіе анатомическое изслѣдованіе очевидно доказываетъ, что августѣйший наиль монархъ быть одержимъ острою болѣзнью, кою первоначально была поражена печень и прочие, въ отдѣленію желчи служаще, органы. Болѣзнь сія въ продолженіи сноемъ постепенно перепила въ жестокую горячку съ приливомъ крови въ мозговые сосуды и постѣдующими заѣмъ отдѣленіемъ и накопленіемъ сукровичной влаги въ полостяхъ мозга, и была, наконецъ, причиной самой смерти его императорскаго величества».

Протоколь этотъ скрѣпленъ слѣдующими подписями:

1. Дмитревскаго вотчинного госпиталя младшій лекарь Яковлевъ

2. Л. Г. в. Казачьяго полка штабъ-лекарь Васильевъ.
3. Таганрогскаго карантинаго главный медиц. чиновникъ лѣкарь Лакіевъ.
4. Придворный врачъ коллежскій ассесоръ Добертъ.
5. Медико-хирургъ придворный советникъ Тарасовъ.
6. Штабъ-лекарь придворный советникъ Александровичъ.
7. Докторъ медицины и хирургіи статскій советникъ Рейнгольдъ.
8. Дѣйств. статскій сов. лейбъ-медикъ Стоффрегенъ.
9. Баронетъ Яковъ Вилліе, тайный советникъ и лейбъ-медикъ.

Видѣть описанные медиками признаки и при вскрытии тѣла Е. И. В. Государя Императора Александра Павловича находился генераль-адьютанть Чернишевъ.

Въ дополненіе къ этому протоколу небезынтересно привести слѣдующія, касающіяся бальзамированія тѣла, строки изъ воспоминаній Н. И. Шенгига. Шенгигъ состоять при баронѣ Дибичѣ по квартирмейстерской части.

«21-го числа, поутру въ 9 часовъ, по приказанію Дибича, отправился я, какъ старшій въ чинѣ изъ числа моихъ товарищей, для присутствія при бальзамированіи тѣла покойнаго государя. Вошелъ въ кабинетъ, я нашелъ его уже раздѣтымъ на столѣ, и четыре гарнизонные фельдшера, вырывая мясистыя части, набивали ихъ какими-то развареннымъ въ сырѣ травами и забинтовывали широкими тесьмами. Добертъ и Рейнгольдъ, съ сигарами въ зубахъ, варили въ кастрюльѣ изъ замѣнъ эти травы. Они провели въ этомъ занятіи всю ночь, съ той поры, какъ Вилліе вскрылъ тѣло и составилъ протоколъ. Черепъ на головѣ былъ уже приложенъ, а при мнѣ натягивали кожу съ волосами, чѣмъ немногого измѣнилось выраженіе чертъ лица. Мозгъ, сердце и внутренности были вложены въ серебряный сосудъ, въ родѣ сахарной большой звѣздочки съ крышкою, и заперты замкомъ. Кромѣ вышеизложенныхъ лицъ и караульнаго казацкаго офицера, никого не только въ комнатѣ, но и во всемъ дворѣ не было видно. Государинъ наканунѣ перѣѣхала на нѣсколько дней въ домъ Шихматова. Доктора жаловались, что ночью всѣ разбѣжались и что они не могутъ даже добиться чистыхъ простынь и поло-

тенець. Это меня ужасно раздосадовало. Давно-ли все эти мерзавцы трепетали одного взгляда, а теперь забыли и страхъ, и благодъяниі. Я тотчасъ-же пошелъ къ Волконскому, который принялъ меня въ постели, рассказалъ, въ какомъ положеніи находится тѣло государя, и тотъ, вскочивъ, послалъ фельдъегера за камердинерами. Черезъ четверть часа они явились и привнесли бѣлье. Между тѣмъ фельдшера перевертывали тѣло, какъ кусокъ дерева, и я съ трепетомъ и любопытствомъ имѣлъ время разсмотрѣть его. Я не встрѣчалъ еще такъ хорошо сътвреннаго человѣка. Руки, ноги, все части тѣла могли бы служить образцомъ для ваятеля; нѣжность кожки необыкновенна; одно только мѣсто, которое неосторожно хватить Тарасонъ, было чернаго цвѣта.

По окончаніи бальзамированія, одѣли государя въ парадный общий генеральскій мундиръ, съ звѣздою и орденами на петлицы, на рукахъ перчатки и положили на жгѣтвную кроватъ, на которой онъ скончался, накрывъ все тѣло кисеемъ. Въ потахъ поставили аналой съ Евангеліемъ, которое поочереди читали священники, смѣняясь каждые два часа...

Протоколь вскрытия тѣла несомнѣнно одинъ изъ важнѣйшихъ документовъ, съ которыми приходится считаться,—и на него нужно обратить особое вниманіе.

Казалось-бы, что хоть по поводу такого документа не должно было бы быть разногласій, хотя бы съ формальной стороны. На самомъ-же дѣлѣ—мы сразу наталкиваемся на противорѣчія, изъ которыхъ одно въ высшей степени важное, такъ какъ оно обнаруживаетъ подлогъ.

Какъ мы только что видѣли изъ записокъ Н. И. Шенига, протоколь былъ составленъ лейбъ-медикомъ Вилліе. Между тѣмъ докторъ Тарасовъ въ своихъ воспоминаніяхъ утверждаетъ, что протоколь былъ составленъ имъ, Тарасовымъ. Это противорѣчіе, само по себѣ довольно интересное, можетъ, впрочемъ, быть объяснено ошибкой Шенига, принесшаго авторство протокола Вилліе, какъ старшему въ чинѣ изъ присутствовавшихъ медиковъ. Но другое противорѣчіеничѣмъ необъяснимо: оно, повторю, обнаруживается, подлогъ. Тарасовъ пишетъ, что хотя онъ и составлялъ протоколь, но не подписывалъ его; между тѣмъ подъ протоколомъ значится его подпись! Само собой разумѣется, что Тарасовъ, если и могъ

что-либо напутать въ своихъ воспоминаніяхъ, не могъ забыть того факта—подписывать онъ протоколь или нѣтъ. Однако, онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что хотя онъ и составлялъ протоколь, но не подписывалъ. Этому нельзя не вѣрить. Но какимъ же образомъ, въ силу какихъ обстоятельствъ, его подпись появилась на официальномъ актѣ? Что подпись эта была необходима, это—очевидно, гораздо необходимѣй даже подписей старшихъ по чину Рейнгольда и Стоффредена, т. к. Тарасовъ, хотя и не имѣвшій званія лейбъ-медика, былъ въ медицинскомъ мірѣ ближайшимъ постѣ Вилліе лицомъ къ Александру I; отсутствіе его подписи было-бы болѣе чѣмъ странно.

—подпись его появилась... безъ его вѣдома! И онъ объ этомъ не узналъ, и позже, т. к. воспоминанія его, въ которыхъ онъ утверждаетъ, что не подписывалъ, написаны много лѣтъ спустя, когда подлинникъ протокола съ «его» подписью уже хранился въ архивахъ.

Съ другой стороны является вопросъ: почему-же онъ не подписалъ имъ-же составленного протокола?

Разъ подпись его была необходима, ему, очевидно, было предложено подписать; между тѣмъ онъ не подписалъ. Почему? Очевидно, онъ отказался. Но почему-же?

Дальше, кн. Волконскій поручилъ ему бальзамировать тѣло. Тарасовъ отказался, мотивируя свой отказъ «сыновнимъ чувствомъ и благотворѣніемъ къ императору».

Смысль думать, что не ошибусь, если скажу, что эта мотивировка отказа со стороны врача—была не болѣе какъ лирической маской, прикрывавшей настоящую причину, ту самую причину, по которой онъ отказался подписать и протоколь вскрытия тѣла. Какова-же могла быть эта причина? Это—задка, которую трудно разобрѣшь, если согласиться съ тѣмъ, что таганрогская драма происходила действительно такъ, какъ пишетъ о ней говорить официальная исторія. Но объ этомъ постѣ.

Разберемся въ самомъ протоколѣ.

Г. Василічъ въ своей «Легендѣ о Старцѣ Кузмичѣ» пишетъ:

«Мы почеркиваемъ въ немъ (т. е. въ протоколѣ) одно очень важное обстоятельство, указывающее на то, что вскрыть былъ трупъ умершаго императора Александра, а не кого-
6

нибудь другого. Именно описание старого рубца на ногѣ, оставшагося отъ бывшей язвы, а у Александра былъ именно на этой ногѣ рубецъ отъ заживленія послѣ рожистаго флегмонаснаго процесса на той-же ногѣ. Такимъ образомъ, устанавливается сразу же тожество вскрываемаго съ умершимъ императоромъ».

Къ сожалѣнію, тожество это не сразу «устанавливается», такъ какъ намъ извѣстно, что рожистое воспаленіе, которымъ императоръ страдалъ въ январѣ 1824 г., было на лѣвой ногѣ, а въ протоколѣ упоминается о «различныхъ рубцахъ, особенно на правой ногѣ».

Кромѣ того, г. Василічъ (на той-же страницѣ 112 своей книги) пишетъ:

«Что-же касается болѣзни, унесшей Александра въ могилу, то слѣдуетъ признать, хотя она и названа иначѣ своимъ настоющимъ именемъ, что это былъ типичный брюшной тифъ».

Не знаю, какія соображенія привели г. Василіча къ столь категорическому заключенію; что касается меня, то, не обладая познаніями по медицине, я поступилъ слѣдующимъ образомъ для правильной оценки протокола.

Я переписала въ нѣсколькихъ копіяхъ протоколъ отъ словъ «и напиши слѣдующее» до словъ «сіе анатомическое изслѣдованіе очевидно доказываетъ», (выпустивъ въ текстѣ только слова «государь императоръ») и разослала эти копіи нѣсколькимъ выдающимися представителямъ русского медицинскаго мѣра съ препроводительнымъ письмомъ, текстъ котораго считаю долгомъ привести полностью:

«Обращаюсь къ Вамъ съ большой просьбой, въ исполненій которой, надѣюсь, Вы мнѣ не откажете. Я въ настоящее время занять одинимъ историческимъ изслѣдованиемъ, и мнѣ, между прочими, попался одинъ документъ, представляющій изъ себя протоколъ вскрытия тѣла иѣкоего лица, умершаго въ первой половинѣ XIX столѣтія (чѣмъ и объясняется «стиль» этого документа). Будьте добры, прочтите этотъ протоколъ, копію съ которого Вамъ присыпала, такъ-же какъ и нѣкоторыя къ нему примѣчанія и—напишите мнѣ Ваше безпристрастное заключеніе: отъ какой причинъ (болѣзни или случайности) этотъ человѣкъ могъ скончаться. Я буду крайне признателенъ Вамъ за скорѣйший отвѣтъ . . . и т. д.

Примѣчанія, приложенные мною къ протоколу и упомянутые въ письмѣ, были слѣдующія:

1. Объясненія о происхожденіи нѣкоторыхъ пятенъ на тѣлѣ можно вѣрить, но также можно и не довѣрять. Кромѣ того, нужно замѣтить, что, если эти мѣры и были приняты, то они были приняты за три дня до смерти; что вскрытие тѣла было сделано 30 часовъ послѣ смерти.

2. Предполагаемыя причины смерти: брюшной тифъ; сотрясеніе мозга, происшедшее отъ несчастнаго случая, а именно—паденія изъ экипажа при быстройѣездѣ (почвушки и камни); малярия; жестокое обращеніе (тѣлесныя наказанія).

3. Вышеупомянутые причины смерти могутъ быть ошибочны и потому должны быть приняты лишь «къ свѣдѣнію», а отнюдь не «къ руководству». Возможно, что этотъ человѣкъ умеръ и отъ другихъ причинъ.

Кромѣ вышеизложенныхъ, я никакихъ примѣчаній или комментаріевъ не сдѣлала. Вторая и четвертая «предполагаемыя причины смерти» были прибавлены мною, виду высказавшихся нѣкоторыми лицами предположеній, что вмѣсто императора былъ похороненъ или расшибшійся на смерть фельдмаршалъ Масковъ, или умерший отъ тѣлесныхъ наказаній солдатъ местнаго гарнизона.

Привожу полученные мною отвѣты:

1. На основаніи присланного протокола вскрытия можно сделать весьма сомнительные предположенія. Вскрытие не даетъ картины болѣзни. Изъ всего отмѣченного въ протоколѣ можно предположить, что смерть послѣдовала отъ удара, т. е. отъ кровоизлиянія въ мозгу, но была-ли тому причина болѣзни или несчастный случай—изъ протокола не видно. Трупныя пятна на тѣлѣ могутъ быть у всякаго трупа, а рубцы на ногахъ свидѣтельствуютъ о бывшемъ когда-то извѣнномъ процессѣ. Можно также думать, что умерший страдалъ сифилисомъ, на что указываютъ сращенія мозговыхъ оболочекъ, рубцы на головѣ и измѣненія въ печени, впрочемъ, послѣдніе могли быть и самостоятельными, если покойникъ былъ алкоголикъ. Тифъ нужно исключить, т. к. при брюшномъ тифѣ обычно бываютъ измѣненія въ селезенкѣ, опуханіе кишечныхъ железъ и язвы на нихъ. Малярия тоже влечетъ увеличеніе селезенки.

На тѣлесныя наказанія тоже не бѣтъ указаний (рубцы на ягодицахъ, спинѣ и т. п.). Мое заключеніе не полно, но иначе и быть не можетъ, т. к. протоколъ далекъ отъ научнаго описанія и черезчуръ кратокъ. (Д-ръ И. И. Чигаевъ).

2. Протоколъ составляетъ не соответственno научнымъ требованіямъ, такъ что причину смерти установить нельзя. Менѣе всего однако она могла бы зависѣть отъ приведенныхъ Вами 4-хъ №№, т. к.: 1) при брюшномъ тифѣ должны были быть измѣненія въ кишечнике и увеличеніе селезенки, 2) при малярии же—рѣзкое увеличеніе послѣдней, равно какъ искудание въ томъ и другомъ случаѣ, а тутъ веадѣ жиръ; при №№ 2 и 4-мъ характерные болѣе или менѣе слѣды, а ихъ не бѣтъ. Принимая во вниманіе сомнительные признаки сифилиса (рубцы на ногахъ, сращеніе оболочки мозга съ черепомъ, описание вскрытия грудной полости, большая величина печени)—можетъ думать, не отъ него-ли умеръ покойный. (Д-ръ М. М. Манасеинъ).

3. Извините, что отвѣщаю Вамъ не сколько поздно, но для того, чтобы дать болѣе опредѣленный отвѣтъ мнѣ нужно было показать протоколъ специалисту анатому-патологу. Данные, сообщаемыя въ протоколѣ, слишкомъ недостаточны, чтобы опредѣлить причину смерти. На основаніи описанія органовъ можно только съ уѣренностю сказать, что смерть произошла не отъ брюшного тифа и не отъ малярии. Данныя же, приводимыя относительно полости черепа и мозга, также слишкомъ незначительны и не полны, чтобы усмотреть въ нихъ причину смерти (Хирургъ д-ръ К. П. Домбровский).

4. Причина смерти—кровоизлѣяніе въ мозгъ вслѣдствіе склероза сосудовъ мозга на почвѣ лузса—сращенія мозговыхъ оболочекъ съ черепомъ и пр., утолщеніе черепныхъ костей.—Изъ протокола вскрытия никакъ нельзя допустить смерть отъ тифа или малярии (Хирургъ д-ръ В. Б. Гюбенетъ).

(Курсивъ въ текстахъ писемъ—мой).

Суммируя содержаніе этихъ писемъ, мы видимъ, что при всей трудности опредѣлить по протоколу вскрытия причину смерти—смерть эта отнюдь не могла произойти ни отъ брюшного тифа, ни отъ малярии (т. е. «крымской лихорадки»).

Указанія-же на сифилисъ совершенно не совпадаютъ со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно объ Александрѣ I.

Такимъ образомъ, протоколъ вскрытия, который, по мнѣнію историковъ, придерживающихся офиціальной версіи о таганрогской драмѣ, является однимъ изъ неоспоримыхъ подтвержденій этой версіи,—въ дѣйствительности кореннымъ образомъ подрываетъ довѣріе къ ней.

Что касается записокъ И. И. Шенига, онъ сами по себѣ весьма интересны, но не могутъ играть никакой роли въ разбираемомъ нами вопросѣ, т. к. Шенигъ является очевидцемъ только тѣхъ событий, которые послѣдовали за вскрытиемъ тѣла, начиная съ бальзамированія. Впрочемъ, фраза «немногого измѣнилось выраженіе четь лица»—можетъ быть отмѣчена.

Таковы документы, относящіяся къ первымъ двумъ днямъ, послѣдовавшимъ за катастрофой 19-го ноября.

Трубецкой получили приказание бхать въ Таганрогъ; на это Волконский письмомъ отъ 14 декабря отвѣтилъ, что поручить перевозъ тѣла Трубецкому.

Разбирая бумаги, оставшіеся въ кабинетѣ Александра въ Таганрогъ, Волконский и Дибичъ нашли церемоніаль погребенія Екатерины II; Шильдеръ по этому поводу дѣлаетъ предположеніе, что Александръ взялъ этотъ документъ съ собой на случай смерти своей жены. Съ такимъ предположеніемъ можно соглашаться, но можно и не соглашаться: здоровье Елизаветы Алексѣевны далеко не было такъ плохо, чтобы явилась необходимость застасись церемоніаломъ погребенія, а то обстоятельство, что это былъ церемоніалъ погребенія императрицы Екатерины отнюдь не можетъ служить подтвержденіемъ, что, взявъ его съ собою, Александръ думалъ именно про императрицу Елизавету Алексѣевну. Если-бы онъ думалъ о самомъ себѣ, то онъ иного церемоніала тоже не могъ бы взять: церемоніалъ похоронъ Петра III и Павла I врядъ ли нашли бы себѣ мѣсто среди документовъ Александра...

11-го декабря тѣло было перевезено изъ дворца въ соборъ Александровского монастыря, гдѣ и оставалось до 29-го числа, когда печальный картечъ двинулся въ Петербургъ.

Императрица Елизавета Алексѣевна не сопровождала тѣло, а осталась въ Таганрогѣ до 21-го апрѣля.

Передъ выступленіемъ печальной процессіи она призвала къ себѣ д-ра Тарасова и сказала ему:

— «Я знаю всю вашу преданность и усердную службу покойному императору, и потому никому не могу лучше поручить, какъ вамъ, наблюдать во все путешествіе за сохраненіемъ тѣла его и проводить гробъ его до самой могилы».

Кромѣ того, кн. Волконский, въ письмѣ къ Николаю I отъ 4-го января, сообщаетъ, что ввиду «неприбытія сюда никого изъ Петербурга», императрица поручила генералъ-адъютанту графу Орлову-Денисову сопровождать тѣло и быть, такъ сказать, главнымъ распорядителемъ всей церемоніи.

Это «неприбытіе никого изъ Петербурга» само по себѣ немного странно, послѣ того, какъ еще 5-го декабря флигель-адъютанты и генералъ-адъютантъ кнзъ Трубецкой получили приказаніе выѣхать въ Таганрогъ. Этого нельзя даже объяснить событиемъ 14-го декабря, т. к. оно имѣло мѣсто девять дней

VI.

Извѣстіе о кончинѣ императора пришло въ Варшаву цесаревичу Константину Павловичу 25-го ноября вечеромъ, а въ С.-Петербургъ—двумя днями позже. То, что произошло затѣмъ въ столице, хорошо извѣстно.

Опрометчивая присяга Николая Павловича императору Константину, опрометчивая и ничѣмъ необъяснимая, т. к. онъ самъ заявилъ членамъ Государственного Совѣта, что ему еще съ 13-го июля 1819 года извѣстно объ отречении Константина; лихорадочная переписка между Варшавой и Петербургомъ; общая растерянность; восстаніе 14-го декабря и наступившее затѣмъ тяжелое затишье. Таковы были результаты той таинственности, въ которую облекъ Александръ I вопросъ о престолонаслѣдії.

Обо всемъ этомъ распространяться здѣсь, конечно, не мѣсто, т. к. прямого отношенія къ разбираемому нами вопросу всѣ эти события не имѣютъ. Единственнымъ прямымъ послѣдовательствіемъ явилось то, что кнзъ П. М. Волконскому долгое время оставался безъ всякихъ указаний,—что ему дѣлать. Цесаревичъ извѣстилъ его въ дружескомъ письмѣ, что всѣ указанія придутъ изъ Петербурга, а Петербургъ безмолвствовалъ.

Только 3-го декабря императрица Марія Феодоровна и Николай Павловичъ написали Волконскому, чтобы онъ во всѣмъ распоряженіями обращался къ императрицѣ Елизавете Алексѣевнѣ.

Черезъ день Николай Павловичъ снова написалъ кнз., на этотъ разъ извѣщаю его, что всѣ флигель-адъютанты, находящіеся при войскахъ, а также генералъ-адъютантъ кнз.

спустя, когда казалось-бы все эти лица должны бы были уже находиться въ пути въ Таганрогъ. Странно также, что Елизавета Алексѣвна поручила наблюденіе за тѣломъ Тарасова, а не Вилліе.

Черезъ день послѣ отбытія тѣла изъ Таганрога императрица Елизавета Алексѣвна написала своей матери письмо такого содержанія:

Tous les liens terrestres sont rompus entre nous. Ceux dans l'eternite seront differents, ils seront plus doux, surement, mais tant que je porte encore cette triste enveloppe mortelle, il est douloureux de me dire qu'il n'aura plus de part a mon existence ici-bas. Amis d'enfance, nous avons marche ensemble pendant 32 ans. Nous avons traverse ensemble toutes les epoques de la vie. Souvent eloignes, nous nous retrouvions toujours d'une maniere ou d'une autre, enfin sur le vrai chemin, nous ne goutions que la douceur de notre union. C'est dans ce moment qu'elle m'a ete enlevee. Surement je le meritais, je ne sentais pas assez le bienfait de Dieu, je ressentais peut etre encore trop de petits inconvenients. Enfin quoique cela soit, Dieu l'a voulu. Qu'il daigne permettre que je ne perde pas le fruit de cette douloureuse croix—ce n'est pas pour rien qu'elle m'a ete envoyee. Je reconnais la main de Dieu dans toute la direction de ma destinee en y reflechissant.

Я привожу это письмо исключительно съ цѣлью дать побольше документальныхъ данныхъ; само по себѣ оно не даетъ никакихъ особенно интересныхъ указаний. Хотя нельзя не обратить вниманіе на немногого загадочный, двусмысленный характеръ нѣкоторыхъ фразъ...

Итакъ, 29-го декабря печальный кортежъ прослѣдовать изъ сѣверъ подъ общимъ наблюденіемъ генераль-адъютанта графа Орлова-Денисова и при непосредственномъ наблюденіи за тѣломъ—со стороны доктора Тарасова.

Маршрутъ шествія былъ таковъ: Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тула, Москва.

Порученіе, возложенное на гр. Орлова-Денисова, было не изъ легкихъ. Немедленно вслѣдъ затѣмъ, какъ кончина императора стала известна, по всей Россіи внезапно распорошился слухъ, что императоръ не умеръ, а скрылся; въ

гробу-же везутъ чужой трупъ. Что послужило причиной къ зарожденію и распространенію такого слуха—сказать трудно; но фактъ тотъ, что слухъ этотъ принялъ угрожающіе размѣры. Опасались даже, что народъ на пути слѣдованія процессіи потребуетъ вскрытия гроба. Графъ Орловъ-Денисовъ «наблюдалъ вслѣдъ строгій порядокъ и военную дисциплину», какъ пишетъ Тарасовъ въ своихъ воспоминаніяхъ. (Мы знаемъ, что называется «строгимъ порядкомъ и военной дисциплиной» даже въ XIX столѣтіи и потому легко можно представить себѣ, въ чмъ они выражались сто лѣтъ назадъ).

3-го февраля процессія прибыла въ Москву. На протяженіи версты отъ подольской заставы по обѣимъ сторонамъ дороги были выстроены войска со заряженными ружьями. Когда гробъ былъ поставленъ въ Архангельскомъ соборѣ, стеченіе народа было огромное. Евиду тревожныхъ слуховъ — были приняты необычайныя мѣры предосторожности: въ 9 часовъ вечера запирали ворота Кремля и у каждого входа стояли заряженныя орудія. Пѣхота расположилась въ Кремль, а кавалерійская бригада — въ экзерцираузѣ со сѣдланными лошадьми. По городу всю ночь ходили военные патрули.

Интересно привести для характеристики царствовавшаго настроенія письма А. Булгакова къ его брату.

— «Не повѣришь, что за вздорные слухи распространяются кумушки и пустословы по городу. Жаль, ираво, что князь Дмитрій Владимировичъ (московскій генераль-губернаторъ Голландіи) удостоиваетъ ихъ вниманія, что много говорятъ о мѣрахъ, кои возмутятся для прекращенія или предупрежденія беспорядковъ. Говорятъ, что подписками обязываютъ фабрикантовъ не выпускать фабричныхъ въ день процессіи, что кабаки будутъ заперты, и множество другихъ подобныхъ мѣръ... (27 января 1826 г.) «Филаретъ съ духовенствомъ избралъ останки безцѣнныя, а послѣ всѣ царевичи, князь Дмитрій Владимировичъ, генераль-адъютанты и т. д. Какъ я буду теперь дурачить и смыться надъ глупицами, кои трусили бѣжать изъ Москвы или просили часовыхъ для себя на это время... Благоговѣніе народа было таково, что нельзя не быть тронуту. Надобно было видѣть, съ какимъ чувствомъ всѣ припадались. Всѣ почти кланялись въ землю. Во всю ночь были поклонники. Ночь не была потеряна. Дабы доставить

всѣмъ удовольствіе приложиться къ безцѣнному праху, впускали солдаты здѣшняго гарнизона».

Это послѣднее письмо весьма курьезно. Во-первыхъ, ни Филаретъ, ни царевичи (вѣроятно-грузинскіе), ни Голицынъ—не могли «лобзать останки безцѣнныя», т. к. гробъ былъ закрытъ и не открывался за все время нахожденія его въ Москвѣ; во-вторыхъ, какъ я уже упоминалъ выше, съ 9-ти часовъ вечера всѣ входы въ Кремль были закрыты и охранялись артиллеріей, такъ что наврядъ-ли «были поклонники во всю ночь». Возможно, впрочемъ, что таковыми поклонниками вообще, а не только ночью, являлись «солдаты здѣшняго гарнизона».

Въ другомъ письмѣ (отъ 7-го февраля) Булгаковъ пишетъ: «А. С. Марковичъ, фельдшеръ, бывшій при государѣ во время его болѣзни, кончини, и послѣ онъ, видѣть все происходившее въ горестное это время, обмывалъ драгоцѣнное тѣло, дежурилъ четверо сутокъ при ономъ, не спавши; открытие тѣла, бальзамировка, все это происходило въ его глазахъ. Я не могъ отъ него оторваться, и онъ, видя наше любопытство, удовлетворилъ оное въ полной мѣрѣ»...

Къ этому можно было бы добавить, что фельдшеръ Марковичъ «удовлетворилъ любопытство» Булгакова не только «въ полной мѣрѣ», но и свыше мѣри, т. к. онъ, Марковичъ, ни при болѣзни, ни при кончинѣ, ни при «открытии тѣла», ни при «бальзамировкѣ» не присутствовалъ, и ужъ тѣмъ болѣе, конечно, не дежурилъ «четверо сутокъ не спавши»... Въ общемъ письма Булгакова интересны, конечно, только поскольку они иллюстрируютъ тревожное настроеніе, царившее въ обществѣ. Къ такой-же категоріи документовъ нужно отнести и записку, составленную нѣкимъ дворовымъ человѣкомъ Федоромъ Федоровыемъ, подъ заглавіемъ «Московскія Новости или новые правдивые и ложные слухи, которые послѣ видѣніе означутся, которые правдивы, а которые лживы, а теперь утвердить ни однихъ не могу, но рѣшился на досугѣ описывать для дальнѣаго времени незабвенного, именно 1826 года, съ декабря 25-го дня».

Въ этой запискѣ приведены всѣ «слухи», ходившіе тогда по Москвѣ, касательно смерти Александра.

Основная мысль большинства этихъ «слуховъ», что Александръ не умеръ, а скрылся, и что въ гробу везутъ другое тѣло.

Но, какъ письма Булгакова, такъ и записки Федора Федорова—документы, такъ сказать, проблематическіе. Вернемся къ документамъ болѣе серьезнымъ.

Въ запискахъ д-ра Таракова читаемъ слѣдующее:

«Я имѣлъ особенное предписание отъ графа Орлова-Денисова о возможномъ попеченіи за цѣлостью тѣла императора, во время всего шестѣя. Съ этой цѣлью я представилъ графу, что для удостовѣренія о положеніи тѣла императора необходимо повременамъ вскрывать гробъ и осматривать тѣло. Таковые осмотры при особомъ комитетѣ, въ присутствіи графа, производились въ полночь пять разъ, и каждый разъ я представлялъ по осмотрѣ донесеніе графу о положеніи тѣла».

Эти показанія Таракова совершенно не совпадаютъ съ тѣмъ, что писалъ графъ Орловъ-Денисовъ въ официальномъ своемъ рапорте на имя барона Дибига.

Гр. Орловъ-Денисовъ сообщаетъ, что въ теченіи всего пути до Москвы гробъ не вскрывался; что впервые онъ былъ вскрытъ на пути изъ Москвы на сѣверъ, на второмъ почтлѣ въ селѣ Чапошковъ 7-го февраля въ 7 часовъ вечера. При этомъ присутствовали, кроме самого Орлова-Денисова и Таракова, генераль-адъютанты графъ Остерманъ-Толстой, Бородинъ и Сипягинъ и пять флигель-адъютантовъ (Германъ, Шкуринъ, Кокошкинъ, гр. Залузцкій и Плаутинъ), а также полковникъ кавалергардскаго полка Араповъ и вагенмейстеръ Соломко.

Второй осмотръ былъ произведенъ по выступленіи изъ Новгорода, причемъ присутствовалъ и графъ Аракчеевъ.

Третій-же и послѣдній осмотръ имѣлъ мѣсто въ деревнѣ Бабинѣ, причемъ онъ былъ произведенъ Вилліе, получившимъ на то приказаніе отъ императора Николая I.

По этому поводу Вилліе пишетъ:

«Сего 26-го февраля въ 7 часовъ пополудни, въ Бабинѣ, я производилъ осмотръ тѣла блаженной памяти императора Александра; раскрылъ его до мундира, я не нашелъ ни малѣйшаго признака химического разложенія, обнаруживающагося обыкновенно выдѣленіями сѣристо-водороднаго газа,

обладающаго весьма ъдкимъ запахомъ; мускулы крѣпки и тверды и сохраняютъ свою первоначальную форму и объемъ. Поэтому я съмъ утверждаю, что тѣло находится въ совершенной сохранности, и мы обязаны этимъ удовлетворительнымъ результатомъ точному соблюдению во время пути необходимыхъ мѣръ предосторожности. Поэтому я не буду принимать никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ до прибытія въ Царское Село».

Изъ приведенныхъ выше выдержекъ видно, что разногласія въ документахъ продолжали преслѣдоватъ тѣло до мѣста его послѣдняго успокоенія.

Тарасовъ утверждаетъ, что тѣло было осматриваемо пять разъ въ полночь. По свидѣтельствамъ же гр. Орловъ-Денисова (на которого тотъ-же Тарасовъ ссылается) и баронета Вилліе,—мы видимъ, что тѣло осматривалось только три раза въ 7 час. вечера, причемъ третій разъ осматривалъ не Тарасовъ, а самъ Вилліе.

Етъ день послѣдняго осмотра тѣла въ Тоснѣ кортежъ встрѣтила императрица Марія Феодоровна.

Это обстоятельство, между прочимъ, довольно непонятно.

Бабино, гдѣ тѣло осматривалось въ 7 часовъ вечера, находится на разстояніи 45 верстъ къ югу отъ Тосны. Какимъ образомъ императрица могла встрѣтить кортежъ въ тотъ-же самый день въ Тоснѣ?

Во всякомъ случаѣ интересно отмѣтить тотъ фактъ, что императрица Марія Феодоровна выѣхала одна, т. е. безъ сопровожденія кого-либо изъ семьи, навстрѣчу тѣлу, проѣхавъ разстояніе около 100 верстъ отъ Петербурга. Ввиду указанной мной выше явной несообразности относительно встрѣчи въ Тоснѣ, можно предположить, что она доѣхала до Бабина, слѣдствіемъ чего и явилось новое освидѣтельствованіе тѣла по «приказанію императора Николая»; это объяснило бы также внезапное отстраненіе Тарасова и замѣну его баронетомъ Вилліе.

28-го февраля печальная процессія приблизилась къ Царскому Селу и была встрѣчена императоромъ Николаемъ, величайшемъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, принцемъ Вильгельмомъ Прусскимъ, принцемъ Оранскимъ, первыми чинами двора, духовенствомъ и жителями Царского Села.

Гробъ былъ поставленъ въ дворцовой церкви на катафалкъ подъ балдахиномъ.

1 марта князь А. Н. Голицынъ, министръ духовныхъ дѣлъ и народного просвѣщенія вызывалъ къ себѣ Тарасова и спросилъ его: «могно-ли открыть гробъ и можетъ-ли императорская фамилія проститься съ покойнымъ императоромъ?»

— «Я отвѣчалъ утвердительно (пишетъ Тарасовъ въ своихъ «Запискахъ») и увѣрилъ его, что тѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣлости, такъ что гробъ могъ бы быть открытъ даже для всѣхъ. Потомъ онъ (Голицынъ) мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ, чтобы въ двѣнадцать часовъ ночи я, при немъ и графъ Орловъ-Денисовъ, со всемъ аккуратностью открылъ гробъ и подготовилъ все, чтобы императорская фамилія могла вся, кроме царствующей императрицы, которая тогда была беременна, родственно проститься съ покойникомъ. Въ 11 час. вечера священникъ и всѣ дежурные были удалены изъ церкви, а при дверяхъ, вѣнѣ оной, поставлены были часовые; остались въ ней: князь Голицынъ, гр. Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора, Завиташевъ. По открытии гроба я снялъ атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавший все тѣло, вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ спицъ, перемѣнилъ на рукахъ императора бѣлымъ перчатки (прежня нѣсколько измѣнили свой цвѣтъ) возложилъ на голову корону и обтеръ лицо, такъ что тѣло представлялось совершенно цѣлымъ, и не было ни малѣйшаго признака порчи. Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ, чтобы мы оставались въ церкви за ширмами, послѣднѣй доложилъ императору. Спустя нѣсколько минутъ, вся императорская фамилія съ дѣтьми, кроме царствующей императрицы, вошли въ церковь при благородной типинѣ, и всѣ цѣловали въ лицо и руку покойнаго. Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вспомнить выражать оную. По выходѣ императорской фамиліи я снова покрылъ тѣло ароматнымъ матрацомъ и, снявъ корону, закрылъ гробъ попрежнему. Всѣ дежурные и караулья снова введены были въ церковь ко гробу, и началось чтеніе Евангелия».

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько Тарасовъ могъ слѣдить «изъ-за ширмъ» за присходившимъ въ церкви, интересно

отмѣтить слѣдующее показаніе прусскаго генерала фонъ-Герлаха, записанное имъ со словъ принца Вильгельма, при особѣ котораго онъ состоялъ:

«Императрица Марія Феодоровна нѣсколько разъ поцѣловала руку усопшаго и говорила: «Oui, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre! Ah! comme il a maigri!». Трижды она возвращалась къ гробу и подходила къ тѣлу.

5-го марта тѣло было перевезено изъ Царскаго Села въ Чесму, гдѣ, подъ наблюдениемъ Тарасова, и было переложено въ другой гробъ, а на слѣдующій день перевезено по особому церемоніалу въ С.-Петербургъ и поставлено въ Казанскому соборѣ. Здѣсь оно оставалось въ теченіи семи дней, при чѣмъ императоръ Николай I, вопреки совету приближенныхъ лицъ, запретилъ открывать гробъ «для жителей столицы», и какъ пишетъ Тарасовъ: «кажется единственно по той причинѣ, что цвѣть лица покойнаго государя былъ немнѣго измѣненъ въ свѣтло-каштановомъ, что произошло отъ покрытия онаго въ Таганрогѣ уксусно-древесной кислотою, которая, впрочемъ, ни мало не измѣнила чертъ лица».

Приводя эту догадку Тарасова, Шильдеръ сопоставляетъ ее съ приведенными уже мною выше строками изъ письма кн. П. М. Волконскаго къ статс-секретарю Вилламову: «ибо хотя тѣло и бальзамировано, но отъ здѣшнаго сырого воздуха лицо все покрѣпло и даже черты лица совсѣмъ измѣнились, чрезъ нѣсколько-же времени и еще потерпятъ»...

13-го марта 1826 г. разыгралась эпилогъ таганрогской драмы:

«Въ одиннадцать часовъ, во время сильной мятежи, погребальное шествіе направилось изъ Казанскаго собора въ Петропавловскую крѣпость... Въ тотъ же день происходили отпѣванія и погребеніе. Во второмъ часу пополудни пущечные залпы возвѣстили миру, что великій монархъ синешель въ землю на вѣчное успокіеніе». (Шильдеръ, т. IV, стр. 442).

Теперь, когда мы ознакомились со всѣми имѣвшимися документами, попробуемъ вывести безпристрастное заключеніе.

Читатель не посѣтуетъ на меня, если для полноты картины я время до времени буду возвращаться къ указаннымъ уже въ предыдущихъ главахъ противорѣчіямъ, недомолвкамъ, фак-

тамъ. Мне казалось лучшимъ, приводя документы, параллельно отмѣтить то, что въ нихъ было достойнымъ особыго интереса. Теперь же, суммируя содержаніе всего вышеизложенаго и выводя заключеніе, придется, конечно, поневолѣ припомнить кое-что уже сказанное—не подробности, а самое существенное.

Въ краткомъ предисловіи къ этой книжѣ я изложилъ схему моего изслѣдованія: 1. Имѣль-ли Александръ I намѣреніе отречься отъ престола? 2. Если онъ имѣлъ это намѣреніе, то привѣль-ли онъ его въ исполненіе въ бытность свою въ Таганрогѣ, или умеръ, не успѣвъ осуществить это намѣреніе?

Таковы были первые два вопроса. Первый разрѣшентъ утвердительно безъ всякаго труда, да онъ, впрочемъ, никогда ни въ комъ не возбуждалъ сомнѣнія. Теперь мы со всей возможной полнотой изслѣдовали второй вопросъ. Какой-же безпристрастный отвѣтъ мы можемъ на него дать?

Я, съ полнымъ безпристрастіемъ, взвѣшивая всѣ рго и совсѣмъ отвѣщаю на него утвердительно: да, императоръ Александръ I воспользовался своимъ пребываніемъ въ Таганрогѣ и легкимъ недомоганіемъ, чтобы привести свой планъ въ исполненіе.

Онъ скрылся, предоставивъ хоронить чье-то чужое тѣло. Вотъ причина, приведшая меня къ такому убѣждѣнію.

1. Постоянны, такъ сказать—хроническія и безнадежныя противорѣчія, встрѣчающіяся во всѣхъ документахъ, относящихся къ таганрогской драмѣ; тогда какъ эти документы должны-бы были (я-бы сказалъ: были обязаны!) согласоватьсь даже въ мелкихъ подробностяхъ. Я уже указывалъ на то, что изъ этихъ документовъ нельзѧ даже покрѣпнуть такихъ краеугольныхъ сѣдѣній о кончинѣ Александра, какъ: обстоятельства, при которыхъ наступила смерть, число лицъ присутствовавшихъ при ней, поведеніе императрицы и т. п.

2. Завѣдомо подложная подпись Тарасова подъ протоколъ вскрытия тѣла, потому что нельзѧ-же въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы Тарасовъ лгалъ въ своихъ «Запискахъ», утверждая, что онъ протокола не подписывалъ.

3. Странное и тревожное настроеніе и не менѣе странные поступки императрицы Маріи Феодоровны, императора Николая I и князя П. М. Волконскаго: переписка Волконскаго съ

Вилламовыи; скоростный и несомненно задним числом, писанный «Журналъ» князя; запрещение Николая I открыть гробъ для народа въ Казанскомъ соборѣ; неумѣстныя повторные воскликанія императрицы Марии Феодоровны въ Царскомъ, Селѣ—«oui, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre». Почему бы матери при видѣ тѣла сына понадобилось повторять такие слова, производящія впечатленіе—«да право же это онъ... Таинственная поѣздка ея-же въ Бабино и т. д.

4. Немедленно послѣ смерти распространившіяся слухи, что везутъ чужое тѣло. Вѣдь почему-нибудь такие слухи возникли-же! А вѣдь это слухъ необычный. Кончина монарха часто заражаетъ всякия пересуды и всевозможные комментаріи, но только таганрогская драма породила *такой* слухъ. И слухъ этотъ, очевидно, показался народу настолько вѣроятнымъ, что хотѣли насилиемъ вскрыть гробъ, а властямъ—настолько опаснымъ, что въ Московскомъ Кремль по вечерамъ приставляли артиллерію къ воротамъ и посыпали патрули по городу.

5. Испечено всѣй продолженія записокъ императрицы Елизаветы Алексеевны послѣ 11-го ноября.

Записки эти несомнѣнно были писаны тоже заднимъ числомъ, на что указываетъ хотя бы такая фраза, какъ «онъ посмотрѣлъ... съ тѣмъ самимъ видомъ, который я наблюдала позже въ ужасную минуту».

Продолженіе это, какъ я уже упоминалъ, несомнѣнно имѣлось, но оно исчезло; оно было, вѣроятно, уничтожено императоромъ Николаемъ I. Упоминалъ я также и о томъ, что Николай I уничтожилъ многие документы, касающіеся именно послѣднія періода жизни своего брата.

6) Протоколъ вскрытия тѣла.

Я уже выше объяснялъ, какъ я поступилъ съ копіями этого протокола. Врачи, давшіе мнѣ отвѣты, известны на всю Россію, а нѣкоторые и за-границей. Рѣдкое единодушіе, съ которымъ они отрицаютъ возможность смерти отъ брюшного тифа или малярии и указаніе троихъ изъ нихъ, въ томъ числѣ европейскаго извѣстнаго сифилидолога М. П. Манассенса, на возможность смерти отъ сифилиса несомнѣнно убѣждаютъ, что въ Таганрогѣ былъ вскрыто тѣло не Александра I. Если даже допустить, что императоръ Александръ когда бы то ни было и гдѣ бы то ни было заразился сифилисомъ (что совершенно не

соответствуетъ всему тому, что о немъ извѣстно),—то весь ходъ «болѣзни» все-таки не соответствуетъ такому исходу.

7) Поведеніе самого императора, начиная съ отъѣзда изъ Петербурга; его отдельныя фразы и намеки.

Вспомнимъ хотя бы слѣдующіе изъ нихъ: «Я скоро переселюсь въ Крымъ и буду жить частнымъ человѣкомъ. Я отслужилъ 25 лѣтъ, и солдату въ этотъ срокъ давать отставку». Кн. Волконский напоминаетъ ему, что ему уже около 50-ти лѣтъ и получаетъ отвѣтъ: «я слишкомъ чувствую это и увѣряю васъ, что я очень часто вспоминаю обѣ этомъ». По этому поводу нельзя не вспомнить словъ Александра, сказанныхъ имъ въ Кіевѣ еще въ 1817 г.: «когда кто-нибудь имѣть честь находиться во главѣ такого народа, какъ нашъ, онъ долженъ въ моментъ опасности первый идти ей на встрѣчу. Онъ долженъ оставаться на своемъ посту только до тѣхъ поръ, пока его физическая сила ему это позволяютъ; по прошествіи этого срока онъ долженъ удалиться... Что касается меня—я пока чувствую себя хорошо, но черезъ 10—15 лѣтъ, когда мнѣ будуть 50 лѣтъ...».

10-го и 14-го ноября онъ повторилъ ту же фразу—«надо считаться съ моими нервами, которые слишкомъ разстроены и безъ того, а лѣкарство разстроять ихъ еще больше»;—11-го ноября Вилліе пишетъ: «когда я говорю о кровопусканіи, онъ приходитъ въ блаженство и не удостоивается говорить со мной»; 14-го ноября, отказавшись отъ лѣкарства, Александръ говоритъ Вилліе: «я надѣюсь, вы не сердитесь на меня за это, у меня мои причины»; того же числа онъ говоритъ духовнику: «прошу испогодѣвать меня не какъ императора, а какъ простого мѣдника».

Удивительно еще одно обстоятельство. Послѣ бесѣды съ духовникомъ—а бесѣдовалъ онъ еще, когда «болѣзнь» не предѣщала ничего трагического—онъ за всѣ послѣдующіе четыре дня ни разу не выражалъ желанія видѣть священника и при «кончинѣ его» священникъ также не присутствовалъ. Это совершенно не похоже на Александра, который, если-бы, конечно, действительно умираль, конечно потребовалъ къ себѣ священника. Да и близкіе къ нему люди, т. е. императрица и князь Волконский, несомнѣнно послали-бы за священникомъ, хотя бы чтобы прочитать отходную молитву.

Я привелъ главныя причины, убѣдившія меня въ томъ, что императоръ Александръ не умеръ въ Таганрогѣ; опускаю много мелочей, которыхъ читатель самъ усмотритъ изъ моихъ комментарій къ документамъ.

Теперь естественно возникнетъ вопросъ: если императоръ Александръ привелъ свое намѣреніе въ исполненіе и скрылся, то какъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ могъ это сдѣлать?

Великій князь Николай Михайловичъ въ своей брошюрѣ «Легенда о кончинѣ» и т. д. (стр. 36) приводитъ разговоръ, имѣвшій мѣсто (въ его присутствіи) между Н. К. Шильдеромъ и однімъ лицомъ, про которое Великій Князь пишетъ, что не считаетъ себѣ въ правѣ его называть. Это лицо, оппонируя, Шильдеру «на цѣлую серію его мистическихъ догадокъ» сказали: «Я допускаю возможность всѣхъ вашихъ предположеній по поводу исчезновенія Александра, кроме одного самого основного и которое мнѣ кажется недопустимымъ. Какъ вы допускаете, чтобы можно было «ескамотег» (скрыть, подмѣнить, сдѣлать «фокусъ») тѣлу императора?!» Приводя эту фразу, Великій Князь добавляетъ:

— «Долженъ я и всецѣло присоединиться къ этому мнѣнію и сказать, что болѣе чѣмъ сомнительно допустить возможность подмѣны покойника, когда этимъ покойникомъ является русский государь».

«Ескамотег» чѣй-либо трупъ—несомнѣнно задача очень нелегкая, почти невозможная, въ виду полицейскихъ, врачебныхъ и зачастую юридическихъ препятствій; но—«ескамотегъ» тѣло императора-самодержца, когда онъ самъ того желаетъ—не можетъ встрѣтить ни малѣйшихъ препятствій. Для этого Александру достаточно было трехъ-четырехъ лицъ, посвященныхъ въ его тайну. Эти лица, распредѣливъ между собой степень активнаго участія, должны были только найти подходящаго покойника, чтобы положить его въ гробъ вмѣсто императора, затѣмъ своимъ образомъ дѣйствій имитировать другимъ, непосвященнымъ, заставляя ложь принимать за истину. и—наконецъ—хранить молчаніе.

Въ обстановкѣ, при которой совершилось исчезновеніе Александра, все это было вовсе не трудно.

Гдѣ-то тамъ, за тридевять земель, въ Таганрогѣ, въ небольшомъ домѣ, при микроскопическомъ составѣ свиты и прислуги,

большинство которой даже не жило во дворцѣ—при маломѣльской осмотрительности и осторожности вся эта мистическая драма могла быть разыграна безъ сучка, безъ задоринки, не возбуждая ни въ комъ не малѣйшаго подозрѣнія; но повидимому разыграна она была не особенно удачно: кто-то или не спрavitся съ своей задачей, или проговорился, или что-то пошло не совсѣмъ гладко; возникли подозрѣнія и тревожный слухъ сразу разнесся по всей Россіи.

Но кто-же могли быть лица, которыхъ императоръ посвятилъ въ свою тайну? Это, конечно, были такія лица, безъ сообщничества которыхъ онъ не могъ привести свой планъ въ исполненіе.

Такими лицами являются: императрица Елизавета Алексеевна, ближайшій другъ государя, генераль-адъютантъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій и одинъ изъ врачей—или лейбъ-медикъ баронетъ Вилліе, или докторъ Тарасовъ. Участіе этихъ трехъ или четырехъ лицъ было необходимо.

Посмотримъ же теперь, было-ли въ образѣ дѣйствій этихъ лицъ что-либо такое, что могло бы дать намъ хотя бы косвенное указаніе на ихъ сообщничествѣ.

Во-первыхъ,—императрица Елизавета Алексеевна.

Извѣстно, что супружеская жизнь ея была очень несчастлива; ничто не связывало этихъ двухъ людей, кроме того, что связывается вѣнчаниемъ приличіями. Каждый жилъ своей дальнейшей жизнью, своими радостями, горечами, увлечениями. И вотъ внезапно, послѣ многолѣтнаго отчужденія, разыгрывается по-истинѣ драматическая идилія таганрогскаго уединенія. Было ли то со стороны Александра желаніе оставить по себѣ хорошее воспоминаніе въ женѣ, которую онъ, связавъ съ собой, выбросилъ изъ своей жизни и предъ которой онъ былъ виноватъ не менѣе, если не болѣе, чѣмъ она была виновата передъ нимъ,—или было это только желаніе имѣть въ нужную для него минуту надежнаго товарища, который «не выдастъ»—это загадка, ключъ къ которой супруги унесли въ могилу. Вѣроятнѣе всего, что въ поѣздкѣ въ Таганрогъ играло роль и то и другое. Объ этомъ можно заключить и изъ образа дѣйствій императора и изъ писемъ императрицы.

Тутъ мы опять можемъ найти указанія въ таинственномъ 11-го ноября.

На этомъ числѣ, какъ я уже неоднократно подчеркивала, обрываются записки императрицы на фразѣ: «Вилліе былъ въ селѣ, онъ сказалъ мнѣ, что у императора жаръ, но что я должна войти, что онъ не въ такомъ состояніи, какъ написано...»

Супруги имѣли продолжительный разговоръ, содержавшійся оторвано и неизвѣстно. Но въ этотъ же день, какъ я тоже уже отмѣчала, императрица писала своей матери письмо поражающее своей загадочностью: «Гдѣ убѣжище въ этой жизни? когда вы думаете, что все устроили къ лучшему и можете вѣрить этого лучшаго, является неожиданное испытаніе, которое отнимаетъ у васъ возможность наслаждаться окружющимъ...»

Что обозначаютъ эти туманныя, полныя пессимизма слова? Какое явилось «неожиданное испытаніе, отнимающее возможность наслаждаться окружющимъ»? Вѣдь не легкое—кажется, оно было тогда даже по официальнымъ источникамъ недоговоромъ государя.

Затѣмъ, страннымъ является ея пребываніе въ домѣ Шихматовыхъ, куда она уѣхала 20-го ноября до 29-го. Почему она туда перѣѣхала? Почему Волконскій еще 18-го утромъ предупредилъ Шихматовыхъ, чтобы они приготовились къ приему императрицы? Если даже допустить, что ее удалили изъ дворца на время вскрытия и бальзамированія тѣла, но почему же она оставалась у Шихматовыхъ такъ долго? Если бы она оставалась до 11 декабря, то это еще можно было бы объяснить желаніемъ сѣ—или князя Волконского—чтобы она не возвращалась во дворецъ, пока тѣло не будетъ перевезено въ соборъ...

Наконецъ, почему она, несмотря на выраженное ею намѣреніе (въ письмахъ къ своей матери и свекрови) оставаться въ Таганрогѣ, «пока онъ останется, а когда онъ уѣдетъ и я уѣду»—не сопровождала тѣло въ Петербургъ, а осталась въ Таганрогѣ еще четыре мѣсяца. Здоровье ея было вполнѣ удовлетворительно и уѣхъ во всякомъ случаѣ болѣе удовлетворительно, чѣмъ оно было четыре мѣсяца спустя. Она всѣмъ поражалась, щадила на панихидѣ; «спочеркъ ея стала тверже», какъ пишетъ императоръ Николай I въ частномъ письмѣ къ Волконскому.

Я не думаю утверждать, что вышеупомянутые факты

являются неопровергнутыми доказательствами участія императрицы въ исчезновеніи ее супруга: такихъ доказательствъ и не можетъ существовать, конечно, а если они и существовали, то были уничтожены; но все это во всякомъ случаѣ является страннымъ, дасть возможность дѣлать извѣстныя предположенія, незамѣтно приводящія въ заключенію, что она была—да и не могла не быть,—посвящена въ тайну Александра.

Одно лицо, которое я не могу назвать и о которомъ я уже упоминала, возражая мнѣ по этому поводу въ частномъ письмѣ, пишетъ:

— «Вы, вѣроятно, не дали себѣ труда прочесть внимательно всѣ письма Елизаветы Алексѣевны къ ея матери, маркграфинѣ Баденской о ходѣ болѣзни, о кончинѣ мужа. Вѣдь съ матерью она бы не стала «финтить», если бы она сомнѣвалась, что тотъ покойникъ, предъ которымъ дважды совершились въ сутки панихиды, не ея мужъ, а другой человѣкъ...»

На это я могу отвѣтить только одно: она и не сомнѣвалась, что этотъ покойникъ не ея мужъ, а разъ что по тѣмъ или инымъ причинамъ она должна была хранить тайну, то такія же другія письма она могла писать своей матери, человѣку ей лично, какъ дочери, близкому, но совершенно чужому Россіи, Александру и тому, что составляло семейную и династійную тайну семьи, въ которую она, Елизавета Алексѣевна, вступила...

Да вдѣвакъ, и дальнѣйшая судьба самой вдовы Александра настолько загадочна, что заслуживала бы особаго изслѣдованія...

Стѣдующимъ за императрицей главнымъ дѣйствующимъ лицомъ таганрогской драмы является кн. П. М. Волконскій.

Я уже указывала на его переписку съ статье-секретаремъ Вильямомъ, на его настойчивые сонаты закрыть гробъ въ Таганрогѣ; я только что упоминала о его посыпаніи Шихматовыхъ, 18-го ноября утромъ, послѣ того, что онъ «впервые заселѣлъ постелью Вилліе, чтобы быть ближе къ императору» и т. п.

Но есть еще два пункта весьма существенныхъ для выясненія роли кн. Волконскаго въ разбираемомъ вопросѣ,

Кн. П. М. Волконский оставил обширный архивъ дневниковъ, записокъ, всевозможныхъ документовъ. Часть этого архива, не представляющая почти никакого интереса, оказалась въ собственности Его Величества библиотекѣ, где хранится и по сю пору, а другая, большая часть, исчезла бесплодно и была по всѣмъ вѣроятіямъ уничтожена императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Второй очень загадочный пунктъ—это письма жены Волконского къ императрицѣ Марии Феодоровнѣ. Эти письма Шильдеръ приводить безъ всякихъ коментарій и безъ всякаго отношенія къ тексту своего труда въ приложениі къ тому четвертому.

Княгиня Софья Волконская приѣхала въ Таганрогъ послѣ 19-го ноября, вѣроятно въ серединѣ декабря.

Въ письмѣ своемъ отъ 26-го декабря она, между прочимъ, пишетъ (по-французски):

«Кислоты, которыми были примѣнены для сохраненія тѣла, сдѣлали его совершенно темнымъ. Глаза значительно провалились; форма носа наиболѣе измѣнилась, т. к. стала немнога орлиной (иц рен aquilin)».

Нельзя не отметить, что это совсѣмъ не соответствуетъ «Запискамъ» Тарасова, но за то вполнѣ совпадаетъ съ показаніями самого Волконского.

Въ письмѣ отъ 29-го декабря княгиня констатируетъ, что «императрица присутствовала при послѣдней службѣ (предъ отправленіемъ тѣла въ Петербургъ) и безъ посторонней помощи подошла къ гробу», что указывается на весьма удовлетворительное состояніе здоровья Елизаветы Алексѣевны.

Но самимъ интереснымъ и по истинѣ загадочнымъ является письмо отъ 31-го декабря.

«Я осмысливаюсь снова взяться за перо, чтобы передать вамъ, государыня, съ хорошей окраской подробности, о которыхъ я узнала во время моего путешествія. Я сейчасъ же испытала чувство сожалѣнія, что ваше величество не узнали о нихъ прежде (или «во время», во французскомъ текстѣ—*dans le temps*; можетъ быть, авторъ письма хотѣлъ сказать *& temps*), такъ же, какъ и обо всѣхъ другихъ письмахъ моего мужа, которая предшествовали этимъ, и здесь мое сожалѣніе еще возросло послѣ всѣхъ новыѣхъ данныхъ, кото-

рыя я узнала и послѣ того, что я уѣхала, что пѣсколько лѣть, приближенныхъ къ императору, подозрѣвали и скрывали вещь, которую мой мужъ могъ одинъ замѣтить болѣе несомнѣнно (*plus positivement*) чѣмъ другіе. Съ его столь преданнымъ сердцемъ, любившимъ императора въ теченіи 29-ти лѣтъ кряду, съ полнымъ самоотречениемъ, онъ могъ менѣ чѣмъ кто-либо другой—по крайней мѣрѣ, я такъ думаю— ошибиться по поводу того, что происходило въ его прекраснѣ душѣ. Благосклонность, съ которой вы соизволили, государыня, выслушать меня по поводу отрывка (*un passage*) изъ одного изъ писемъ моего мужа, которое я по тогдашнимъ обстоятельствамъ (*vu le moment d'alors*) предпочла не показать вамъ во всей его полнотѣ (или «правдивости», во французскомъ оригиналѣ—*j'avais évité de soumettre dans sa vérité à vos yeux*); та доброта, съ которой вы изволили мнѣ отвѣтить и отъ которой, несмотря на тотъ моментъ, ничто не ускользнуло, останется въ моей памяти пока я буду жива; и потому я говорю самой себѣ теперь, что я не должна бояться ознакомить съ моими письмами (т. е.—мной полученнымъ) матеръ нашихъ государей, которая не постыгнетъ на меня за мое рѣшеніе сообщить ей извѣстіе тѣжелое (*une chose pénible*), но которое она сможетъ довѣрить тому, который, быть можетъ, найдетъ для себя выгоднымъ узнать интимное наблюденіе, сдѣланное надъ душевнѣмъ настроеніемъ нашего возлюбленнаго незавѣщаннаго императора. Я должна добавить, что мой мужъ не знаетъ и никогда не узнаетъ, что я пишу это письмо и что я пересылаю вамъ, государыня, его письма, содержащія въ себѣ сообщеніе, которое онъ никогда не подумаетъ вамъ сдѣлать. Но меня угбываетъ мысль, что то, что онъ видѣлъ и что составляетъ его глубокое убѣжденіе по этому поводу не будешь утерянно; я осмысливаюсь вамъ это довѣрить и вы сдѣлаете изъ этого то употребленіе, которое небо, ваша мудрость и ваше знаніе нашего новаго государя вамъ подскажутъ. Умоляю васъ, государыня, сохранить для меня эти послѣднія письма моего мужа о несчастіи съ нами случившемся, или же, если ваше величество сочтете лучшимъ—передать ихъ запечатанными моей матери».

«Все, что связано съ вашимъ возлюбленнымъ сыномъ, представляетъ изъ себя воспоминаніе, которое я желала бы со-

хранить до моей смерти, но затѣмъ оно уничтожится вмѣстѣ со мной; я чувствую въ этомъ необходимость и сумѣю обеспечить ее заранѣе...»

«Воспоминанія необходимы въ томъ уединеніи, которому я надѣюсь себя посвятить, когда заботы о всѣхъ моихъ дѣтихъ мнѣ это позволятъ...»

«Прошу вѣсть видѣть, государыня, въ этомъ письмѣ, написать которое мнѣ придала смѣлость ваша постоянная доброта,—мое преклоненіе предъ вашей добродѣтелью, мою нѣру въ вашу душевную силу, а также увѣренность, что вы никогда никому не откроете содержаніе этого письма»...

Что все это обозначаетъ? Какія данныхы, о чёмъ княгиня узнала? что подозрѣвали и скрывали приближенныя къ Александру лица? какія письма своего мужа кн. Волконская читала и пересыпала императрица Маріи Феodorовнѣ? какое тяжелое изгѣтstie сообщала она «матери государей»? Кто могъ найти для себя выгоднымъ знать интимный наблюденія Волконского?

Одно можно заключить изъ этого письма—это то, что дѣло идетъ о какой-то важной тайнѣ, о которой Волконскому было болѣе освѣдомленъ, чѣмъ другіе, окружавшіе императора лица: однако эти лица тоже что-то подозрѣвали, и ихъ подозрѣнія явились неизрѣтной неожиданностью. Очевидно также, что эта тайна была интимнаго характера, а не политическаго и не имѣла отношенія къ какимъ-либо революціоннымъ и военнѣмъ заговорамъ, т. к. въ постѣднемъ случаѣ главныя лица обо всемъ освѣдомленными явятся бы не Волконскому, а барону Дибичу.

Кромѣ того, тайна эта несомнѣнно касалась пребыванія государя въ Таганрогѣ; это явствуетъ изъ самаго письма княгини Волконской: она пишетъ о письмахъ, полученныхъ изъ Таганрога отъ мужа, о данныхъ, собранныхъ ею по дорогѣ, о приближенныхъ къ императору, очевидно о находящихся въ Таганрогѣ.

Но какая же, однако, могла быть тайна у Александра въ бытность его въ Таганрогѣ? Мы, вѣдь, знаемъ почти часъ за часомъ, какъ и гдѣ онъ проводилъ время. Одного мы не

знаемъ—это содержаніе его частныхъ бесѣдъ съ императрицей, Волконскимъ, Билліе и Тарасовымъ; только эти лица неоднократно оставались съ нимъ съ глазу на глазъ...»

Перейдемъ къ той роли, которую могли играть въ исчезновеніи императора доктора Билліе и Тарасовъ.

Привлеченіе къ дѣлу одного изъ нихъ, а можетъ быть—и даже вѣроятнѣе—обоихъ, являлось необходимымъ.

Спокойный и сдержаній англичанинъ Билліе мало чѣмъ себя выдалъ, развѣ что своимъ заднимъ числомъ, писаннымъ дневникомъ и въ особенности согласіемъ совершенно стушеваться послѣ подписанія протокола вскрытия тѣла до самаго призыва тѣла въ Бабію. По тому официальному положенію, которое онъ занималъ, онъ, конечно, долженъ былъ играть первенствующую роль въ послѣдовавшихъ послѣ 20-го ноября событияхъ; между тѣмъ, о немъ никакъ не упоминается, и даже наблюденіе за перевозомъ тѣла императрицы Елизаветы Алексѣевны поручается не ему, а Тарасову. Послѣдній пунктъ меня настолько поразилъ, что я предположилъ было, что Билліе уже не было въ Таганрогѣ, когда печальный кортежъ, двинулся на сѣверъ. Однако, лицо, о которомъ я уже упоминалъ, не считая себя въ правѣ назвать его имени, засвидѣтельствовало мнѣ, что Билліе оставался все время въ Таганрогѣ и сѣдовалъ затѣмъ за кортежемъ.

Но какую же роль игралъ докторъ Тарасовъ, авторъ «Записокъ»?

Документально мы знаемъ только слѣдующее:

1) Тарасовъ былъ призванъ къ императору лишь 14-го ноября.

2) Онъ отказался вскрывать и бальзамировать тѣло, но составилъ протоколь вскрытия, который опять таки отказался подписать, слѣдствіемъ чего было появление его завѣдомо подложной подписи, и—

3) Императрица Елизавета Алексѣевна поручила ему наблюдать за перевезенiemъ тѣла.

Къ этому еще можно добавить, что онъ является авторомъ воспоминаній, въ которыхъ почти все время противорѣчить другимъ официальнымъ документамъ и которыя были напечатаны

таны въ «Русской Старинѣ» въ 1871-72 гг., т. е. какъ разъ въ тотъ самый періодъ времени, когда возникли слухи о тоскѣ старца Федора Кузьмича съ Александромъ I.

Вотъ все, что можно сказать о Тарасовѣ съ документальной точностью, вѣрище, о его роли въ таганрогской драмѣ.

Мнѣ лично кажется, что Тарасовъ былъ посвященъ въ тайну, но въ послѣднюю минуту. Не обладая хладнокровiemъ и выдержкой своего англійского коллеги, онъ, вѣроятно, что называется «заастачился» въ предѣлахъ возможности, конечно, и выразилъ свой протестъ именно отказомъ подписать протоколъ и произвести бальзамирование; дальше—его «урезонили», тѣмъ болѣе, что онъ, въ сущности говоря, ничего и не могъ подѣлать противъ воли императора и такихъ лицъ, какъ императрица, Волконскій и Вилліе. Для того же, чтобы его окончательно «задобрить», ему предоставили на видъ очень важную роль—наблюдать за перевозомъ тѣла, безвозвратно обязавъ его такимъ образомъ хранить молчаніе.

Стѣшу еще разъ повторить, что это только мои предположенія.

Вотъ все, что можно сказать, не давая слишкомъ большого простора фантазии, о лицахъ, посвященныхъ въ тайну.

Теперь, прежде чѣмъ закончить эту главу и вмѣстѣ съ тѣмъ первую часть этой книги, намъ остается разобраться, поскольку возможно, еще въ одномъ вопросѣ: чье тѣло было похоронено вмѣсто Императора Александра I?

Этотъ вопросъ въ сущности говоря — второстепенной важности.

При твердо-выраженной волѣ императора въ большомъ городѣ не трудно было въ концѣ концовъ подобрать въ одномъ изъ госпиталей подходящаго—болѣе или менѣе—покойника. Розыски, конечно, начались исподволь, вѣроятно съ 1-го ноября, и когда нашли то, чего хотѣли, тогда и была инсценирована постыдная картина драмы. Если это было именно такъ, то розыски заняли семь дней. 17-го Волконскій привелъ розыски къ желаннымъ результатамъ, въ ночь на 18-е «заявлять постелью Вилліе, чтобы быть ближе къ императору», т. е. для того, чтобы окончательно уговориться о приведеніи плана въ исполненіе; выработавъ всѣ детали, онъ 18-го утромъ озабочился присканіемъ помѣщенія для импе-

ратрицы въ домѣ Шихматовыхъ, и—19-го утромъ императоръ «умеръ» въ присутствіи одной только императрицы, пока Волконскій и Дибичъ заблаговременно опечатывали бумаги въ его кабинетѣ.

Привозъ чужого трупа и исчезновеніе императора, вѣроятно, состоялось въ ночь съ 19-го на 20-е, можетъ быть и раньше. Официальные документы хранятъ молчаніе о томъ, что происходило во дворцѣ съ 11-ти часовъ утра 19-го ноября до 7-ми часовъ вечера 20-го ноября.

Но чье же тѣло, однако, могло быть подложено?

Существуютъ три предположенія.

Первое,—наиболѣе распространенное и, въ сущности говоря, наименѣе вѣроятное — указываетъ на тѣло фельдъегера Маскова, умершаго, какъ известно, 3-го ноября при паденіи изъ экипажа по дорогѣ въ Таганрогъ. Я уже производилъ (глава II) подробности этого печальнаго событія по «Воспоминаніямъ» Д. К. Тарасова.

Великій князь Николай Михайловичъ въ своей брошюрѣ «Легенда о кончинѣ Александра I», дасть по этому поводу следующія интересныя свѣдѣнія.

«Во времена мои бесѣдѣ съ покойнымъ Николаемъ Карловичемъ Шильдеромъ, онъ неоднократно останавливался на этомъ случаѣ и обращалъ мое вниманіе на замѣтку Тарасова. Послѣ ряда усилий, чтобы найти кого-либо изъ потомковъ упившагося фельдъегера Маскова, Шильдеру удалось напастъ на стѣнѣ нѣкого Аполлона Аполлоновича Курбатова, профессора химіи въ технологическомъ институтѣ. Я лично пригласилъ профессора къ себѣ, и вотъ что онъ мнѣ передалъ въ 1902 г., вскорѣ послѣ кончины самого Шильдера. А. А. Курбатовъ приходился по матери своему внуку фельдъегерю Маскову, и у нихъ въ семье сложилось не то убѣжденіе, не то предположеніе, что будто бы дѣдъ ихъ, Масковъ, похороненъ въ соборѣ Петропавловской крѣпости, вмѣсто императора Александра I, что это преданіе ему, профессору, тоже известно, и, что дѣти Маскова допускали возможность такого преданія. Къ сожалѣнію, все дѣти Маскова давно умерли, ихъ было пять, два сына и три дочери, также не было въ живыхъ отца А. А. Курбатова, Аполлона Митрофановича, скончавшагося въ 1857 г. и его жены, Александры Нико-

лаевны, рожденной Москвой, умершей въ 90-хъ годахъ. Самъ профессоръ (въ то время уже пожилой человѣкъ), скончался въ 1903 году. Другихъ потомковъ, какъ сыновей Москова, такъ и остальныхъ его дочерей, мнѣ не удалось отыскать. Во всякомъ случаѣ курьезно, что такого рода преданіе могло вообще существовать и, по показанію профессора Курбатова, оно хранилось въ семьѣ въ тайнѣ и по понятіямъ причинамъ избѣгалось къ оглашенію. Въ Московскомъ Лефортовскомъ архивѣ я нашелъ не только формулярный списокъ Москова, но и подробное донесеніе капитана Михайлова командиру фельдшерскаго корпуса, майору Васильеву, писанное 6-го ноября 1825 г. изъ Таганрога. Оно схоже съ разсказомъ Шильдера и съ описаніемъ Тарасова, но кромѣ того указано точно мѣсто, где похороненъ фельдшеръ Московъ, а именно въ томъ селеніи, где случилось съ нимъ несчастье: «4-го числа ноября преданъ землѣ въ семъ же означенномъ селеніи при фельдшерѣ Вельшѣ, который былъ посланъ по приказанію начальника главнаго штаба его Высокопревосходительства генерал-адъютанта Дибича изъ города Орѣхова». Семейству Москова пожаловано было, по Высочайшему повелѣнію, полное содержаніе, которое онъ получалъ при жизни, и, кромѣ того, нѣсколько разъ отпускалась сумма на уплату долговъ, а младшая дочь, Александра (впослѣдствіи Курбатова) опредѣлена была на казенное содержаніе въ мытищанскоѳе училище благородныхъ дѣвицъ.

«Стѣдовательно, виѣ всякаго сомнѣнія, что тѣло погибшаго фельдшеря Москова было похоронено на другой день послѣ происшествія, т. е. 4 ноября, за 15 дней до кончины государя».

Въ этомъ разсказѣ великаго князя Николая Михайловича интересентъ, конечно, тотъ фактъ, что въ семьѣ Москова существовало убѣжденіе относительно погребенія убившагося фельдшеря въ усыпальницѣ императорской фамилии.

Почему такое предположеніе, обратившееся съ годами въ убѣжденіе, могло возникнуть?

За вѣроятность такого предположенія могъ бы свидѣтельствовать самъ фактъ его возникновенія. Въ самомъ дѣлѣ умираетъ фельдшеръ отъ несчастнаго случая, двѣ недѣли

спустя умираетъ императоръ. Ни по обстоятельствамъ, ни по времени, протекшему отъ одной смерти до другой — казалось бы нельзѧ было найти ни малѣйшаго повода для предположенія, что тѣло Москова было погребено вмѣсто императора. Между тѣмъ въ семьѣ появляется убѣжденіе, что это именно такъ было, и убѣжденіе это не выносится такъ сказать — на улицу, а наоборотъ — держится въ глубочайшей тайнѣ; стѣдовательно, нельзѧ заподозрить никакихъ корыстныхъ цѣлей. Съ другой стороны, мы видимъ, что семья Москова осыпана изъ ряда вонъ выходящими милостями. Ей въ видѣ пенсіи оставляютъ полностью получавшееся Московымъ жалованіе, а позже — уже Николай I нѣсколько разъ уплачиваетъ долги семьи погибшаго фельдшеря, и дочь его опредѣляется въ училище на казенный счетъ. Страннымъ тоже можетъ показаться тотъ фактъ, что Москова похоронили, вопреки обычая православной церкви, на слѣдующий-же день посты смерти, въ присутствіи какого-то фельдшера, специально командированного бар. Дибичемъ.

Если прибавить къ этому еще «необыкновенное выраженіе въ чертахъ лица государя» при полученіи извѣстія о смерти Москова, то преданіе, хранящееся въ его семье, несомнѣнно приобрѣтаетъ нѣкоторое правдоподобіе.

Съ другой стороны весьма вѣсскимъ аргументомъ противъ такого предположенія является продолжительность промежутка времени между 4 и 19-мъ ноября. Если Московъ умеръ 3-го ноября, то зачѣмъ понадобилось императору отложить исполненіе своего плана до 19-го, разъ что ему пришла мысль похоронить вмѣсто себя Москова? Да и какъ могли бы сохранить и тайно перевезти въ Таганрогъ трупъ умершаго фельдшера? тайно перевезти — это еще, конечно, было возможно, но — сохранить въ теченіи двухъ недѣль?

Возможно такое объясненіе: что Московъ не умеръ 3-го ноября, а позже, ближе къ 19-му; что 4 ноября похоронили въ присутствіи фельдшера пустой гробъ, и что Тарасовъ, опубликовавшій свои воспоминанія уже посты того, какъ онъ былъ посвященъ въ тайну Александра I, умышленно приуди-
малъ всю сцену своего доклада императору о смерти Москова. Но такое объясненіе мало правдоподобно.

Едобавокъ, этому противорѣчить и самый протоколъ вскрытия тѣла, не указывающій на поврежденіе черепныхъ и иныхъ костей.

Второе предположеніе о томъ, чье тѣло могло быть похоронено вмѣсто Александра таково: присужденный къ тѣлеснымъ наказаніямъ солдатъ таганрогскаго гарнизона не вынесъ «шипиртуновъ» и умеръ; воспользовались его трупомъ. Это предположеніе тоже болѣе, чѣмъ сомнително, т. к. тоже не соотвѣтствуетъ протоколу вскрытия тѣла.

Самымъ правдоподобнѣмъ является третье предположеніе котораго придерживался и Н. К. Шильдеръ—что похоронено было тѣло одного солдата (или фельдфебеля) Семеновскаго полка, находившагося и умершаго случайно въ Таганрогѣ; причемъ человѣкъ этотъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ императоромъ Александромъ.

Мнѣ лично неизвѣстно, на какихъ точныхъ данныхъ основывать покойный историкъ свою гипотезу; надо полагать, что какія-нибудь данные у него были о пребываніи и смерти этого солдата въ Таганрогѣ. Во всякомъ случаѣ, если эта догадка засохла на какихъ-либо основаніяхъ, то она является, конечно, самой правдоподобной, т. к. несомнѣнно похоронено было тѣло кого-то, умершаго за день до 18-го ноября и болѣе или менѣе похожаго на императора, скорѣе... менѣе, если судить по письму княгини Волконской (проявившейся глаза, немногого орлины носъ).

Быть можетъ, важную роль сыгралъ въ этомъ докторъ Александровичъ, о которомъ нигдѣ не упоминается, кроме частнаго письма изъ семьи Шихматовыхъ, и чья подпись фигурируетъ подъ протоколомъ вскрытия; быть можетъ ему, какъ «штабъ-лекарю», т. е. главному мѣстному врачу, была поручена миссія подыскать въ одномъ изъ госпиталей нужнаго покойника. Появился онъ во дворцѣ впервые 18-го числа, по Шихматовскимъ письмамъ для подачи медицинской помощи; но ни Вилліе, ни Тарасовъ, ни кн. Волконскій о немъ не упоминаютъ, хотя казалось бы, что будь онъ призванъ «профессионально», они должны были обѣ этомъ упомянуть.

Это, конечно, изъ области предположеній, но предположеній возможныхъ.

Въ концѣ концовъ, повторяю, что такъ или иначе найти чужое тѣло было нетрудно, разъ того желалъ императоръ съ молчаливаго согласія императрицы, Волконскаго и Вилліе; въ чѣмъ именно тѣло было подложено, это уже вопросъ второстепенный.

Воля царственнаго мистика была исполнена и сохранена въ тайнѣ, опять таки—болѣе или менѣе—въ тайнѣ... Слухи возникли еще почти у открытаго гроба, и войска съ артиллерией во главѣ охраняли во время шествія на сѣверъ эту плохо охраненную тайну...

«По какому-то случаю дано было знать императору Николаю Павловичу, и по распоряжению Его Величества быть присланъ Великий Князь Михаилъ Павловичъ. Онь по приѣздѣ своемъ въ городъ, прямо явился въ острогъ и первого постыдѣ старца Федора Кузьмича и сильно оскорбился на наставляющихъ, хотѣль ихъ привлечь къ суду, но старецъ уговорилъ Великаго Князя оставить все въ забвѣніи. Просилъ также, чтобы его осудили на поселеніе въ Сибирь, что также было исполнено». 26 марта 1837 г. Федоръ Кузьмичъ прибылъ въ 43-й партии ссыльныхъ въ Боготольскую волость Томской губерніи и былъ помѣщены на жительство на казенный Краснореченский винокуренный заводъ, хотя и былъ принесанъ къ деревне Зерцалы. Какъ во время перѣѣзда, такъ и во время пребыванія его на заводѣ съ нимъ обращались очень хорошо. Смотритель завода его очень любилъ, доставляя ему все необходимое и не назначаяль его ни на какія работы. Такое же отношеніе къ нему было и со стороны служащихъ и рабочихъ. Прожилъ онъ на заводѣ около пяти лѣтъ, а въ 1842 году перѣѣхалъ въ Бѣлоярскую станицу въ избу нарочно для него выстроеннюю казакомъ Семеномъ Николаевичемъ Сидоровымъ.

Родственникъ этого Сидорова—вѣроятно, братъ—Матвѣй Николаевичъ Сидоровъ, рассказывалъ впослѣдствіи, что какая-то высокопоставленная особа, по имени Марія Федоровна, присыпала старцу одежду и деньги*).

Прожилъ онъ у Сидоровыхъ всего нѣсколько мѣсяціевъ, т. к. крестьяне собѣдниихъ деревень постоянно посѣщали его, обращались къ нему за советами, старались переманить его каждый въ свою деревню, словомъ—мѣнили его уединенію. Онь перѣѣхалъ на мѣсто своей пріиниски, въ деревню Зерцалы, и поселился въ общей избѣ у отбывшаго срокъ наказанія затворника Ивана Ивановича, человѣка очень бѣднаго, скромнаго и добродушнаго; но здѣсь повторилось то-же, что было у Сидоровыхъ—ему не давали покоя. Ивановъ, замѣти это, построилъ для него отдѣльную келью въ деревнѣ, куда старецъ

*: Императрица Марія Федоровна скончалась въ 1828 г.; такъ что, если вероятно, М. Н. Сидорова имѣть въ виду именно ее, то это можетъ относиться только къ первымъ годамъ послѣ таганрогской драмы, иначе къ ея позирѣнной женѣ.

VIII.

Осеню 1836 года въ окрестностяхъ города Красноуфимска (Пермской губ.) къ находившейся тамъ кузницѣ подѣхалъ верхомъ на краснѣйшей лошади пожилой мужчина лѣтъ шестидесяти и просилъ подковать лошадь. Кузнецъ, выполнивъ заказъ, вступилъ въ то-же время въ разговоръ съ проѣзжими: куда и откуда онъѣдетъ, какъ звать и т. д. На всѣ эти вопросы старикъ отвѣчалъ неохотно и уклончиво. Такой образъ дѣйствій проѣзжаго, а также его барскія манеры, не соотвѣтствовавшій его крестьянскому кафттану—все это вмѣстѣ возбудило подозрѣнія кузнeca. Собралась понемногу толпа, которая въ концѣ концовъ и повела незнакомца въ городъ на допросъ.

На допросъ онъ отказался дать какія-либо свѣдѣнія о себѣ, кроме того, что онъ непоминый родства бродяга по имени Федоръ Кузьмичъ. Однако его наружность, манера говорить и держаться заставили допрашивавшихъ его лѣгть отнести къ нему съ большой мягкостью и осторожностью. Его всѣчески старались убѣдить открыть всю правду, да бы не подвергнуть его послѣдствіямъ закона о бродяжничествѣ; но онъ упорно стоялъ на своемъ. Результатомъ этого упорства было то, что его наказали двадцатью ударами плети и сослали на поселеніе въ Томскую губернію.

Ко времени этого допроса въ Красноуфимскѣ стѣдѣстъ по всѣмъ, вѣроятнѣмъ отнести слѣдующій разсказъ крестьянки Феклы Степановны Коробейниковой, слышанный ею отъ самаго Кузьмича.

и перебѣхаль, но жилъ тамъ только урывками, постоянно отлучаясь въ сосѣднія деревни.

Кромѣ того, въ первое лѣто (1843 г.) онъ ушелъ въ Енисейскую тайгу на золотые пріиски Попова, гдѣ и проработалъ нѣсколько мѣсяцевъ. Пріисками управлялъ тогда нѣкто Асташевъ, внослѣдствіи извѣстный золотопромышленникъ, чей сынь, между прочимъ, служилъ въ гвардіи, былъ хорошо извѣстенъ въ высшемъ петербургскомъ кругу и, если не ошибаюсь, былъ даже флигель-адъютантомъ.

Асташевъ выдѣлялъ Федора Кузьмича изъ числа всѣхъ служащихъ на пріискахъ и отзывался о немъ съ большимъуважениемъ.

Шесть лѣтъ спустя, старецъ снова перемѣнилъ свое мѣсто-жительство и перебѣхаль на берегъ реки Чулвинъ, въ двухъ верстахъ отъ села Краснорѣбченскаго. Тамъ ему была приготовлена келья богатымъ и очень популярнымъ крестьяниномъ Иваномъ Гавриловичемъ Латышевымъ на его пасѣкѣ.

У Латышева онъ прожилъ восемь лѣтъ, но не на одномъ мѣстѣ: такъ, въ 1851 г. онъ просилъ Латышева перенести его келью въ тайгу, въ 10-ти verstахъ къ сѣверу отъ села Краснорѣбченскаго, вблизи деревни Коробейниковой; а въ 1854—снова перебрался на Красную Рѣчку, гдѣ опять таки Латышевъ построилъ ему другую келью въ сторонѣ отъ дороги, въ чащи, на обрывѣ.

За этотъ періодъ его жизни популярность его все больше и больше возрастила; онъ же самъ обнаруживалъ все большую и большую склонность къ уединенію. Иногда онъ сидѣлъ по цѣлымъ днямъ запершись у себя въ кельѣ; очень мало кого принималъ, а если съ кѣмъ и бесѣдовалъ, то большей частью въ кельяхъ; почти совсѣмъ пересталъ посѣщать сосѣднія деревни, чѣмъ глубоко огорчилъ крестьянъ, привыкшихъ видѣть въ немъ наставника и совѣтника. Во время посѣщенія деревень онъ обучалъ грамотѣ, священному писанію, исторіи, географіи, давалъ цѣнныя указанія по сельскому хозяйству и землемѣрю изъ особенности.

Къ пребыванію его у Латышева относятся слѣдующіе разсказы о немъ современниковъ и лица, знавшихъ его.

«Къ Федору Кузьмичу заходили многие прѣѣзжающіе; изъ нихъ были и люди благородные, высокие. Это беспокоило Фе-

дора Кузьмича. Однажды Федоръ Кузьмичъ, поднявшись на верхъ кельи, замѣтилъ въ трубѣ что-то положенное, крайне смущился этимъ и огорчясь, сказалъ хозяину: «зачѣмъ это мнѣ положили неподобающее мнѣ?»

«А что это было, разсказывавшая не могла объяснить, потому что Федоръ Кузьмичъ не объяснилъ и на вопросъ хозяина отвѣчалъ: «Нѣть, панокъ, это запечатано», т. е. это его тайна, которую нельзя открыть».

«Федоръ Кузьмичъ обладалъ большой физической силой: такъ, при метаніи сѣна поднималъ на вилы чуть не кону сѣна и метать это на стогъ, не опирая конца вилъ сперва въ землю, какъ обыкновенно это дѣлаютъ метатели сѣна, а поднималъ всю тяжесть на рукахъ, что приводило въ удивление пріателей». (Преосвященный Макарій, епископъ Томскій и Барнаулскій со словъ одной старицы, лично знающей Федора Кузьмича).

Крестьянинъ села Боготоль, Булатовъ, который неоднократно посѣщалъ Федора Кузьмича, человѣкъ весьма почтенный и словамъ котораго можно вѣрить высказывалъ о старцѣ Федорѣ Кузьмичѣ мнѣніе, какъ о важномъ лицѣ, принявшемъ на себя добровольно обѣть молчанія и со смиренiemъ перенесшемъ всѣ наказанія и лишенія ссыльного. Онъ нисколько не скрывалъ ходячаго въ этомъ краю мнѣнія нѣкоторыхъ, что это никто другой, какъ императоръ Александръ I, но положительныхъ доказательствъ этого послѣдняго никто привести не можетъ.

«Преосвященный Афанасій, епископъ Иркутскій, въ бытность свою въ сельѣ Краснорѣбченскому пожелалъ видѣться со старцемъ и попросилъ у хозяина, Латышева, лошадь; запрягли лошадь въ маленькую одноколку и тотчасъ же послали за старцемъ. Когда старецъ подѣхалъ къ латышевскому крыльцу, владыка вышелъ встрѣтить его на крыльцо. Выйдя изъ одноколки, старецъ Федоръ поклонился архіерею въ ноги, а владыка старцу, при чѣмъ они взяли другъ у друга правую руку и поцѣловали, какъ цѣлюются между собой священники. Затѣмъ преосвященный, уступая дорогу старцу, просилъ его идти впередъ, но старецъ не соглашался; наконецъ, владыка, взвѣвъ старца за правую руку, ввелъ его въ горницу, гдѣ раньше самъ сидѣлъ и началъ съ нимъ ходить, не выпуская

его руки, какъ два брата; долго они такъ ходили, много говорили даже не по-нашенски, не по-русски и смѣялись. Мы тогда стали дивиться, кто такой нашъ старецъ, что ходить такъ съ архіереемъ и говорить не по-нашенски».

(Упоминаемый въ этомъ разсказѣ преосвященный Афанасій постѣ этой первой встречи неоднократно прѣѣзжалъ къ Федору Кузьмичу изъ Иркутска, останавливался въ его кельѣ и проживалъ у него иногда по иѣскольку дней).

«Старецъ называлъ себя бродягой и говорить, что картины свои купилъ у какого-то князя Волконского».

(Картины, о которыхъ тутъ говорится,—дѣл гравюры; одна изъ нихъ, изображающая икону Почаевской Божией Матери въ чудесахъ, интересна тѣмъ, что на ней есть инициалы АІ на престольныхъ облаченіяхъ въ тѣхъ изображеніяхъ чудес отъ иконы, которая совершилась въ храмѣ. Гравюра напечатана иль 1855 г. съ дозвolenія цензора, протоіеря Петра Велицкаго, но едѣ неизвестно, т. к. лѣвый нижний уголъ гравюры сторѣль въ 1857 г. по неосторожности купца Хромова, у которого гравюра хранилась постѣ смерти старца. О какомъ князѣ Волконскомъ идеть рѣчъ, мнѣ донескаться не удалось; во всякомъ случаѣ не о ген.-ад. кн. П. М. Волконскомъ и не о дѣка-брѣстѣ, т. к. обоихъ ихъ ужъ не было въ живыхъ въ концѣ 50-хъ годовъ).

«Однажды на пасѣкѣ Латышева у него былъ графъ Толстой, который прѣѣхалъ къ нему утромъ, просидѣть до поздняго вечера, но о чѣмъ говорили они между собой—неизвестно».

«Однажды старецъ Федоръ приходитъ къ Парамонову (пер-ковный староста въ с. Краснорѣченскомъ). У Парамонова въ это время жилъ солдатъ Олењевъ, занимавшійся сапожнымъ мастерствомъ. Увидавъ изъ окна проходившаго въ домѣ Федора Кузьмича, Олењевъ спросилъ у бывшихъ въ избѣ крестьянъ: «кто это?» затѣмъ, бросившись въ избу внерѣль старца съ крикомъ: «это царь нашъ, батюшка Александръ Павловичъ!», отдать ему честь по-военному; тогда старецъ скажъ ему: «мнѣ не стѣдуетъ воздавать воинскія почести, я бродяга; тебѣ за это возьмутъ въ острогъ, а меня здесь не будешь; ты никому не говори, что я царь».

«Однажды со старцемъ былъ такой случай: недалеко отъ

его кельи работники Латышева производили какія-то полевые работы и при этомъ пѣли пѣсни. Вдругъ они запѣли пѣсню, начинающуюся словами:

«Бадиль русскій бѣлый царь,
Православный государь
Изъ своей земли далекой
«Злобу поражать...»

«Во времія пѣнія старецъ Федоръ Кузьмичъ сидѣть на за-валенікѣ у своеї кельи. Лишь только онъ услышалъ вышепри-веденную пѣсню, онъ задрожалъ, заплакалъ и ушелъ въ свою келью, а затѣмъ подозывалъ одного изъ латышевскихъ рабочихъ, приказалъ прекратить пѣніе, а послѣ просилъ Латы-шева, чтобы онъ не позволялъ своимъ рабочимъ пѣть пѣсни обѣ Александре I».

«Къ Василію Ускову хаживалъ поселенецъ, плотникъ Семенъ Андреевъ, который часто бывалъ у старца Федора Кузьмича. Онъ разсказываетъ: бывало пойдешь съ Федоромъ Кузьмичемъ гулять по полю или лѣсу, а онъ идетъ и про себя подъ носъ бурчить—быть царь, теперь бродяга, живу въ бѣд-ности».

«Отецъ Георгій Бѣлоусовъ слышалъ о томъ, что проходив-ший въ партии ссылочныхъ солдатъ узналъ въ старцѣ Федорѣ императора Александра и паль передъ нимъ на колѣни. Федоръ Кузьмичъ поспѣшилъ поднять его на ноги и просилъ ни-кому не говорить, кто онъ; но солдатъ не послушался и раз-сказалъ».

«Однажды при починкѣ рамы окна кельи Федора Кузьмича, его сильно беспокоили. Старецъ не вытерпѣлъ и разсердив-шись, гиѣвно сказали: «перестаньте! если бы вы знали, кто я, вы бы не осмѣялись меня такъ беспокоить. Стоить мнѣ на-писать одну строчку въ Петербургъ, и васъ на свѣтѣ не буд-детъ».

«Латышевы говорили, что Федоръ Кузьмичъ московскій старообрядческий архіерей, скрывающейся адѣсь отъ полиціи».

(Это послѣднее предположеніе во всякомъ случаѣ непра-вильно, т. к. Федоръ Кузьмичъ неоднократно подчеркивать свою непринадлежность къ духовному званію).

«Отецъ Георгій Бѣлоусовъ говорилъ, что старецъ Федоръ Кузьмичъ не причащался, потому, какъ онъ самъ говорилъ о себѣ, что онъ уже отпѣтъ».

«Федоръ Степановичъ Голубевъ свидѣтельствуетъ, что старецъ сказалъ ему: «многіе говорятъ про меня, что я изъ архіереевъ, напрасно они говорятъ это—я изъ людей гражданскихъ». Въ это время въ солдатской казармѣ, недалеко отъ кельи играла музыка. Старецъ сказалъ: «вотъ, любезный, нынче и музыка-то другого направленія; а въ станицу была хуже». Видно было, что онъ понималъ хорошо музыку».

За время пребыванія старца у Латышева, онъ, какъ я уже упоминалъ выше, мало кого принималъ и поѣзжалъ, и искалъ единенія. Однако среди мѣстныхъ крестьянъ нѣкоторые пользовались его расположениемъ: два его бывшихъ квартирхозяина Иванъ Ивановъ и казакъ Сидоровъ, семья крестьянина Ивана Яковлевича Коробейникова, семья Латышева и семья крестьянина Ивана Федотовича Ерлыкова (изъ деревни Мазуля, Ачинского округа).

Но самыми близкими его другомъ была одна бѣдная сирота, крестьянка Александра Никифоровна, которая познакомилась съ нимъ, когда ей было всего еще двѣнадцать лѣтъ, и которой онъ замѣнилъ умершихъ родителей.

Исторія этой дѣвушки въ высшей степени любопытна съ точки зрѣнія интересующаго насъ вопроса.

Проведя свое дѣтство около старца, она переняла отъ него то, что можно было бы назвать почти религиозной маніей, и рѣшила отправиться странствовать по русскимъ монастырямъ. Ея братя всячески старались отговорить ее и хотѣли выдать ее замужъ. Но она настояла на своемъ и въ 1849 году, снабженная старцемъ подробными свѣдѣніями о маршрутахъ путешествія, о монастыряхъ, о лицахъ, оказывающихъ гостепріимство странникамъ, пустилась въ далекій путь...

«Какъ бы мнѣ увидѣть царя?» говорила она старцу, разспрашивая его о разныхъ высокопоставленныхъ лицахъ.

«Погоди», задумчиво отвѣтчалъ онъ: «можетъ быть и изъ одного царя на свое мѣсто вѣку увидѣть придется, Богъ дастъ и разговаривать съ нимъ будешьъ...»

Этимъ словамъ Федора Кузьмича суждено было, въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, сбыться. Слѣдуетъ даний

ея инструкціи, Александра Никифоровна разыскала въ Почекаевъ графиню Остенъ-Сакенъ, и проживъ тамъ нѣсколько дней, приняла приглашеніе графини побѣхать вмѣстѣ съ нею въ Кременчугъ, гдѣ находился мужъ графини, известный своимъ благочестіемъ, графъ Дмитрій Ерофеевичъ и его семья. Молодая сибирячка очень понравилась Остенъ-Сакенамъ и они пріютили ее у себя на нѣсколько мѣсяцевъ.

Случилось такъ, что какъ разъ, когда Александра Никифоровна жила у графа, прѣѣхалъ въ Кременчугъ императоръ Николай и тоже остановился у Остенъ-Сакеновъ. Она была ему представлена и, повидимому, тоже завладѣла его симпатіей. Онъ съ ней долго бесѣдовалъ, разспрашивая о Сибири.

Александра Никифоровна, бойкая и смѣшная дѣвушка, нѣсколько не растерялась отъ такой казалось бы удивительной для нея встрѣчи и отвѣтчала императору на всѣ его вопросы.— «Вотъ», говорилъ государь Остенъ-Сакену: «какая у тебя смѣлая гостья прѣѣхала».— «А чего же мнѣ, говорю, бояться? Со мной Богъ да святыми молитвами великий старецъ Федоръ Кузьмичъ, а вы всѣ такие добрые: ишь какъ меня угощаете!».

«Графъ только улыбнулся, а Николай Павловичъ какъ бы насупился».

Покидая Кременчугъ, императоръ велѣлъ Остенъ-Сакену дать дѣвушкѣ записку-проспукъ на случай, если-бы она поѣхала въ Петербургъ.

«Если будешь въ Петербургѣ», сказала онъ Александра Никифоровна: «заходи во дворецъ, покажи ту записку и ни-гдѣ не задержать,—разсказалъ бы мнѣ о своихъ странствованіяхъ; если будетъ тебѣ въ чемъ нужда, обратись ко мнѣ, я тебя не забуду».

Этотъ разсказъ Александры Никифоровны (цитируемый также г. Василичемъ въ его книжѣ) несмотря на его, казалось бы, анекдотичность, совершенно правдивъ, такъ-же какъ и продолженіе его принимающее почти, какъ справедливо замѣчаетъ г. Василичъ, сказочный характеръ. Продолженіе это касается ея второй поѣздки и ея замужества; я приведу его постъ.

Запиской, выданной ей по Высочайшему повелѣнію графомъ Остенъ-Сакеномъ, Александра Никифоровна не имѣла

случая воспользоваться, т. к. въ Петербургъ не поѣхала, а проживъ три мѣсяца у графа и посѣтить нѣсколько окрестныхъ монастырей, вернулась во-своиси.

Вотъ какъ она описываетъ свою встрѣчу съ Федоромъ Кузьмичемъ (цитирую по книгѣ г. Василича): «Императоръ Александръ и старецъ Федоръ Кузьмичъ».

«Долго обнималъ меня Федоръ Кузьмичъ, прежде чѣмъ приступить ко мнѣ съ разспросами о моихъ странствованіяхъ, и все-то я рассказывала ему, где была, что видѣла и съ чѣмъ разговаривала: слушать онъ меня со вниманіемъ, обо всемъ разспрашивалъ подробнѣо, а потомъ сильно задумался: смотрѣла я на него, смотрѣла, да и говорю ему спроша: «батюшка Федоръ Кузьмичъ! Какъ вы на императора Александра Павловича похожи!» Какъ я только это сказала, онъ весь въ лицѣ измѣнился, поднялся съ мѣста, брови нахмурились, да строго такъ на меня: «а ты почемъ знаешь? кто тебя научилъ такъ сказать мнѣ?» Я испугалась. «Никто, говорю, батюшка,—это я такъ спроша сказала; я видѣла во весь ростъ портретъ императора Александра Павловича у графа Остенъ-Сакена, мнѣ и пришло на мысль, что вы на него похожи, и такъ же руку держите, какъ онъ».

На это старецъ ничего ей не отвѣтилъ, а вышелъ въ другую комнату, заплакалъ и утиралъ слезы рукавомъ рубашки.

Помимо всѣхъ вышеупомянутыхъ разсказовъ имѣются еще слѣдующія свѣдѣнія о пребываніи старца у Латышева.

Онъ вѣрь обширную переписку съ различными лицами и постоянно получалъ всякия извѣстія о положеніи дѣлъ въ Россіи, но тщательно скрывалъ чернила и бумагу. Вставать онъ очень рано, но какъ онъ проводилъ свободное время, никто не зналъ, т. к. кѣты были заперта. Въ молитвѣ? Въ писаніи писемъ? Вѣроятнѣе всего—и въ молитвѣ, и въ писаніи писемъ? Вѣроятнѣе всего—и въ молитвѣ, и въ писаніи писемъ.

Пища его была самая скромная: сухари и вода, но онъ никогда не отказывался, когда его угождали, не только отъ рыбы, но даже и отъ мяса. «Я вовсе не такой постникъ, за какого ты принимашъ меня», сказали онъ однажды одной изъ своихъ почитательницъ.

Всякаго рода событія давалъ онъ безвозмездно; разговаривать съ незнакомыми всегда стоя или прохаживаясь по ком-

натѣ, держа руки на бедрахъ или придерживая одной рукой грудь. Были у него двѣ знакомыя старушки, пришедши въ Сибирь вмѣстѣ съ нимъ въ одной партии, новгородскія огородницы, крѣпостныя; они часто посѣщали ихъ. 30-го августа (въ день Александра Невскаго) старушки заготовляли въ его честь незатѣмъ деревенское пиршество, и они проводились у нихъ цѣлый день. Въ такихъ случаяхъ онъ бывалъ всегда въ немнога приподнятомъ настроеніи, вспоминалъ о Петербургѣ: «Какія торжества были въ этотъ день въ Петербургѣ! стрѣляли изъ пушекъ, развѣшивали ковры, вечеромъ по всему городу было освѣщено!..»

Вообще (пишетъ г. Василичъ) знаніе петербургской придворной жизни и этикета, а также событий начала нынѣшняго (19-го) и конца прошлаго (18-го) столѣтій онъ обнаруживалъ необычайное; зналъ всѣхъ государственныхъ дѣятелей и высказывалъ иногда довольно вѣрнья (это зависитъ отъ точки зрѣнія, добавлю я отъ себя) характеристики ихъ. Съ болѣшимъ благоговѣніемъ отзывался онъ о митрополитѣ Филаретѣ, архимандритѣ Фотіи и др. Разсказывалъ объ Аракчеевѣ, его военныхъ поселеніяхъ, о его дѣятельности, вспоминалъ о Суворовѣ, Кутузовѣ и пр. Замѣчательно, что Федоръ Кузьмичъ никогда не упоминалъ объ императорѣ Павлѣ I и не касался характеристики Александра Павловича. Только события, тѣсно связанные съ именемъ этого императора, неизбѣжно должны были вызывать въ немъ нѣкоторыя сужденія.

замѣчаетъ: «исторія Александры Никифоровны принимаетъ уже совершенно сказочный характеръ, напоминая собой сверхъестественныя приключенія героевъ тысячи и одной ночи. Тѣмъ не менѣе достовѣрность дальнѣйшихъ событий вполнѣ подтверждается неопровергнутыми фактами и заставляетъ только удивляться».

Вотъ подробности путешествія.

Всѣ, на кого указывалъ ей Федоръ Кузьмичъ, принимали ее съ особеннымъ гостепріимствомъ, указывали дальнѣйшій путь и ограждали отъ разныхъ случайностей. Въ Петербургъ черезъ генерала (фамилію его она забыла) ей пришлось проѣхаться въ Валаамъ на одномъ пароходѣ съ покойной императрицей Маріей Александровной, которая, узнавъ отъ своихъ фрейлинъ о томъ, что на пароходѣ находится молодая сибирячка, пригласила ее къ себѣ и долго разговаривала о Сибири.

Въ Кіевѣ она разыскала отца Парфенія, который, между прочимъ, сказалъ ей:

— «Нечего тебѣ дѣлать въ Сибири. Оставайся здѣсь, погодѣ у меня, а когда причастишься Св. Таинъ, я скажу тебѣ, куда отправиться».

Исполнивъ его приказаніе, Александра Никифоровна прішла къ нему за совсѣтомъ.

— «Если кто-нибудь будетъ звать тебя въ Почаевъ, то поѣзжай туда», сказала о. Парфеній; «и приходи ко мнѣ, я благословлю тебя».

— «Но я уже была тамъ».

— «Все равно, поѣзжай».

На другой день въ церкви по окончаніи службы она встрѣтила какого-то пожилого офицера, который пристально на нее смотрѣлъ и въ концѣ концовъ спросилъ ее:

— «О чемъ вы такъ горько плакали?»

— «Не знаю куда идти: хочется вернуться домой, а старецъ Парфеній советуетъ отправиться въ Почаевъ».

— «Пойдемте вмѣстѣ въ Почаевъ», отвѣтилъ офицеръ: «я тоже туда ѿду; а теперь пойдемте ко мнѣ чай кушать».

— «А вы семейный?» спросила она въ замѣшательствѣ.

— «Да, у меня большое семейство. Не бойтесь, у меня остаются разныя страницы. Меня здѣсь всѣ знаютъ. Я—майоръ Федоровъ».

IX.

По возвращеніи Александры Никифоровны изъ Россіи ей не было отбоя отъ женщиковъ, да и братья ея продолжали настаивать на ея замужествѣ; но она по-прежнему посвящала все свое время заботамъ о старѣ, который въ свою очередь руководилъ ея поступками.

— «Погоди», говорилъ онъ ей: «усѣбешь еще выйти замужъ. За твою доброту Богъ не оставитъ тебя, и царь позабочится наградить тебя за твоё обо мнѣ полеченіе».

— «Не трогайте ее», убѣждаль онъ ея братьевъ: «она не останется на вашей шеѣ и не будетъ нуждаться въ нашемъ хлѣбѣ, самъ царь наградить ее своей казнью».

Въ концѣ 1857 года онъ снаряжаетъ свою любимницу на богомолье въ Россію и снова снабжаетъ ее всевозможными свѣдѣніями о различныхъ лицахъ; особенно настаиваетъ онъ на томъ, чтобы она посѣтила въ дальнихъ пещерахъ Киево-Печерской Лавры иѣзукого скита Парфенія.

— «А что, Сашенька, ты меня не боишься?»

— «Что же мнѣ вѣсель бояться-то, Федоръ Кузьмичъ, вѣсель ласковы всегда ко мнѣ были, да и другихъ-то никого не обижаете».

— «Это только теперь я съ тобой такой ласковый, а когда я былъ великимъ разбойникомъ, то ты, наизѣрное, испугалась бы меня».

Привожу дальнѣйшее описание путешествія Александры Никифоровны по книгѣ г. Василича, который въ свою очередь приводитъ его по запискамъ самой молодой женщины. При этомъ г. Василичъ, какъ я уже упоминалъ, справедливо

Войдя въ домъ майора, она тотчасъ увидѣла все его семейство: это была цѣлая толпа странницъ и странниковъ.. Дня черезъ два майоръ собралсяѣхать въ Почаевъ Александру Никифоровну очень беспокоила мысль, что она не имѣть паспорта, потому что старому срокъ давно уже истекъ.

— «Я вашъ паспортъ», замѣтилъ ей по этому поводу майоръ: «со мной можетъ быть совершенно спокойны, вѣсъ никто не обидитъ. Пойдемте».

По прибытии въ Почаевъ, по совету майора, Александра Никифоровна остановилась у двухъ старушекъ, ему знакомыхъ. На другой день, послѣ обѣдни, приходить какой-то монахъ и просить Александру Никифоровну пожаловать къ преосвященному Исидору (тогдашнему экзарху Грузіи, пріѣзжавшему въ Почаевъ и жившему тамъ по нѣскольку недѣль).

— «Зачѣмъ я къ нему пойду? вѣдь преосвященный меня не знаетъ. Не обмань ли это како?» а потому и отказалась отъ приглашенія. Черезъ нѣсколько минутъ монахъ вернулся и повторилъ просьбу преосвященнаго; тогда, скрѣвши сердце, отправилась Александра Никифоровна къ нему.

Преосвященный тотчасъ же принялъ ее очень радушно, усадилъ за столъ, велѣлъ подать кофе и закидаль ее разными вопросами.

— «Какъ это вы не боитесьъ», сказала онъ ей между прочимъ: «въ такихъ лѣтахъ (ей было тогда 32 года) пускаться въ такое дальнее путешествіе? мой советъ—выходите-ка вы лучине замужъ, а я отыщу вамъ жениха хорошаго».

Нечего и говорить, какъ поразило такое предложеніе со стороны почтеннаго архіерея набожную странницу. Преосвященный позовилъ и велѣлъ пригласить дождавшагося у него въ кабинетѣ майора Федорова.

— «Вотъ», сказала преосвященный: «вы очень понравились майору Федору Ивановичу, и онъ непремѣнно хочетъ просить руки вашей. Мой отеческій советъ—не отказывайтесь».

Преосвященный Исидоръ отъ себя вы требовалъ изъ Краснорѣченскаго ея метрику и Александру Никифоровну вышила замужъ за майора Федора Ивановича Федорова.

Проживши въ Киевѣ съ мужемъ, уже вышедшимъ въ отставку, пять лѣтъ, она овдовѣла и воротилась на родину, но уже не застала въ живыхъ старца Федора Кузьмича.

На этомъ оканчивается удивительная исторія путешествій и замужества Александры Никифоровны. Вернувшись въ Сибирь, она поселилась въ Томскѣ, гдѣ и скончалась въ преклонномъ возрастѣ.

Въ томъ-же 1857 году, когда Федоръ Кузьмичъ отправилъ свою любимицу въ Россію, онъ познакомился съ состоятельнымъ томскимъ купцомъ Семеномъ Феофановичемъ Хромовымъ, который настолько увлекся старцемъ, его разговорами, советами, что построилъ на своей землѣ (въ 4 verstахъ отъ Томска) отдельную келью и убѣдилъ Федора Кузьмича перѣѣхать туда. 31 октября 1858 года старецъ распостился съ Зерцалами и окрестными деревнями, гдѣ онъ въ общей сложности прожилъ около двадцати лѣтъ, и переселился къ Хромову.

Передъ отѣздомъ онъ перенесъ изъ своей кельи въ часовню образъ Печерской Божіей Матери (привезенный ему одной изъ его ученицъ—Натальей Яковленной «Поповой»), и Евангелие. Въ день своего отѣзда онъ заказалъ молебень, на которомъ присутствовали мѣстные крестьяне, и послѣ молебна поставилъ въ часовнѣ раскрашенный вензель—букву А съ короной надъ ней и летящимъ голубемъ вмѣсто перечерка.

— «Храните этотъ вензель пуще своего глаза», сказала онъ при этомъ крестьянамъ.

По другой версіи (свящн. Тыжнова) старецъ при оправѣ иконы въ рамку вложилъ букву А, сказавъ при этомъ:

— «Подъ этой литерой хранится тайна—вся моя жизнь. Узнаете, кто бытъ».

Эта икона такъ-же, какъ и вензель хранятся по сю пору въ часовнѣ деревни Зерцалы (Ачинскаго округа).

Приведу опять-таки со словъ современниковъ и лицъ, знавшихъ таинственнаго старца, нѣкоторыя подробности о послѣднѣхъ шести годахъ его жизни, проведенныхныхъ у Хромова.

Чиновница Бердяева пріѣхала въ Томскъ искать себѣ квартиру въ семейномъ домѣ; ей указали на домъ Хромова. Приѣхавши, Бердяева встрѣтилась со старцемъ и, вскрикнувъ, упала въ обморокъ. Старецъ сказалъ хромовскимъ работникамъ: — «Приберите эту женщину».

Ее унесли и привели въ чувство. Послѣ этого старецъ сказалъ Хромову: «Не пропускайте эту женщину сюда».

Впослѣдствіи Бердяева рассказывала, что въ старцѣ Федорѣ она узнала Александра I.

Томскій мѣщанинъ Иванъ Васильевичъ Зайковъ разсказывалъ посланному Великаго Князя Николая Михайловича, Н. А. Лашкову слѣдующее:

Бѣ 50-хъ и 60-хъ годахъ въ Томскѣ жилъ совѣтникъ губернскаго суда Левъ Ивановичъ Савостинъ. Онъ часто посѣщалъ старца и раза два приводилъ туда Зайкова.

«Старецъ былъ глуховать на одно ухо, потому говорить не-много наклонившись. При настѣ во время разговора, онъ или ходилъ по келіи, заложивъ пальцы правой руки за поясъ, какъ это дѣлаютъ почти всѣ военные, или стоялъ прямо, повернувшись спиной къ окошку. Прійди въ келію и поздоровавшись со старцемъ издали, мы могла садились. Старецъ первый предлагалъ вопросы, а Савостинъ отвѣчалъ на нихъ. Во время разговоровъ обсуждались всевозможные вопросы: государственные, политические и общественные. При обсуждении первыхъ, Савостинъ становился передъ старцемъ въ почтительную позу и не перемѣнялъ ее, пока такой разговоръ не прекращался; въ такомъ случаѣ старецъ только приказывалъ, а Савостинъ только слушалъ. Говорили иногда на иностраннѣхъ языкахъ и разбирали такие вопросы и реформы, какъ всеобщая воинская повинность, освобожденіе крестьянъ, война 1812 года, причемъ старецъ обнаруживалъ такое знаеніе этихъ событий, что сразу было видно, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Позднѣе—всѣ эти вопросы осуществились такъ, какъ о нихъ говорилъ старецъ».

Эти показанія Зайкова вполнѣ подтверждаются рассказами Ивана Григорьевича Чистикова, хорошо знавшаго старца.

«Старецъ хорошо зналъ иностраннѣе языки, современны ему политическая события и современное ему высшее общество. Разсказывая крестьянамъ или своимъ посѣтителямъ о военныхъ походахъ, особенно о событияхъ 1812 года, онъ какъ бы перерождался: глаза его начинали горѣть яркимъ блескомъ и онъ весь ожидалъ; сообщать же онъ такія подробности, вѣдавалась въ описаніе такихъ событий, что казалось бы онъ самъ вновь переживалъ давно прошедшее время. Напримѣръ, разсказывать онъ о томъ, что когда Александръ I въ 1814 году вѣзжалъ въ Парижъ, подъ ноги его лошади постигали шел-

ковые платки и матеріи, а дамы на дорогу бросали цѣбы и букеты; что Александру это было очень пріятно; во время этого вѣзда графъ Меттернихъ щѣхъ спрашивалъ отъ Александра и имѣть подъ собой на сѣдѣ подушку... Когда въ Россіи появилась ложа масоновъ, Александръ сѣдѣлъ засѣданіе изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ съ цѣлью обсудить вопросъ: «слѣдуетъ ли допустить эту ложу въ Россіи или нѣтъ». «Александру», замѣтилъ старецъ: «не быть ни еретикомъ, ни масономъ».

Въ этомъ разсказѣ Чистикова любопытна, между прочимъ, слѣдующая деталь: знаменитый австрійскій канцлеръ Меттернихъ извѣстенъ вообще подъ своимъ княжескимъ титуломъ, и только лицо дѣйствительно хорошо знакомое съ событиями и лицами начала 19-го столѣтія могло—въ глухомъ мѣстечкѣ, гдѣ-то въ Сибири—знать, что Меттернихъ носилъ титулъ графа, хотя, впрочемъ, при вступленіи союзниковъ въ Парижъ онъ уже пять мѣсяцевъ какъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство.

Нѣкто Скворцовъ, который жилъ недалекъ отъ келіи старца, рассказывалъ слѣдующее:

«Жили у него два сысльныхъ, бывшіе истопники царскіе. Одинъ изъ этихъ истопниковъ заболѣлъ и второй пошелъ къ старцу попросить его молитвы. Истопникъ, войдя въ келію старца, бросился передъ нимъ на колѣни и, опустивъ голову и дрожа отъ страха, началъ рассказывать о цѣли своего посѣщенія старца. Старецъ слушалъ его, стоя у окна спиной, а лицомъ къ истопнику, и не перебивалъ его. Окончивъ свой рассказъ, истопникъ смолкъ и смыслилъ, что старецъ приближается къ нему, и чувствуетъ, какъ онъ обѣими руками поднимаетъ его съ колѣнъ и одновременно слышитъ и не вѣрить своимъ ушамъ—чудный, кроткий, знакомый ему голосъ:

— «Успокойся».

Встаетъ, поднимаетъ голову и, взглянувъ на старца, съ крикомъ, какъ снонъ, валится на полъ и теряетъ сознаніе: передъ нимъ стоялъ и говорилъ самъ императоръ Александръ I со всѣми его отличительными характерными признаками, но только уже въ видѣ сѣдого старца съ длинной бородой».

Ольга Максимовна Балахина разсказываетъ:

«Однажды я пришла въ келію старца Федора Кузьмича

и увидала въ ней Семена Феофановича Хромова, который изъ ящика съ вещами старца вынималъ какія-то бумаги и, взявши одну изъ нихъ, сказалъ мнѣ: «старца называютъ бродягой, а вотъ у него имѣется бумага о бракосочетаніи императора Александра Павловича съ императрицей Елизаветой Алексѣевной. Бумага эта была синеватаго цвѣта, толстая, величиной въ цѣлый обыкновенный листъ бумаги. На бумагѣ нѣкоторыя строки были напечатаны, а нѣкоторыя писаны. Помни, что въ этой бумагѣ Александръ I названъ еще Великимъ Княземъ. Внизу листа находилась черная печать съ изображеніемъ церкви. Что это было такъ, я готова принять присягу хоть сейчасъ».

Г-жа Кручевская, жена этакаго начальника на Красной Рѣчкѣ, разсказываетъ, что 9 февраля 1862 г. Федоръ Кузьмичъ далъ ей молитву «Тебѣ Бога хвалимъ», написанную стариннымъ почеркомъ на синей бумагѣ. Она побѣхала однажды въ Геесимянскій скитъ, въ Москвѣ; осматривая въ покояхъ митрополита Платона разѣбанные письма многихъ императоровъ, при взглядѣ на письмо Александра I ее поразило сходство почерка Александра съ почеркомъ той молитвы, которую Федоръ Кузьмичъ далъ ей.

А. С. Оконинникова разсказываетъ:

«Разъ я видѣла, какъ изъ кельи старца Федора Кузьмича въ его сопровождѣніи вышла молодая барыня и офицеръ въ гусарской формѣ, высокаго роста, очень красивый, похожій на покойного наставника Николая Александровича (старшаго сына императора Александра II). Федоръ Кузьмичъ проводилъ ихъ довольно далеко и, когда прощались, мнѣ показалось, что гусаръ у старца поцѣловалъ руку, чего онъ никому не позволялъ дѣлать. Вернувшись, Федоръ Кузьмичъ съ сіяющимъ лицомъ сказалъ: «дѣды-то какъ меня знали, отцы-то какъ меня знали, дѣти-то какъ меня знали, а внуки и правнуки вотъ какимъ видятъ».

Наталья Яковлевна Попова (уже упомянутая выше) спросила разъ старца о его родителяхъ, чтобы помолиться за нихъ. На это старецъ отвѣтилъ: «это тебѣ знать не нужно. Святая Церковь за нихъ молится; если открыть мнѣ свое имя, то меня скоро не будетъ. Тогда Небесная восплачеть, а земная возрадуется и возгремитъ... И если бы я при прежнихъ условіяхъ жизни находился, то долголѣтней жизни не достигъ бы».

СТАРЕЦЪ ФЕОДОРЪ КОЗЬМИЧЪ.

Маріамна Ивановна Ткачева, урожденная Ерликова, также старалась допытаться от старца, кто его родители. Онъ отвѣтилъ: «я родился въ древахъ; если-бы эти древа на меня посмотрѣли, то безъ вѣтра бы вершинами покачали».

Та же госпожа Ткачева приводитъ еще слѣдующія слова старца:—«я въ деньгахъ счета не зналъ, а когда въ партіи шелъ, тогда узнанъ гропи и конѣкки».

— «Когда въ 1812 году входилъ французъ въ Москву, Александръ приходилъ къ мощамъ Сергія Радонежскаго и помолился ему со слезами; слышанъ быть гласъ отъ угодника:— «иди, Александръ, дай полную волю Кутузову, да поможетъ Богъ изгнать француза изъ Москвы».

Кромѣ того, г-жа Ткачева подтверждаетъ также приведенный выше, со словъ г-на Чистикова, разсказъ Федора Кузьмича о вступлении императора Александра I въ Парижъ (безъ упоминания о Меттернихѣ).

Томская мѣщанка, Клавдія Чернышева, разсказываетъ, что при неѣ какая-то барыня спрашивала старца, откуда онъ родомъ, на что старецъ отвѣтилъ: «Залетный воробышекъ, царскій властелинъ».

Среди разсказовъ современниковъ о старцѣ слѣдовало бы отвести значительное мѣсто «запискамъ «самого Семена Феофановича Хромова; но къ сожалѣнію, Хромовъ искренно или искренно по простотѣ души или изъ расчета, посыпалъ левать десятыхъ своихъ записокъ всевозможнымъ... чудесамъ, совершеннымъ Федоромъ Кузьмичемъ частью при жизни, а главнымъ образомъ, послѣ смерти. Тутъ и даръ «провидція», и «недѣлія», и «благоуханія въ келіи», и «пламя надъ домомъ» итъ моментъ смерти старца, и «чудодѣйственная водицѣ зубка великаго старца», и т. п. сообщенія человѣка или наивно-вѣрующаго, или съ корыстной цѣлью добивающагося канонизации своего таинственнаго жильца. Хромовъ также дѣлаетъ весьма прозрачные намеки на то, что старецъ быть инишою иной, какъ Александръ I, но руководящей мыслью его записокъ является не выясненіе личности старца, а желаніе доказать необходимость причисленія его къ лицу святыхъ.

Я приведу ниже тѣ два-три отрывка изъ этихъ записокъ, которые могутъ представлять иѣкоторый фактический интересъ,

вообще же хромовская «запись» по вышеуказаннымъ причинамъ не можетъ считаться серьезнымъ историческимъ документомъ.

Старець Федоръ Кузьмич скончался въ своей кельѣ около дома Хромова въ 8 час. 45 мин. 20 января 1864 г.

Передъ смертью онъ сказалъ женѣ Хромова на ея просьбу «объяви хоть имя своего ангела»—«это Богъ знаетъ», а самому Хромову завѣщалъ похоронить его скромно («меня ты не величи»), подтвердилъ, что онъ «не монахъ» и, указывая на маленькой мышечкѣ, висѣвшей у изголовья кровати, сказать—«въ немъ моя тайна».

Объ этой «тайнѣ» намъ еще придется говорить.

Похороненъ старець на кладбищѣ Томскаго Алексѣевскаго мужскаго монастыря. На могилѣ его воздвигнута въ настоящее время часовня; въ сооруженіи этой часовни принимали участіе многие лица, среди которыхъ и членъ Государственного Собрания д. т. с. М. Н. Галкинъ-Брасский. Надпись на крестѣ гласитъ: «Здѣсь погребено тѣло Великаго Благословленнаго старца Федора Кузьмича, скончавшагося 20 января 1864 года». Слова «великаго благословленнаго» были потому по распоряженію томскаго губернатора г-на Мерцалова замазаны бѣлой краской...

Относительно наружности старца, его одежды, а также обстановки его келии—имѣются слѣдующія достовѣрныя сбѣдѣнія.

Ростъ онъ былъ высокаго (2 арш. 9 или 10 вершковъ), широкоплечий, съ высокой грудью; глаза голубые, лысый, но оставшися волосы мягкие и вьющіеся, борода длинная, черты лица правильныя, красивыя. Характеръ—мягкий, добрый, но испытывавшій.

Одежда его состояла изъ длинной холщевой блузы, холщевыхъ панталонъ, бѣлыхъ чулокъ и кожаныхъ туфель. Темно-синий халатъ или черный кафтантъ, а зимой выливавшая доха дополняли его незатѣмливый гардеробъ. Носовые платки имѣль онъ очень тонкіе, чулки мѣнилъ ежедневно. Чистоту соблюдалъ чрезвычайную, какъ въ своей одеждѣ, такъ и въ своей кельѣ. Обстановка всѣхъ его келий была одна и та же: столь, лежанка, два-три стула (самаго примитивнаго образца) и по стѣнамъ нѣсколько картины или гравюры религиознаго со-

держанія: иконы Божией Матери и Александра Невскаго, виды монастырей, портреты нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ—митрополитовъ, архіереевъ. На столѣ лежало Евангелие, Псалтирь, акаѳистъ Пресв. Животворящей Троицѣ, молитвенникъ (изд. Киево-Печерской Лавры) и «Семь словъ на крестѣ Спасителя».

Теперь я приведу нѣсколько небезинтересныхъ разсказовъ, относящихся къ смерти таинственнаго старца, а также къ обстоятельствамъ, имѣвшимъ мѣсто въ послѣдующіе за его смертью годы.

Протоіерей Илья Ioannovitch Изосимовъ разсказывалъ—со словъ Ф. Хромова,—что Федоръ Кузьмич всю свою жизнь тщательно скрывалъ отъ всѣхъ свое настоѧщее званіе, такъ что на прямой вопросѣ Хромова: «молваносится, что ты, дѣдушка, никто иной, какъ Александръ Благословленный, правда ли это?» отвѣтилъ: «Чудин дѣла твои, Господи, нѣть тайны, которая бы не открылась». Это было наканунѣ смерти старца, а на другой день, т. е. въ самый день своей кончины, онъ сказалъ Хромову: «ланокъ, хотя ты знаешь, кто я, но ты меня не величи, склони просто».

Статскій совѣтникъ Василій Семеновичъ Садовниковъ въ болѣтность свою въ Петербургѣ зашелъ въ лавку, гдѣ продавались карточки всѣхъ князей и царей, и, увидавъ среди нихъ карточку старца Федора, спросилъ продавца—почему эта карточка находится среди карточекъ настѣнныхъ особы? Купецъ ему отвѣтилъ: «такъ намъ приказано, почему—мы не знаемъ».

О. Илья Изосимовъ—опять таки со словъ Хромова—разсказываетъ о свиданіи Хромова съ министромъ Двора графомъ И. И. Воронцовъ-Дашковымъ.

«Въ залѣ (у графа Воронцова) вокругъ стола сидѣли восемь генераловъ. На вопросъ, правда-ли, что старецъ есть императоръ Александръ I, я отвѣтилъ: вамъ, какъ людямъ ученымъ, это знать можно лучше меня; потомъ между нами завязался крупный споръ. Одни говорили, что этого быть не могло, потому что история передаетъ о болѣзни, смерти и погребеніи императора Александра I; другіе же, наоборотъ, доказывали, что это все могло быть. Споръ былъ продолжительный; дошло даже до того, что одинъ изъ генераловъ сказалъ мнѣ: «если вы, Хромовъ, станете распространять молву о старцѣ и называть

его императоромъ Александромъ I, вы наживете себѣ много не- приятностей; я знаю, что Александра I въ дальний путь провожали десять человѣкъ», столь называть ихъ по фамиліямъ, но я могъ запомнить только Дибича, Адельберга и Соломку, а другихъ фамилій не упомню. Много было говорено здѣсь, но повидимому, ни къ какому соглашенію здѣсь не пришли. Тотъ господинъ, который пріѣжалъ за мной, сидѣлъ также среди генераловъ. Позже я узналъ, что это былъ Рудановскій. Прошло много времени, оттѣ Рудановскій пишетъ мнѣ телеграмму въ Томскъ—«Приготовьте мнѣ квартиру», и, дѣйствительно, онъ вскорѣ пріѣхалъ и жилъ у меня. Зачѣмъ онъ пріѣжалъ, осталось для меня тайной. Онъ постоянно бывалъ на панихидахъ въ кельѣ у старца Федора».

Иванъ Денисовичъ Митрополовъ, служившій въ Синодѣ, при К. П. Побѣдоносцевѣ, получилъ въ подарокъ отъ барнаульского мѣщанина Е. Ф. Сдобникова книгу съ надписью — «клиника, заключающая въ себѣ акаеністъ Воскресенію Христову, и сказание объ антихристѣ»; книгу эту русскими буквами, но славянскимъ слогомъ писанную, подарила, по словамъ Сдобникова, старецъ Федоръ одной благочестивой чиновницѣ въ Томскѣ; чиновница эта, проживая затѣмъ въ Бийскѣ, передъ своей смертью въ 1876 году подарила эту книгу одной своей знакомой, келейницѣ Таисіи, проживающей теперь въ Бийскѣ въ собственномъ домѣ. Эта келейница въ свою очередь подарила ее Сдобникову. И. Д. Митрополовъ въ С.-Петербургѣ, въ публичной библиотекѣ сличалъ эту рукопись съ нѣкоторыми писаніями Александра I: оказалось, что нѣкоторыя буквы схожи. Былъ тутъ генералъ Н. Ф. Дубровинъ, который сказалъ Митрополову: «показалите мнѣ эту книжку, я знаю почеркъ Александра I и тотчасъ же скажу, онъ ли писалъ это?». Увидавъ первую страницу акаеніста, Дубровинъ восхликалъ: — «Это писаль Александръ Павловичъ». Затѣмъ смотрѣлъ подлинныя письма, замѣтки и пр., писанные несомнѣнно рукой Александра I, сличалъ нѣкоторыя буквы: сходство есть, но видно, что въ акаеністѣ почеркъ измѣненъ намѣренно — однѣ и тѣ же буквы писаны различно. А. Ф. Бычковъ (директоръ Импер. Публ. Библ.) не согласился съ Дуброви- нымъ».

Однажды старецъ былъ боленъ и лежалъ въ больничѣ, ко-

торую поѣхать Клейнмихель; старецъ тогда постарался быть не узнаннымъ имъ и скрылся.

И. Н. Зайковъ разсказываетъ, что глубокой осенью 1864 г. рано утромъ его посѣтили два незнакомца высокаго роста военного сословія. Незнакомцы спросили его, знаетъ ли онъ, где похороненъ старецъ Федоръ.

«Когда я привезъ ихъ въ монастырь и указалъ имъ могилу, они, молясь,站али на колѣни, а затѣмъ тотчасъ же сказали мнѣ, что я имъ больше не нуженъ. Я ушелъ изъ монастыря и больше ихъ никогда не видѣть. Спустя нѣкоторое время явилась вторая пара такихъ же незнакомцевъ, которая тоже вызвала меня указать могилу старца Федора; я и имъ указалъ ее, они же опять меня отпустили, не позволивъ имъ ждать. Наконецъ, ранней весной слѣдующаго, 1865-го года, также таинственно явилась и исчезла новая пара военныхъ незнакомцевъ».

Англ. Семеновнѣ Оконишниковой старецъ Федоръ подарила 50-ї псаломъ собственноручно имъ переписанный. Почекъ старца, по словамъ г-жи Оконишниковой, весьма похожъ на почеркъ документовъ, несомнѣнно писанныхъ императоромъ Александромъ I, видѣнныхъ єю въ Историческомъ Музѣ въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, г-жа Оконишникова, всегда носившая при себѣ этотъ псаломъ, потеряла его недавно (въ концѣ 90-хъ или въ началѣ 900-хъ годовъ).

Въ семье Чистяковыхъ сохранился печатный экземпляръ молитви старца. Вотъ эта молитва:

«Отцу и Сыну и Св. Духу. Покалніе со исповѣданіемъ во вся дни».

«О, Владыко Человѣколюбче, Господи Отецъ, Сынь и Св. Духъ, Троица Святая, благодаря Тя, Господи, за Твоє великое милосердіе и многое терпѣніе, аще бы ни Ты, Господи, и не Твоя благодать покрыла мя грѣшнаго по вся дни и нощи, и часы, то уже бы азъ, окаянныи, погибъ, аки прахъ, предъ лицомъ вѣтра за свое окаянство, и любность, и слабость, и за вся свою пріестественные грѣхи, а когда восхищаетъ пріятъ ко отцу своему духовному на покалніе отча лица устыдихся грѣха утаить и иные забыты и не могохъ всего исповѣдать срама ради и множества грѣховъ моихъ, тѣмъ же убо покалніе мое нечистое есть и ложно рекомо, по Ты, Господи, свѣтлый тайну сердца

моего молчатися разбрѣши и прости къ моемъ согрѣшениіи и прости душу мою яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ. Аминъ.

Упомянутый выше г. Митрополовъ говорилъ директору Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ, А. Ф. Бычкову, что будто бы старецъ Федоръ Кузьмичъ исповѣдовалъ священнику тяжкій грѣхъ, что онъ участвовалъ въ кончины императора Павла I, отца своего, и чтобы испросить у Бога прощеніе за это, рѣшилъ взять на себя такой великий подвигъ—удаленіе въ Сибирь.

Въ заключеніе можно еще упомянуть, что Хромовъ пребывалъ въ С.-Петербургѣ, видался, какъ выше уже было сказано, съ министромъ Двора, графомъ И. И. Воронцовъ-Дашковымъ, а также съ оберъ-прокуроромъ Синода К. П. Побѣдоносцевымъ, государственнымъ контролеромъ Т. И. Филипповимъ и княземъ С. А. Долгорукимъ. Не цитирую разсказовъ Хромова, т. к. они не представляютъ особенного интереса; вкратцѣ говорятъ, эти разсказы сводятся къ тому, что упомянутые лица принимали его любезно и обнаруживали большой интересъ къ личности старца Федора Кузьмича; что онъ, Хромовъ, передалъ черезъ К. О. Побѣдоносцева Императору Александру III шапочку и портретъ, а также копію съ оставшихся записокъ старца, за что удостоился Высочайшей благодарности, и, наконецъ, что князь С. А. Долгорукій вполнѣ допускалъ возможность отождествленія Кузьмича съ Александромъ I.

X.

Мы ознакомились со всѣми документами и свидѣтельскими показаніями, касающимися старца Федора Кузьмича. Я не упомянуть только такія, которымъ по ихъ наивности или заѣдомой неискренности неѣтъ мѣста въ историческомъ изслѣдованіи. Впрочемъ и эти, неупомянутые мной, документы единогласно свидѣтельствуютъ о тождествѣ Кузьмича съ императоромъ Александромъ. Что же можно вполнѣ безпристрастно заключить изъ всего вышеприведеннаго?

Во-первыхъ, что таинственный старецъ былъ безусловно человѣкъ очень образованный, воспитанный, прекрасно освѣдомленный въ вопросахъ государственныхъ, историческихъ (въ частности—эпохи царствованія Александра I); знать иностранные языки, когда-то прежде носилъ военный мундиръ, бывалъ при Дворѣ, знать хорошо петербургскую жизнь, нравы, обычаи и привычки такъ называемаго высшаго круга.

Во-вторыхъ, что онъ самовольно принялъ на себя обѣть молчанія относительно выясненія своей личности; что онъ удалился отъ міра въ цѣляхъ искупленія какого-то тяжкаго грѣха, мучившаго его всю жизнь; что, не принадлежа къ духовному званію, онъ былъ очень религиозенъ, но не въ «церковномъ» смыслѣ слова, не въ обрядовомъ, а именно въ мистическомъ.

Въ третьихъ, что ни одно показаніе людей, знавшихъ его, не можетъ служить возраженіемъ противъ догадки, что онъ былъ именно императоръ Александръ I; наоборотъ, всѣ указания свидѣтельствуютъ въ пользу такой догадки, (я не говорю даже о тѣхъ, которыхъ прямо безъ обиняковъ называютъ старца Александромъ).

Въ самомъ дѣлѣ: наружность, ростъ, возрастъ, глухота на одно ухо, мозоли на колѣньяхъ, манера держать руки или на бедрахъ или одну за поясомъ, привычка принимать постороннихъ стоя и притомъ почти всегда спиной къ сѣву (т. е. къ окну)—все это указываетъ на несомнѣнное сходство съ Александромъ I.

Въ четвертыхъ,—Федоръ Кузьмичъ несомнѣнно вѣлъ съ какими-то лицами обширную переписку, а съ нѣкоторыми даже шифрованную; стоитъ только вспомнить хотя бы удивительную исторію Александра Никиторовны, ея пребываніе у графа Остеня-Сакена, ея встрѣчу съ Николаемъ I, ея замужество, подробная указанія на разныхъ лицахъ, данныхъ ей старцемъ... Тутъ кстати слѣдуетъ замѣтить, что несмотря на несомнѣнность факта, что Федоръ Кузьмичъ вѣлъ переписку—ни одна строка изъ этой переписки не стала достояніемъ исторіи; всѣ письма какъ-то таинственно исчезали. Такъ, напримѣръ, дѣтины графа Д. Е. Остеня-Сакена достовѣрно известно, что отецъ ихъ переписывался со старцемъ и держалъ его письма особомъ пакетѣ, но пакетъ этотъ послѣ смерти графа куда-то бесследно исчезъ, совершенно такъ же какъ исчезали до-кументы, касающіеся послѣдніхъ годовъ жизни Александра I.

Слѣдуетъ признать, что если тайна смерти императора была не особенно хорошо охранена, то тайна жизни старца была очень хорошо скрыта.

Отъ Федора Кузьмича ничего не осталось, кроме его кельи у Хромова, на стѣнѣ которой, какъ безсильный протестъ противъ тайны, висятъ рядомъ портреты императора и старца, да еще двѣ записки, писанныя Кузьмичемъ и о которыхъ я буду говорить послѣ.

Въ пятыхъ—нельзя не считаться съ тѣмъ фактомъ, что четаря человѣка признали въ старцѣ императора Александра: солдатъ Олењевъ, чиновница Бердлева, бывшій придворный источникъ и еще одинъ солдатъ, шедший въ партии ссыльныхъ. Я привѣлъ пять «пунктовъ», наиболѣе обращающихъ на себя вниманіе, такихъ пунктовъ читатель можетъ еще прибавить много, вчитавшись внимательно въ цитированные мной документы. Но что, въ сущности говоря, по моему мнѣнію, является особенно интереснымъ—это слѣдующее.

Александръ I «официально» умеръ въ 1825 году. Слухи о

томъ, что онъ не умеръ, возникли сейчасъ же; но такъ же быстро какъ они возникли, такъ же быстро они и заглохли. Черезъ какой-нибудь годъ или два никто уже больше не думалъ о таганрогской драмѣ. Проходитъ около сорока лѣтъ, и вдругъ почему-то слухи не только возникаютъ, но молва прямо указываетъ на какого-то сибирского отшельника и называется его именемъ умершаго сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ царя. Почему? Какъ это могло случиться? Какія причины заставили гдѣ-то въ глухомъ уголкѣ потревожить давно забытую и похороненную тѣнь?

Великій Князь Николай Михайловичъ вспоминаетъ по этому поводу Лжедмитрія I, Лжедмитрія II (Тушинскаго вора), Емельяна Пугачева и Степана Разина, указывая на то, что инезапнна кончина наследника престола или самого монарха внушила всегда народнымъ массамъ довѣріе къ самымъ грубымъ проявленіямъ фантазіи смѣлыхъ авантюристовъ.

Съ этимъ до извѣстной степени нельзя не согласиться; но такая точка зрѣнія не можетъ быть примѣнена къ Федору Кузьмичу; такъ еще пожалуй можно объяснить возникновеніе слуховъ по поводу смерти Александра I въ Таганрогѣ въ 1825 г.; но ни Григорій Отрѣньевъ, ни Пугачевъ не объявлялись сорокъ лѣтъ послѣ смерти царевича Дмитрія или императора Петра III, а уже тѣмъ болѣе не скрывали «тайны своего происхожденія»; наоборотъ, они всячески опровергали о немъ, *irbi et orbis*, именно потому, что они надѣвали на себя чужую личину.

Федоръ Кузьмичъ, наоборотъ, упорно хранилъ свою тайну: ни тѣлесные наказанія при допросѣ въ Красноуфимскѣ, ни увѣщанія сибирскихъ преосвященныхъ, ни просьбы окружавшихъ его въ послѣдніе дни его жизни—не заставили его раскрыть тайну его жизни, его прошлое, его настоящее имя.

Хотя С. Ф. Хромовъ и удостовѣряеть, что Федоръ Кузьмичъ—какъ мы видѣли выше—такъ сказать «полу-признался», что онъ императоръ Александръ, но и уже высказывать мой взглядъ на показанія Хромова.

Кстати. Лицо, о которомъ я уже неоднократно упоминалъ, не называя его, сдѣлало мнѣ такое возраженіе:

— «Неужели вы допускаете возможность, что Александръ I,

если бы онъ былъ Кузьмичемъ, позволилъ бы себя высѣчь публично 50-ю ударами розгъ?»

На это я отвѣчу: а что-же онъ, собственно говоря, могъ другое сдѣлать?

Неужели же透过 двѣнадцать лѣтъ послѣ своей официальной смерти онъ долженъ быть сказать при видѣ розгъ или плетей—«не смѣйтъ меня бить. Я императоръ Александръ?» Если бы онъ поступилъ такъ, то, навѣрное, ему никто не повѣрилъ бы, а наказаніе было бы удесятерено.

Кромѣ того, человѣкъ, рѣшившій уйти отъ мѣра и приведшій свой планъ въ исполненіе, т. е. переносившій въ теченіе 12-ти лѣтъ всякаго рода лишенія и отраждавшій свою тайну, неужели виновно выдалъ эту тайну отъ страха быть высѣченнымъ? Чаща испытанія и искупленія выпливается до дна... тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ нельзѧ было и поступить иначе. Сказать—«Я—Александръ I» можно, но какъ это доказать? Не сослаться же на императора Николая Павловича, который, хотя, конечно, и зналъ тайну своего брата, но не могъ въ силу чисто государственныхъ соображеній раскрыть ее.

Къ категоріи такихъ же, по моему, наивныхъ вопросовъ относится и слѣдующій:

— «Если Федоръ Кузьмичъ былъ Александръ I, то гдѣ же онъ скрывался въ теченіе 12-ти лѣтъ?»

Да тамъ же, гдѣ онъ скрывался, если-бъ онъ и не былъ Александромъ! Если можно было бы узнать, гдѣ скрывался Федоръ Кузьмичъ до 1837 года, то, само собой разумѣется, многое могло бы быть выяснено болѣе несомнѣнно, и документально.

Скажу больше: самый фактъ, что жизнь Кузьмича до 1837 г. осталась невыясненной, наводитъ на мысль, что и выяснить ее, вѣроятно, было нежелательно.

Во всякомъ случаѣ вполнѣ очевидно, что онъ скитался по разнымъ монастырямъ и въ особенности на югѣ Россіи; на это указываетъ осѣдлomленность, съ которой онъ составилъ маршрутъ путешествія Александры Никифоровны. Проведи нѣсколько лѣтъ въ южной и центральной Россіи, онъ перебѣхалъ на сѣверъ, гдѣ въ концѣ концовъ и быть арестованъ.

По поводу личности Федора Кузьмича не лишена интереса слѣдующая догадка, приводимая Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ.

Императоръ Павелъ I въ бытность свою еще наслѣдникомъ престола былъ въ связи съ Софьею Степановной Черторыжской, рожденной Ушаковой, вышедшей впослѣдствіи вторично замужъ за графа П. К. Разумовскаго. Отъ этой связи родился сынъ, получившій имя—Семенъ Афанасьевичъ Великий. О немъ извѣстно слѣдующее.

Восьми лѣтъ его помѣстили въ С.-Петербургъ въ Петровловскую школу и, «чтобы онъ не догадался о причинѣ этого предпочтенія», ему выбрали въ товарищи «неважныхъ лицъ». По окончаніи курса его перевели въ Морской кадетскій корпусъ, и 5 марта 1789 года онъ былъ произведенъ въ мичмана. Во время шведской войны С. А. Великій служилъ подъ начальствомъ капитана Травакина и 28 июня былъ присланъ къ императрицѣ Екатеринѣ II курьеромъ съ донесеніемъ. Произведенный въ лейтенанты, онъ, въ числѣ другихъ офицеровъ, былъ посланъ для усовершенствования въ Англію и служа въ англійскомъ флотѣ, умеръ на кораблѣ «Vanguard» въ 1794 году, въ Вестъ-Індіи. По другимъ свѣдѣніямъ отъ утонулъ въ Кронштадѣ. Но по документамъ архива морского министерства, онъ скончался 13 августа на кораблѣ «Vanguard» на Антильскихъ островахъ.

Это—все. Съ другой стороны извѣстно, что графиня Остенъ-Сакенъ, жена Дмитрія Ерофеича, была рожденная Ушакова, а также, что въ семье Ушаковыхъ встрѣчались имена Федоръ и Кузьма; нѣкоторые Ушаковы даже назывались Федорами Кузьмичами. Сопоставляя всѣ эти данные съ тѣмъ фактомъ, что мать С. А. Великаго была тоже изъ рода Ушаковыхъ, возникло предположеніе—не былъ ли сибирскій старецъ С. А. Великій?

Вел. Кн. Николай Михайловичъ, приводя въ своей книжѣ эти данные, совершенно справедливо замѣчаетъ:

«Здѣсь пока не имѣется никакихъ данныхъ, чтобы поддержать гипотезу».

Что касается меня, то я совершенно отрицаю правдоподобіе этой гипотезы, даже не потому, что я лично признаю то-

жество Федора Кузьмича съ Александром I, но просто даже на основаниі тѣхъ данныхъ, которыхъ мы имѣемъ о С. А. Великомъ.

Сопоставимъ хотя-бы извѣстныя намъ латы.

С. А. Великій поступилъ восьмъ лѣтъ отъ рода въ Петровловское училище, по окончаніи которого перешель въ морской кадетскій корпусъ. Въ 1789 г. онъ былъ произведенъ въ офицеры. Павелъ I женился въ 1776 г.; следовательно, рождение С. А. Великаго не можетъ быть отнесено позже чѣмъ къ 1775 г., т. е. онъ родился до женитьбы цесаревича Павла. Принявъ во вниманіе возрастъ его при поступлении въ Петровловское училище и годъ производства его въ офицеры, надо предположить, что онъ родился въ 1771 или 1772 году—если не раньше—т. е. за пять или за шесть лѣтъ до рождения Александра I. Иначе говоря, въ 1864 г. ему было-бы 93—92 года, что не соотвѣтствуетъ возрасту Федора Кузьмича. Но это, такъ сказать, хронологическая вычисленія, на которыхъ можно возразить—«а почему вы знаете, сколько дѣйствительно было лѣтъ Кузьмичу, когда онъ умеръ?»

Есть другіе доводы, опровергающіе всякую возможность отнести съ серьезно къ гипотезѣ о томъ, что сибирскій старецъ могъ быть С. А. Великимъ.

Во-первыхъ, нѣть положительно никакихъ данныхъ сомнѣваться въ томъ, что лейтенантъ Великій утонулъ въ Антильскомъ морѣ; архивы даютъ намъ точное число 'его смерти.

Во-вторыхъ, если даже допустить, что Великій не утонулъ, а скрылся въ 1794 году, то—почему бы 'онъ' это сдѣлалъ? Александръ I имѣлъ свои причины рѣшиться на такой поступокъ—мистицизмъ, угрызенія совѣсти, усталость и т. п., но молодой лейтенантъ, который имѣлъ всю жизнь передъ собой, жизнь и... карьеру, о чьемъ мы можемъ судить по факту посыпки его съ донесеніемъ къ Екатеринѣ II, почему бы онъ, вдругъ рѣшился «уйти отъ 'мира'? Да, наконецъ, какъ онъ, фактически могъ бы осуществить эту мысль? Симулировать смерть дома, въ постели, будучи императоромъ—самодержавцемъ—нетрудно, но физически утонуть въ Антильскомъ морѣ, будучи офицеромъ англійского флота—невозможно.

Въ третьихъ, предположивъ невозможное возможнымъ и допустивъ, что С. А. Великій 'какимъ-то чудомъ умутился

исчезнуть и обратиться въ Федора Кузьмича, не слѣдуетъ забывать, что это произошло 13 августа 1794 г. (день, 'когда онъ утонулъ), т. е. больше чѣмъ за два года до смерти императрицы Екатерины II,—поэтому онъ никакъ не могъ бы обладать тѣми познаніями о политической, придворной, свѣтской и военной жизни конца 18-го столѣтія и первой четверти 19-го, каковыми, какъ намъ извѣстно, въ изобилии обладалъ Федоръ Кузьмичъ.

Мнѣ кажется, что вышеупомянутыхъ соображеній вполнѣ достаточно, чтобы категорически отвергнуть гипотезу о превращеніи С. А. Великаго въ Федора Кузьмича.

Теперь, прежде чѣмъ закончить мое изслѣдованіе, я считаю своимъ долгомъ упомянуть еще о тѣхъ единственныхъ автографахъ старца Федора Кузьмича, которые намъ извѣстны. Автографы эти—две записки, найденные въ мѣшечкѣ, висѣвшемъ у изголовья умирающаго старца, про который онъ 'сказалъ: «въ немъ моя тайна».

Записки эти короткія, узкія, лентообразныя бумажки, исполненные съ двухъ сторонъ. (Факсимиле приведены мною на отдѣльной страницѣ).

На первой запискѣ написано—
на лицевой сторонѣ:

«видинили накакое вѣсъ бѣзсловесіе счастіе слово
изнесе».

на обратной сторонѣ:

«Но егда убо А молчатъ П иѣзвѣщаютъ»

На второй запискѣ:

на лицевой сторонѣ:

1.	2.	3.	4.
о.	в.	а.	зи.
и.	Д.	к.	е.
С.	З.	а.	м.
и.	Д.	в.	р.
и.	Д.	я.	

а крыются струфланъ

на обратной сторонѣ:

во
1837 Г. Мар. 26 въ вол.
43. Пар..

Эти 'две' бумажки известны подъ названиемъ Тайны Федора Кузьмича'; кромѣ нихъ, имѣется еще одинъ только автографъ старца, известный подъ названиемъ «Записи Федора Кузьмича», факсимиле которого читатель тоже можетъ видѣть 'на отдельной страницѣ'. Интересъ сосредоточенъ, конечно, на «Тайнѣ». Многіе изслѣдователи старались разгадать ее, расшифровать.

Пробовать и я, по результатомъ моихъ стараний похвастаться не могу.

Во всякомъ случаѣ, считаю долгомъ подѣлиться съ читателями моими заключеніями, ничего особенного не представляющими, но могущими, быть можетъ, послужить материаломъ для болѣе проницательныхъ изслѣдователей.

1) Первая записка, какъ на лицевой, такъ и на обратной сторонѣ ничего таинственнаго изъ себя не представляеть. Это—отдельные фразы болѣе или менѣе понятныя и во всякомъ случаѣ къ шифру второй записки никакого отношенія не имѣющія.

2) «Виднѣши на какое вѣсль бѣзсловесіе (или «бѣзловесіе», какъ читаются некоторые толкователи) счастіе слово (или «слава») 'изнѣсе'.

Это можно понять такъ:

«Виднѣши на какое молчаніе вѣсль обрекло ваше счастіе и ваше слово (т. е. обѣданіе)» или «вша слава».

3) «Но егда убо А молчатъ П не возвѣщаютъ».

Если согласиться съ тѣмъ, что Федоръ Кузьмичъ 'быть императоръ Александръ', то смыслъ этой фразы очень понятенъ: «Но когда Александръ молчатъ, то Павлы 'не возвѣщаютъ', т. е. «но когда Александръ хранитъ молчаніе, то его не терзаютъ угрызенія совѣсти относительно Павла».

4) Первая половина лицовой стороны второй записки представляетъ изъ себя, конечно, ключъ къ шифру, при помощи которого 'Федоръ Кузьмичъ, вѣроятно, вель переписку съ какими-то лицами; вторая половина, т. е. «а крьются стру-
фантъ»—очень загадочна.

Я обратилъ вниманіе на слѣдующее 'обстоятельство'.

Въ вышеупомянутой фразѣ шестнадцать буквъ; въ «ключѣ» встрѣчается тоже число—шестнадцать знаковъ: не

(подпись)

Рукоятъ зеркальное, деревянное
предметъ изъ гравированного дерева
и бронзы на концахъ медныхъ болтами
съ всемъ сиріемъ, а со всемъ эмалью, золотомъ
и зеленымъ лакомъ на зеркале
зрительное, на зеркале воневъ образовано крестомъ

Александръ Федоръ Кузьмичъ

Почеркъ Императора Александра I.

Лицем к стороне.

ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ

卷之三

Gügumale Hananoban *Castillea* *lanceolata*

Stocca 460, c. 110

1. 2. 3. 4.
О. 6. а. в. 8. Р.
С. 2. 4. 9. 11.

337. T. May 26. f. 6th,
43. Tap.

„ТАЇНА

КОЗЬМИЧА.

Христофор Иванович - Фуки Ильинича
Софьи Фуки - Евгения Николаевича - 656;
Фуки - Фуки Елизаветы Федоровны - Фуки Елизаветы
Федоровны - Фуки Елизаветы Федоровны.

111. Воронежская Октябрьская - омк
112. Одо раша - Столица Сибири - Орд
113. Орд Краснодар - Орд Ставрополь - Орд
114. Орд Удмуртия - Орд Татарстана - Орд

„КОПИЯ СЪ ОСТАВЛЕННОЙ ЗАПИСЬЮ СТАРЦА ФЕОДОРА КОЗЬМИЧА“.

говорю буквъ, а именно—знаковъ, т. к. тамъ дважды понимаются комбинаціи изъ двухъ буквъ, соединенныхъ въ одинъ знакъ («ео», «эн»).

Затѣмъ меня заинтересовало слово «струфіантъ»; въ «толковомъ словарѣ» В. Даля я нашелъ слѣдующее:

«Строусть, страусъ, струсь, струсь, струфъ строфіонъ... будуть «селенія сіріонъ и селища струфіонъ» (Исаія)».

Пересмотрѣвъ «Кнігу пророка Исаія», я нашелъ, что фраза эта взята изъ стиха 21 главы 13.

Опять таки если согласиться съ тѣмъ, что Кузьмичъ и Александръ одно и то-же лицо, то фраза:

«а крываются струфіантъ»,
можетъ прочтеть: «я скрываю тебя, Александръ, какъ страусъ,
прячущий голову подъ крыло».

5) Обратная сторона второй записки не представляетъ ничего другого, какъ только дату и такъ сказать адресъ, т. е.: 26 марта 1837 года (день, когда старецъ прибылъ въ Сибирь) «43 пар.» (43-я партия, съ которой онъ прибылъ), «в. вол.» (по всѣмъ вѣроятіямъ—«боготольская волость»; можетъ быть, старецъ по ошибкѣ, или опискѣ, или незнанію поставилъ «въ вѣсто «б».»

6) Буква «д», писанная такъ, какъ въ «тайнѣ», очень характерна для почерка Александра I; обращаетъ на себя вниманіе не то, что она писана какъ французское «g»—это часто встречалось въ 19 столѣтіи—но что нижній завитокъ перечеркнутъ рѣзкимъ штихомъ.

По этому поводу не могу не отмѣтить одной особенности въ «записи» старца, писанной безусловно тѣмъ же почеркомъ, что и «тайна». Въ «записи» буква «д» писана иначе, т. е. съ завиткомъ кверху, причемъ завитокъ тщательно вычерченъ съ нажимомъ пера, какъ сдѣгалъ бы человѣкъ не привыкшій писать эту букву именно такъ.

Заканчивая мое изслѣдованіе вопроса объ императорѣ Александрѣ I и сибирскомъ отшельнику Федорѣ Кузьмичѣ, я, можетъ быть, долженъ былъ бы написать еще нѣсколько страницъ патетического заключенія. Но я думаю, что это излишне. Я привѣтствую всѣ изгѣстніе и доступные изслѣдова-

тепло документы, сочинявши ихъ, отмѣтилъ всѣ ихъ особенности, высказавъ мое мнѣніе, въ искренности котораго читатель, надѣюсь, не усомнится, а затѣмъ—пусть каждый судить по своему.

Но моему—императору Александрю I не умеръ въ Татаи-
рогъ, а удалился отъ мира и скончался въ 1864 году въ образѣ
Федора Кузьмича... Въ этомъ я убѣдился, изучая доводы и
документы противниковъ такой точки зрѣнія.

1 мая (18 апреля) 1912 г.
Лондонъ.

«КИ-ВО ПРОМЕТЕЙ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ПОВАРСКОЙ, 10.

УПТОНЬ СИНКЛЕРЪ

Собрание сочинений въ 4 томахъ.

- Т. I. Испытанія любви. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
Т. II. Джунгли. Романъ. Ц. 1 р.
Т. III. Деньги. Романъ. Ц. 1 р.
Т. IV. Цари Мидасъ. Романъ. Ц. 1 р.

Двумя крупными, сильными и бодрыми талантами, двумя писателями большой силы и высокого навыка подарила наше современное Америка, страна "business", практицизма и здраваго смысла. Это—Джекъ Пойсонъ, выпускаемый теперь издательствомъ "Прометей", и Уинтонъ Синклеръ, три тома которого тоже только что вышли въ этомъ издательстве.

История литовской эмигрантской семьи, всѣ силы которой съ пропилностью машинъ, съ непреложностью рока высасываютъ крупный капиталъ, — написана въ романѣ "Джунгли" не только глубоко-трогательно, но и потрясающе-ярко.

Картины боевъ мясного треста въ Чикаго, царища здѣсь на-
глости и холодной жестокости вызываютъ, какъ известно, въ Америкѣ
сильное движение противъ трестовъ и, какъ *слидство романа, по-
явился даже специальный парламентский актъ.*

Неожиданными для американского писателя были страстная горечь и неукротимый гнѣвъ, проникающіе "Джунгли", и въ этомъ главная красота романа.

Но еще пишіи, еще арте развернулся талант Синклера въ "Испытаніяхъ любви", на которыхъ стоитъ остановиться подробнѣе.

На протяженіи пятисотъ страницъ дѣйствуютъ въ сущности только два героя; вниманіе автора направлено почти исключительно внутрь ихъ душъ, и, тѣмъ не менѣе, отъ книги нельзѧ оторваться, она прокликаетъ, она клечетъ къ себѣ и терапеетъ въ то же время.

"Пламенѣющий духъ" — такъ называетъ Синклера своего героя Тирсиса, и такъ же хочется называть этого странного, влкующаго и ужасающаго автора.

"Книга о "Западѣ" — какъ называется Тирсисъ жизнь человѣка — такъ правильнѣе было бы озаглавить "Испытанія любви". Первые итакъ десятки страницъ неожиданно переносятъ васъ въ атмосферу "Безнадежно погибающихъ". Г. Банга—это рание дѣт-

„БИ-ВО ПРОМЕТЕЙ.“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ПОВАРСКОЙ, 10.

ство Тирсиса, положе внутренне и по колориту на дѣтство героя детского автографа.

Романъ ширится, расстѣнія душа Тирсиса, создателя новой красоты, творца новой религіи, беастраниаго философа и мощнаго поэта, окрѣпла въ борѣѣ, опредѣлила свое высокое назначеніе.

Но шагъ за шагомъ, безъ гѣбла и жестокости, движимая только своей собственной нѣвѣдомой смертнѣмъ волей, — жизнь захлопываетъ передъ нимъ одну дверь за другой, жалищами терпніемъ покрываєтъ тропинку за тропинкой, обезкрыливаетъ ихъ порывы къ свету людѣй, непонимающіемъ и — бѣдностью, бѣдностью.

Нынѣ возможностіи даже приближительныи передаютъ все очарованіе этой странной книги, („Несытній Любви“) но такія страницы, какъ моментъ рожденія у Тирсиса ребенка или убийство оленя въ лѣсу, или скитальчество въ палатѣ у озера, — эти страницы и многія другія написаны не только „пламенѣющимъ духомъ“, но и истинными художникомъ слова, которому вѣдома великая тайна творчества, его обаяніе и высокая радость.

„Рѣчь“, 25 июня 1912 г.

Л. Василевский.

Романъ этотъ („Джунгли“) не новъ: онъ вышелъ еще въ 1906 году и тогда же былъ переведенъ на всѣ языки. Весь читающій міръ былъ захваченъ этой простой исторіей переселенческой литовской семьи, постепенно распадающейся и погибающей, какъ путники въ непроходимой чащѣ джунглей, въ дебряхъ безпросвѣтнаго, тяжелаго труда, полуживотнаго существованія и полнаго безправія, бывающей, какъ риба въ стихѣ, въ паутинѣ жестокости и эксплуатации, изъ которой ткутся богатства американскихъ миллиардеровъ. За этой зауридной, скромной семьей стоитъ цѣлая армія такихъ же обездоленныхъ трудящихся массъ, добры того безправія и нищеты, изъ которыхъ, какъ иловитые цветы джунглей, выростаютъ сказочные миллиарды. Къ романамъ Синклера не предъявляешь запросовъ художественности; это почти сплошь публицистика, но въ своей сухой, статистической точности она подчасъ краснорѣчіе многихъ художественныхъ произведеній. „Джунгли“ — лучший изъ романовъ Синклера.

„Современное Слово“, 31 марта 1912 г.